

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:
ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В КОММУНИКАЦИИ**

**Материалы международной
научно-практической конференции
(г. Уфа, 15-16 декабря 2017 г.)**

**Москва-Уфа
РИЦ БашГУ
2017**

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2
М 43

*Печатается по решению Ученого совета Института языкознания РАН
(Протокол № 1 от 30.11.2017 г.)
и Ученого Совета ФРГФ БашГУ, (Протокол № 4 от 28.11.2017 г.)*

Редакционная коллегия:

д-р филол.наук, профессор **Е.Ф. Тарасов** (*отв. редактор, Москва*);
д-р филол.наук, профессор **Н.П. Пешкова** (*зам.отв. редактора, Уфа*);
д-р филол.наук, доцент **Р.А. Газизов** (*Уфа*);
д-р филол.наук, главный научный сотрудник **Н.В. Васильева** (*Москва*);
канд.филол.наук, доцент **Р.И. Виноградова** (*Уфа*);
старший преподаватель **Д.Ш. Юзликбаева** (*Уфа*);
ведущий инженер **А.Р. Ахметзянова** (*Уфа*).

М 43 **Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации:** материалы Международной научно-практической конференции (г.Уфа, 15-16 декабря 2017 г.) / отв.ред. Е.Ф. Тарасов - Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 310 с.

Сборник материалов конференции содержит статьи, посвященные различным аспектам межкультурной и интракультурной коммуникации, а также проблемам интертекстуальности и прецедентного текста в коммуникации. Рассматриваются теоретические и прикладные вопросы психолингвистики и социолингвистики, когнитивистики и прагмалингвистики. Уделяется внимание проблемам обучения профессиональной языковой коммуникации, а также теории и практики перевода.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов в области филологии, лингвистов, литературоведов, переводчиков, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.

Рецензенты: проф. Р.З. Мурясов (БашГУ), проф. А.П. Майоров (БГМУ)

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

ISBN 978-5-7477-4505-6

© Институт языкознания РАН, 2017 г.
© БашГУ, 2017 г.

Verbal Aggression on the Internet

Verbal aggression refers to any behavior that uses words to do harm, such as insults, defamation, or threats. This destructive form of communication can occur face-to-face or be computer-mediated. In computer-mediated communication, verbal aggression can be open, when a person is attacked by an aggressor directly via any other kind of message, or covert, when the aggression is directed at an absent target. The covert aggression can sometimes be referred to as venting [4].

Analyses of aggressive language use in online communication date back to the early studies on the phenomenon of flaming in computer-mediated communication, which is defined as “hostile and aggressive interactions via text-based computer mediated-communication” [7, 69]. More recent research defines verbal aggression in online discussions as incivility, a term that means “features of discussion that convey an unnecessarily disrespectful tone toward the discussion forum, its participants, or its topics” [2, 660].

Although the definitions of aggressive verbal behavior in online interactions vary, the most common criteria convey uncivil language and attacks [1]. So researchers have developed several category classifications in order to explore the different expressions of aggression. Categories include, for example, “hostile words and expressions, swear words and derogatory names, direct and indirect threats, use of letters, symbols and punctuation marks conveying hostility or aggression, and insulting, sarcastic, teasing, negative, or cynical comments” [6, 437].

The occurrence of aggressive behavior in online discussions is often blamed on the anonymity of the Internet; however, even on less anonymous platforms, such as social networking sites, users post a lot of aggressive comments, which can elicit a wave of negative responses. A lot of researchers conduct laboratory experiments drawing on the social identity and deindividuation effects models in order to disentangle the effects of anonymity, social group norms, and their interactions on aggressive language use in online comments. Results of such research reveal that participants use more aggressive expressions in their comments when peer comments on a blog include aggressive wording (i.e.,

the social group norm is aggressive). There is a tendency that users' conformity to an aggressive social norm of commenting is stronger in an anonymous environment.

Every day, millions of Internet users post aggressive online comments on participatory social media platforms, such as Facebook, YouTube, or weblogs, in order to voice public criticism, personal indignation, or to simply let off steam. In many cases, these comments include crude remarks and address companies, brands, or public characters like politicians or pop stars [8]. The forms of aggression are manifold and vary from expressions of disgust and contempt, to treats, slander, insults, and hatred. If the aggression is met with approval by other users, it can escalate and elicit an "online firestorm," which is described as a wave of negative and angry online comments in social media [8].

The anonymity on the Internet as one of the key reasons for online aggression traces back to the theory of deindividuation [3], which states that people lose their inner constraints and feel less self-aware, inhibited, and responsible for their behavior when they are anonymous. Whenever users leave comments on a website, they are not physically present. Many platforms even enable users to comment without revealing personal information. In this anonymous online context, scholars have noticed that people experience greater feelings of disinhibition, which make them "say or do things that they would not say or do face-to-face" [10, 321]. This was shown in early experimental studies, which found that people interacted less inhibited and more aggressively in anonymous computer settings than face-to-face [9]. Furthermore, current research found more aggressive language in anonymous computer-mediated communication than in identifiable settings on the computer, for example, in which communicators reveal their names and personal information or use webcams [6].

However, users experience verbal aggression and uncivilized behavior even on less anonymous web platforms like social networking sites, where most people are registered by their real name and share personal information. Since verbal aggression has great potential to escalate and set the tone in online discussions, the exerted social influence of other online users and the power of social norms might be another cause of aggressive language use in online communication. According to social influence theories, individuals affect each other's opinions and behaviors in social context and tend to conform to prevalent social

norms of a common social group – especially when they identify with the group.

Concerning the multitude of aggressive online comments in social media, a key research aim of studies is to identify the factors and to disentangle the mechanisms that affect users to comment online in an uncivil way. Based on deindividuation theory, for one thing, some scholars would argue that anonymity is a key influencing factor for verbal aggression online. For another thing, theories on social influence and social identity posit that people are affected by the social behavior and social norms of others, which leads to the assumption that users can adopt an aggressive tone in their own comments when other users comment aggressively. Users are most prone to use aggressive language in their comments when the situation is constituted by the combination of both, anonymity and an aggressive commenting norm among the group of commenters.

According to Suler [10], the anonymity experienced online may foster aggressive behavior in online communication because it makes people feel less inhibited in cyberspace than offline (online disinhibition effect). This feeling of disinhibition may lead to “benign” or “toxic” effects in CMC, with toxic consequences, such as uncivil language, harsh criticism, threats, or hate speech in online comments [10]. From a psychological point of view, people in a deindividuated state feel less inhibited and less responsible for their behaviors, and, as a result, act more antisocially and aggressively [3]. Thus, the process of deindividuation describes how individuals lose their identities and, by that, control over their behaviors. This theory provides a useful framework for studying aggressive behavior in online communication because anonymity, reduced self-regulation, and reduced self-awareness – important conditions for deindividuation – are also common in CMC [5].

Within the framework of the social identity theory, a social identity is defined by a person’s awareness of being part of an emotionally relevant social group. This comes from the assumption that an individual’s self-concept includes not only their personal identity (which describes a person’s unique personal features), but also several social identities (different ones for different groups they belong to). People assimilate themselves to their group and perceive greater consonance with other members’ opinions and attitudes. If a social identity becomes

salient, that is, a person perceives himself or herself more in terms of group membership rather than as a unique individual, this process is described by depersonalization. In contrast to the process of deindividuation, which describes the losing of identity, depersonalization is defined as a shift from the personal to the social identity. In this state, group members are perceived as highly similar to each other and have the greatest influence on the individual.

References

1. Blom R., Carpenter S., Bowe B. J., Lange R. Frequent contributors within US newspaper comment forums an examination of their civility and information value. – *American Behavioral Scientist*, 2014. – V.58. – pp. 1314–1328.
2. Coe K., Kenski K., Rains S. A. Online and uncivil? Patterns and determinants of incivility in newspaper website comments. – *Journal of Communication*, 2014. – V.64. – pp. 658–679.
3. Festinger L., Pepitone A., Newcomb T. Some consequences of deindividuation in a group. – *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952. – V.47. – pp. 382–389.
4. Kayany J.M. Contexts of uninhibited online behavior: Flaming in social newsgroups on usenet. *Journal of the American Society for Information Science*, 1998. – V.49. – pp. 1135–1141.
5. Kiesler S., Siegel J., McGuire T. W. Social psychological aspects of computer-mediated communication. *American Psychologist*, 1984. – V. 39. – pp. 1123–1134.
6. Lapidot-Lefler N., Barak A. Effects of anonymity, invisibility, and lack of eye-contact on toxic online disinhibition. *Computers in Human Behavior*, 2012. – V.28. – pp. 434–443.
7. O’Sullivan P.B., Flanagin A.J. Reconceptualizing “flaming” and other problematic messages. *New Media & Society*, 2003. – V.5. – pp.69–94.
8. Pfeffer J., Zorbach T., Carley K.M. Understanding online firestorms: Negative word of mouth dynamics in social media networks. *Journal of Marketing Communications*, 2013. – V. 20. – pp. 117–128.
9. Siegel J., Dubrovsky V., Kiesler S., McGuire T.W. Group processes in computer-mediated communication. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1986. – V.37. – pp. 157–187.
10. Suler J. The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, 2004. – V.7. – pp. 321–326.

© Emily Carpenter, 2017

An Intercultural Focus in Language Education

Understanding the nature of the relationship between language and culture is central to the process of learning another language. In actual language use, it is not the case that it is only the forms of language that convey meaning. It is language in its cultural context that creates meaning: creating and interpreting meaning is done within a cultural framework.

In language learning classrooms, learners need to engage with the ways in which context affects what is communicated and how. Both the learner's culture and the culture in which meaning is created or communicated have an influence on the ways in which possible meanings are understood. This context is not a single culture as both the target language and culture and the learner's own language and culture are simultaneously present and can be simultaneously engaged. Learning to communicate in an additional language involves developing an awareness of the ways in which culture interrelates with language whenever it is used [8].

The linking of language and culture in the foreign language classroom has been the focus of much scholarly inquiry [2], [8]. With increased globalization, migration and immigration, there has been a growing recognition for the need for an intercultural focus in language education. While language proficiency lies at the heart of language studies, it is no longer the only aim of language teaching and learning. Language goals should be defined in terms of the 5 'C's (Communication, Cultures, Connections, Comparisons, and Communities) designed to guide learners toward becoming viable contributors and participants in a linguistically and culturally diverse society.

When language educators plan a standards based curriculum, it becomes clear that language and culture are inextricably linked. Moloney and Harbon [9] note that within the context of language classrooms intercultural practice asks students to think and act appropriately within a growing knowledge of the culture within language. This requires instructional planning that provides time and space for cultural exploration and discovery.

Knowledge of cultures is important for facilitating communication with people. Therefore learners of languages need to learn about and understand cultures. Understanding culture as practices with which people engage becomes centrally important. This means that in the language classroom it is not just a question of learners developing knowledge about another culture but of learners coming to understand themselves in relation to some other culture. This is why there is a contemporary emphasis on ‘intercultural’.

Learning to be intercultural involves much more than just knowing about another culture: it involves learning to understand how one’s own culture shapes perceptions of oneself, of the world, and of our relationship with others. Learners need to become familiar with how they can personally engage with linguistic and cultural diversity. There is another way to think about culture in language teaching: the distinction between a cultural perspective and an intercultural perspective [8].

Research on intercultural competence underscores the importance of preparing students to engage and collaborate in a global society by discovering appropriate ways to interact with people from other cultures [12]. An interculturally competent speaker of a foreign language possesses both communicative competence in that language as well as particular skills, attitudes, values and knowledge about culture. An interculturally competent speaker turns intercultural encounters into intercultural relationships — someone determined to understand, to gain an inside view of the other person’s culture while also contributing to the other person’s understanding of his/her own culture from an insider’s point of view [2].

Learning another language can be like placing a mirror up to one’s own culture and one’s own assumptions about how communication happens, what particular messages mean and what assumptions one makes in one’s daily life. Effective intercultural learning therefore occurs as the student engages in the relationships between the cultures that are at play in the language classroom. Such learning involves much more than just developing knowledge about some other culture and its language.

The intercultural framework consists of three intersecting dimensions for understanding approaches to the teaching of culture in language learning:

- the nature of content: artefact-practice;

- the nature of learning: fact-process;
- the nature of the educational effect: cultural-intercultural.

In learning about culture in the language classroom, we need to draw on our own experiences of language and culture as they are encountered when trying to create and interpret meanings. The ability to learn beyond the classroom is probably more important than any particular information that students may learn about another culture during their schooling. This is because it is impossible to teach all of any culture because cultures are variable and diverse [11].

Defining intercultural competence is a complex task. At the heart of intercultural competence is the preparation of individuals to interact appropriately and effectively with those from other cultural backgrounds [12]. As a result, understanding culture becomes an integral component of intercultural competence. Nieto's [10] definition of culture as the ever-changing values, traditions, social and political relationships, and worldview created, shared, and transformed by a group of people, makes it difficult to identify which aspects of a given culture should be included in classroom instruction. Furstenberg [5] further explains that culture is a highly complex, elusive, multilayered notion that encompasses many different and overlapping areas and that inherently defies easy categorization and classification.

Bennett's [1] Developmental Model of Intercultural Sensitivity charts the internal evolution from "ethnocentrism" to "ethnorelativism" within the context of intercultural interactions. In order to successfully navigate intercultural situations, Bennett postulates that a person's worldview must shift from avoiding cultural difference to seeking cultural difference.

Gudykunst's Anxiety/Uncertainty Management Model explains that those hoping to adjust to new cultural situations must learn to successfully manage their anxiety in new cultural environments [6]. Gudykunst makes clear that when anxiety about interacting in intercultural situations is too high, sojourners are less likely to accurately interpret the hosts' responses. On the other hand, when anxiety is too low, visitors to other countries engage in conversation believing that they completely understand everything about the foreign culture, and therefore do not remain open to belief changes as a result of what is learned during cross-cultural interactions.

This model is often used in training sessions for those planning to live abroad. The training sessions incorporate discussion and role-play so that attendees learn to manage their anxiety in order to effectively communicate with those from other cultures. In Byram's [2] Multidimensional Model of Intercultural Competence, the first factor an individual must address is attitude. Byram uses such words as openness and curiosity to explain his conviction that an individual must remain open to learning about new beliefs, values, and worldviews in order to participate in relationships of equality.

Byram, Gribkova, and Starkey [3] offer a practical suggestion for getting students to consider their own perspectives by collectively recording their preconceived ideas in relation to the foreign culture before the process of discovery begins. This allows the learners to record their perceptions before the unit of study so that they have a reference for comparison once the process is complete.

In addition to the aforementioned models of intercultural competence, scholars stress the importance of self-awareness and internal transformation in the pursuit of intercultural competence [5], [7]. For example, when Dearsdorff [4] set out to solicit definitions of intercultural competence from university administrators and intercultural scholars, she discovered that both groups privileged the transformation of attitude, including self-awareness and openness to new values and beliefs, as a vital first step to becoming interculturally competent.

As language educators, we know that what we can teach in the classroom is inevitably only a partial picture of a language and culture. By acknowledging that limitation in our own teaching, we are less likely to develop stereotypical views of the cultures we are teaching about. Learning how to learn about culture means that, as people engage with new aspects of culture, they develop their knowledge and awareness and find ways of acting according to their new learning.

One way of developing intercultural capabilities is through an interconnected set of activities involving:

- noticing cultural similarities and differences as they are made evident through language;
- comparing what one has noticed about another language and culture with what one already knows about other languages and cultures;

- reflecting on what one's experience of linguistic and cultural diversity means for oneself: how one reacts to diversity, how one thinks about diversity, how one feels about diversity and how one will find ways of engaging constructively with diversity;

- interacting on the basis of one's learning and experiences of diversity in order to create personal meanings about one's experiences, communicate those meanings, explore those meanings and reshape them in response to others [11].

Based on the standards found in the Council of Europe's Common European Framework of Reference for Languages, Byram et al. [3] emphasize the fact that since culture is an ever-changing force, foreign language teachers must be prepared to create an environment of curiosity and inquiry in order to guide learners toward intercultural competence. In this situation, the teacher's job is not to provide specific questions and answers in relation to the artifact, rather to pose some open-ended questions to guide learners toward independent discovery of differing worldviews based on common textual material. This places the learner in the role of an active gatherer of knowledge and information, thereby minimizing judgment about the culture.

Through intercultural language learning, students engage with and learn to understand and interpret human communication and interaction in increasingly sophisticated ways. They do so both as participants in communication and as observers who notice, describe, analyse and interpret ideas, experiences and feelings shared when communicating with others. In doing so, they engage with interpreting their own and others' meanings, with each experience of participation and reflection leading to a greater awareness of self in relation to others. The ongoing interactive exchange of meanings, and the reflection on both the meanings exchanged and the process of interaction, are an integral part of life in our world.

Literature

1. Bennett, M. J. Becoming interculturally competent. In J.S. Wurzel (Ed.), *Toward multiculturalism: A reader in multicultural education*, 2, 2004, 62-77.
2. Byram, M. *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1997, 124 p.
3. Byram, M., Gribkova, B., & Starkey, H. *Developing the Intercultural Dimension in Language Teaching: A Practical Introduction for Teachers*. Strasbourg: Council of Europe, 2002, 41 p.

4. Deardorff, D.K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal Studies in International Education*, 10(3), 2006, 241-266.
5. Furstenberg, G. A dynamic, web-based methodology for developing intercultural understanding. *Proceedings of the 3rd international conference on intercultural collaboration*, 2010, 49-58.
6. Gudykunst, W.B. Applying anxiety/uncertainty management (AUM) theory to Intercultural adjustment training. *International Journal of Intercultural Relations*, 22(2), 1998, 227-250.
7. Kramsch, C. The language teacher as go-between. *Utbildning & Demokrati*, 13(3), 2004, 37-60.
8. Liddicoat A., Papademetre L., Scarino A., Kohler M., Report on intercultural language learning. 2003, <http://www1.curriculum.edu.au/nalsas/pdf/intercultural.pdf>
9. Moloney, R. & Harbon, L. Making intercultural language learning visible and assessable. *Proceedings of Intercultural Competence Conference*, August, 2010, 1, 281-303.
10. Nieto, S. *The Light in Their Eyes: Creating Multicultural Learning Communities*. Multicultural Education Series. New York, NY: Teachers College Press, 1999, 207 p.
11. Scarino A. and Liddicoat A., *Teaching and Learning Languages: A Guide*. Language, Culture and Learning, 2009, 104p. http://www.tllg.unisa.edu.au/lib_guide/gllt_ch2.pdf
12. Sinicropo, C., Norris, J., & Watanabe, Y. (2012). Understanding and assessing intercultural competence: A summary of theory, research, and practice, 1-58

© R. Gotsiridze, 2017

Karlheinz Hengst
Universität Leipzig, Deutschland

Pragmatonyme aus der jüngeren ostdeutschen Vergangenheit und Oralität

Sozioonomastische Untersuchungen zum Gebrauch von Onymen in der mündlichen Kommunikation in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts im Osten Deutschlands haben Einblicke in die Verwendung von Eigennamen mit gesellschafts- bzw. systemkritischem Akzent er-

geben. Es handelt sich dabei um *inoffizielle* Namen mit sozialkritischer Intention. In Thesenform lassen sich folgende Ergebnisse nennen:

1. Kritische Wertungen erfolgen sowohl mit a) appellativischen als auch b) onymischen Mitteln. Erlebte Erfahrung und daraus resultierende Wertung sind somit in den inoffiziellen Onymen gespeichert.

2. *Sozial markierte Pragmatonyme* sind nur zu verstehen, wenn die notwendigen Präinformationen vorhanden sind oder jeweils zusätzlich eine Erklärung erfolgt. Das ist besonders zum Verstehen ausserhalb des Landes, also etwa im Ausland, wichtig. In der *Nomination* sind zwei Tendenzen erkennbar: a) Onym- bzw. Pragmatonymbildung mit appellativischem Zusatz; b) Proprialisierung von Onymen.

3. *Pragmatonyme* für Einrichtungen und Produkte aus der *DDR-Zeit* sind auch ausserhalb der sozialen Namengebergruppe inzwischen weithin im deutschen Sprachgebiet bekannt geworden.

4. *Mehrfachbenennungen* als inoffizielle Onyme beruhen auf unterschiedlichen Namengebern an verschiedenen Orten und zuweilen auch zu verschiedenen Zeiten für das gleiche Objekt.

5. Die *Entstehungssituationen* sind meist unbekannt. Es ist aber von *Konfliktsituationen* auszugehen. Es kann sich dabei handeln um a) persönliches Konflikt-Erleben oder b) um sozial markierten Protest gegen die offizielle Bewertung des Bezeichneten (Denotats).

6. *Anlass* für die inoffizielle onymische Nomination sind meist bestimmte Merkmale der Denotate. Zwei Gruppen lassen sich differenzieren: a) Pragmatonyme mit Bezug auf Verhaltensweisen des benannten Objektes; b) Pragmatonyme nach der äusseren Erscheinungsform eines Objektes.

7. Das *Benennungsmotiv* bei Pragmatonymen ist aussersprachlicher Natur. Inoffizielle Onyme sind geprägt durch qualitativ wertende und charakterisierende Benennungsmotive. Ein Merkmal des Benannten wird zum Bindeglied zwischen dem Benannten, also dem Objekt, und dem Benennenden, also dem kritischen Sprecher.

8. Die *onymische Form* bzw. das *Nominationsmodell* der inoffiziellen Onyme als Pragmatonyme ist interessant, weil zugleich von *Innovation* bestimmt. Die sprachlichen Bildungen zeigen in der Namenstruktur von inoffiziellen Namen eine Erweiterung der Strukturmodelle im Vergleich zur offiziellen Standardsprache: Zu beobachten sind a) Oxymoronbildungen b) Wortgruppenlexeme mit wiederum unterschiedlichen Strukturtypen wie b¹) Adjektiv + Substantiv, b²) Adjektiv

+ Präposition + Substantiv, b³) Abbriviatnr + Substantiv, b⁴) fünf- und sechsgliedrige Wortgruppen; c) Verwendung fremdsprachiger onymischer Mittel; d) Nutzung von Abkürzungen oder Initialen von Personennamen (Anthroponymen).

9. Die *Existenz* und *Kontinuität* inoffizieller Pragmatonyme ist infolge nur oraler Tradierung immer bedroht. Verwendung und Bekanntheitsgrad in breiten Kreisen beruhen zwar auf Akzeptanz ausserhalb der offiziellen Sprachverwendung. Aber bei Wandel der gesellschaftlichen Verhältnisse werden diese Onyme nur noch begrenzt in der Rückschau verwendet, und sie werden somit schnell zu Archaismen.

10. Inoffizielle Pragmatonyme spiegeln einen Ausschnitt aus der *Mentalitätsgeschichte* einer Sprachgemeinschaft wider. Sie sind Ausdruck der geistig-seelischen Haltung einer Gruppe von Namengebern sowie auch der Namenverwender in einer bestimmten Zeit. Die emotiv-affektive Komponente mit Appellfunktion sowie die Expressivität infolge Charakterisierung des Benannten seitens des Namengebers und Namenverwenders macht diese Onyme zu regelrechten Denkmälern im Gedächtnis einer Sprache.

11. *Quellen* für inoffizielle Onyme und sozial determinierte Pragmatonyme liegen in der vertikalen Schichtung einer Sprache. Auskunfts-fähig ist insbesondere die orale Kommunikation in den Bereichen von alltäglicher Umgangssprache, Mundart (Dialekt) und Soziolekt. Inoffizielle Onyme aus der Zeit der realsozialistischen Gesellschaftsperiode im 20. Jahrhundert sind inzwischen auch in literarischen Werken und kritisch wertenden Berichten aus den letzten zwei bis drei Jahrzehnten zu finden.

12. Wünschenswert ist eine rasche *Erfassung* inoffizieller Onyme auch in den slawischen Sprachen mit Blick auf die mit den jeweiligen Sprechhandlungen verbundenen Absichten wie Kritik, Warnung, Richtigstellung, Spott usw. Neubildungen und ihre Varianten sowie Dubletten mit gleicher Funktion verdienen es, erfasst und bewahrt zu werden.

© Karlheinz Hengst, 2017

Teaching English as a Means of Developing Intercultural Communicative Competence

Knowledge of a foreign language as a means of communication is now a necessary part of general education. With the development of economic globalization, the expansion of cooperation with other countries in various spheres of life, first of all in business and professional spheres, the role and necessity of intercultural interaction, and consequently of communication has increased.

Modern society is in the process of constant development. Changes taking place in the field of science, technology and cultural life of people are constantly reflected in a language that, being a means of human communication, is a social phenomenon. Language plays the essential role in public life. Being the basis of mutual understanding, social peace and development, it is, as well as society, in continuous movement and improvement. Language is a reflection of the political, economic, social and cultural changes taking place in the life of society.

Speaking about the importance of language, Ter-Minasova mentions that: "Language is a mirror that shows not the world in general, but the world in the perception of human being. ... Simultaneously, in the mirror of the language are reflected the person himself/herself, his/her way of life, his/her behavior, relationships with other people, the system of values, culture – the world in a human himself/herself. Language as a mirror reflects both worlds: outside the person, that is, the one that surrounds him/her, and within the person, that is, one that is created by himself/herself" [11, 348].

In a view of world globalization, the English language, due to its "communicative potential" [4, 230-232] transforms from one of the most widespread international languages into the global language of universal communication in all spheres of international activities and, first of all, in science and higher education.

A good command of English, being an international, the world's most widespread language, is now generally recognized as an indispensable part of many professions. It is not only reliable basis for better communication, it is also the source of technological progress as it ena-

bles rapid exchange of information and research of common global problems. English functions as an international communication tool.

As it was already mentioned above, intercultural communication is becoming more and more essential in a globalized world. Today people from all over the world and different cultural backgrounds come into contact with each other on a regular base. Such disciplines as anthropology, psychology, sociology, as well as linguistics, business studies and communication science are all involved in intercultural communication and they all therefore study it from their individual perspectives.

Intercultural communication is the exchange of cultural information between two groups of people with significantly different cultures [2, 260]. According to Ting-Toomey [12, 16-17], intercultural communication is viewed as “the symbolic exchange process whereby individuals from two (or more) different cultural communities negotiate shared meanings in an interactive situation”.

Since in any intercultural communication process, people use verbal and nonverbal messages to get their ideas across, we can say that intercultural communication is the verbal and nonverbal interaction between people from different cultural backgrounds.

Teaching a foreign language to EFL students shouldn't be reduced to the direct teaching of linguistic skills like phonology, morphology, vocabulary, and syntax. The contemporary models of communicative competence show that there is much more to learning a language, and they include the vital component of cultural knowledge and awareness [1]. In other words, a good command of language requires some knowledge about the culture of that language. The knowledge of other cultures is as important as proficiency in using a foreign language. Thus, in the EFL teaching at universities, great attention should be paid to teaching culture of the target language as well as to teaching linguistic knowledge.

Successful intercultural communication means much more than language skills, because understanding a foreign language does not ensure understanding the speaker's intentions. It is also a comprehension of cultural habits and traditions. Moreover, intercultural understanding is one of the basic goals of language education.

Communication that lacks appropriate cultural content often results in humorous incidents, or worse, is the source of serious miscom-

munication and misunderstanding. It is important to understand the differences among the various cultures within which people of different races, religions, political and social beliefs live together. Foreign language study is one of the core educational components for achieving this aim.

Let's make it clear what the concept of "culture" means. According to Sapir, "culture may be defined as what a society does and thinks. Language, it is a particular *how* of thought" [9, 233]. Culture is a significant selection made by society. Language is a particular manner in which society expresses all experience.

In Duranti's opinion, culture is "something learned, transmitted, passed down from one generation to the next, through human actions, often in the form of face-to-face interaction, and, of course, through linguistic communication" [5, 24].

Generally people think of culture as "high culture" – art, literature, music, and the like. However, the most important part of culture in communication is that which is internal and hidden, but which governs the behaviour and includes values and thought patterns. According to Weaver [13, 157], "this dimension of culture can be seen as an iceberg with the tip sticking above the water level of conscious awareness. By far the most significant part, however, is unconscious or below the water level of awareness and includes values and thought patterns."

Emphasizing the important role of culture in intercultural communication, Kramsch [7, 1] states that, "Culture in language learning is not an expendable fifth skill, tacked on, so to speak, to the teaching of speaking, listening, reading, and writing. It is always in the background, right from day one, ready to unsettle the good language learners when they expect it least, making evident the limitations of their hard-won communicative competence, challenging their ability to make sense of the world around them." The underlying implication means that language and culture are inseparably intertwined.

To make your EFL students communicate appropriately and effectively in a multicultural world, it is necessary to cultivate their intercultural communicative competence (ICC). ICC is the competence to obtain effective outcomes in intercultural communication situations.

Underlining the necessity of acquiring intercultural competence, Davis [3, 4] mentions: "In order to survive today's complex world, peo-

ple need to understand different cultures. Understanding different cultures helps people adjust to unfamiliar environments in which they meet, work and live with other people who have different cultures. Adjustment and positive attitudes toward different cultures prompts people to take active roles in the diverse society. Therefore, acquisition of intercultural competence, which is the capacity to change one's knowledge, attitudes and behaviors so as to be open and flexible to other cultures, has become a critical issue for individuals to survive in the globalized society of the 21st century". Intercultural competence is therefore a key to success in today's globalized world, the way to be successful in doing business with different cultures and people from various cultures.

Intercultural communication competence is defined as the degree to which you effectively adapt your verbal and nonverbal messages to the appropriate cultural context [8, 456]. When you communicate with someone from a different culture, you will have to adjust and modify the kinds of verbal and nonverbal messages you send. This process requires you to have some knowledge about the person whom you are communicating with. You are to be motivated to communicate with him or her, and have the appropriate verbal and nonverbal skills to encode and decode messages. Each of these criteria affects the success rate of your intercultural communication experiences. When individuals or groups enter a new culture, they are faced with a different set of values, different behavioral patterns, and a different verbal and nonverbal communication system. In most cases, such people are affected by their new cultural surroundings.

Suchánková [10, 169] states that among the most common possible barriers to intercultural communication, the following are usually mentioned:

Attitude – the way of thinking and acting, e.g. attitudes to time, attitudes towards the importance of written documents.

Perception – the way we perceive and assess the meaning is also culturally determined.

Stereotypes – a fixed idea or image people may have of a particular nation which is not true in reality: "When we teach how British people apologize, we impose cultural stereotypes [6, 26]".

Interpretation – understanding the same statement in a different way: the giving of gifts can either assist negotiations or it can be understood as corruption or bribery.

Culture shock – is precipitated by the anxiety that results from losing all your familiar signs and symbols through social intercourse.

Although successful international communication is quite an important reason to introduce the intercultural approach into EFL auditorium, yet there exists another good reason. There is still much intolerance towards and prejudice against other nations and cultures in many countries. Intensive intercultural education is a good way to increase the level of tolerance, acceptance, understanding, and respect.

As far as the aim of EFL learners is to become successful intercultural communicators, it is necessary to enhance their intercultural communication competences, i.e. to provide them with a thorough and systematic intercultural training. EFL students will benefit by gaining solid knowledge of the different world cultures. They must also develop the ability to compare their native culture to other cultures, to evaluate critically and interpret the results of such comparisons. They have to apply this knowledge successfully in both verbal and non-verbal communication, for both transactional and interactional purposes.

In conclusion, it is necessary to mention that mutual understanding and intercultural competences are very important in today's global world, because they allow us to overcome prejudice, discrimination and misunderstandings between people of different cultural backgrounds. Intercultural communicative competences (ICC) in English language education permit learners to understand and communicate successfully with representatives of the target language cultures. The aim of acquiring intercultural communicative competences is to prepare learners to act appropriately and successfully in real life situations in a foreign language.

References

1. Bachman, L.F.(1990) *Fundamental Considerations in Language Testing*. Oxford: Oxford University Press, 420p.
2. Gudykunst, W.B. (2003). *Cross-Cultural and Intercultural Communication*. 1st edition. USA: SAGE Publications, Inc., 312p.
3. Davis, N., & Cho, M.I. (2005). Intercultural competence for future leaders of educational technology and its evaluation. *Interactive Educational Multimedia*, 10, 1-22.

4. De Swaan, A. (2001). *Words of the World. The Global Language System*. Cambridge: Polity, 272p.
5. Duranti, A. (1997). *Linguistic anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 422p.
6. Harmer, J. (2005). *The Practice of English Language Teaching*. London: Longman, 350p.
7. Kramsch, C.J. (1993). *Context and culture in language teaching*. 1st edition. Oxford: Oxford University Press, 304p.
8. Neuliep, J.W. (2014). *Intercultural Communication: A Contextual Approach*. 6th edition. USA: SAGE Publications, Inc., 528 p.
9. Sapir, E. (2014). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. Reissue edition of 1921. USA: Cambridge University Press, 272 p.
10. Suchánková, H. (2011). Teaching Intercultural Competences to Economic Students. In Haase, Ch., Orlova, N.(Ed.), *ELT: Converging Approaches and Challenges*. Unabridged edition, pp.167-175. Cambridge Scholars Publishing, 225p.
11. Ter-Minasova, S.G. (2004). *Yazik i Mejkulturnaya Kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication]*. 2nd ed. Moscow: MGU Publishing, 268p.
12. Ting-Toomey, S. (1999). *Communicating Across Cultures*. USA: The Guilford Press, 310p.
13. Weaver, G.R. (1993). 'Understanding and coping with cross-cultural adjustment stress', in M. Paige (ed.) *Education for the Intercultural Experience*, Yarmouth, ME: Intercultural Press, pp. 137-168.

© M.G. Zoranyan, 2017

Д.Г. Акубекова
БашГУ, г. Уфа, Россия

К вопросу англицизации немецкого языка

Современный мир неуклонно движется по пути глобализации – процесса сближения и роста взаимосвязи наций и государств мира, сопровождающегося выработкой общих стандартов. Наряду с нововведениями в обществе, политической и экономических системах меняется и языковая ситуация. Язык элиминирует потерявшие актуальность понятия, актуализирует (принимает) новые. Наиболее используемым способом пополнения лексического строя является заимствование слов из других языков. Основным «языком-донором» для «языков-реципиентов» общепризнанно считает-

ся английский, в силу ряда причин: экономической состоятельности, политической амбициозности и культурных революций англоговорящих стран-держав.

По мнению немецких исследователей (H.Heimpel, W.Viereck), процесс заимствования английских лексем начался в ФРГ в послевоенное время вместе со стремлением «забыть, преодолеть (нацистское) прошлое» - «Vergangenheitsbewältigung» и желанием принять успешную культуру одной из стран-победителей - США. «... данный процесс можно обозначить как «разнемечивание всего немецкого», результирующее в полной смене прежнего культурного стереотипа. Подмена находит широкое выражение в языке, где для имеющихся автохтонных слов появились англоязычные единицы с копирующей семантикой» [2, 10], причем молодое поколение (тинэйджеры) используют английские эквиваленты – образуя своего рода лексикон [1, 25] – гораздо чаще, нежели представители более старшего поколения:

Eintrittskarte – Ticket, Übung – Training, Klimaanlage – Airconditioner.

Немецкий словарный фонд существенно пополнился англоамериканизмами, которые можно подразделить на самостоятельные лексико-семантические группы, например, компьютерную лексику (IT), словарь банковского дела, лексику СМИ, лексику из области политики, спорта, отдыха, музыки, моды и т.п.:

downloaden – herunterladen, e-book – E-Buch, Harddisk – Festplatte, senden – schicken, updaten – aktualisieren; Auditor – Rechnungsprüfer, Boss – Vorgesetzter, Leiter, Business – Geschäft, checken – überprüfen, Consultant – Berater, Deadline – Termin, Fristende, handeln – bearbeiten, Job – Stelle, Arbeit, leasen – (kauf)mieten, pachten, managen – schaffen, prepaid – vorbezahlt; Boom – Aufschwung, Cartoon – Bildergeschichte, Karikatur, Date – Verabredung, Treffen, Headline – Schlagzeile, Überschrift, live – gleichzeitig, direkt, Message – Nachricht, Botschaft; fifty-fifty – Halbe-Halbe, global – weltweit, Germany – Deutschland, Meeting – Treffen, Workshop – Arbeitstreffen; joggen – laufen, World-cup – Weltmeisterschaft; brunch – spätes Frühstück, dutyfree – zollfrei; Fan – Anhänger, Show – Aufführung.

Большое количество англоязычных заимствований в профессиональной лексике немецкого языка таких областей как психология, социология, политология, юриспруденция говорит о степени

интернационализации последних. Следует отметить, что 26 издание знаменитого немецкого словаря «Дуден» пополнилось пятью тысячами неологизмов, значительная часть которых была также заимствована из английского языка:

Arabellion = arabisch+Rebellion, Jasminrevolution, Flashmob, Shitstorm, wellnesen.

В процессе заимствования род существительных чаще всего совпадает с родом существующего в немецком языке аналога:

die City – die Stadt

das Handy – das Telefon

die Party – die Feier

Но: *der Song – das Lied*

der/das Event – das Ereignis.

Кроме того, имеются и так называемые гибридные формы заимствований, т.е. из английской основы образуются почти немецкие словоформы:

ausknocken ← to knock out

ausflippen ← to flip out

einchecken ← to check in

aufpeppen ← to pep up

brandneu ← brand new.

В немецком синтаксисе тоже появляется тенденция к своего рода заимствованию: меняется порядок слов в придаточных предложениях, ср.:

We visit him because we have a question.

Wir besuchen ihn weil wir haben eine Frage. Вместо ... *weil wir eine Frage haben.*

Заимствования, особенно обозначающие нечто актуальное для современной жизни общества, довольно быстро вливаются в немецкий язык и употребляются его носителями в разных видах коммуникации. И более того, эти англо-американские заимствования быстро вступают в акты дальнейшего словообразовательного процесса: словосложения, словопроизводства, аббревиации и т.п. В результате возникают, например: 1. Software (программное обеспечение компьютера) – Software – Entwicklung, Software – Spezialist, Software – Ingenieur; 2. Rock (музыка в стиле рок) – Rockmusik, Rockoper, rocken, rockig. 3. Jogging (бег трусцой) – joggen, der Jogger, der Jogger – Dress.

Активный процесс заимствования в немецком языке вызывает беспокойство как у лингвистов, так и у простых граждан Германии: в стране действует финансируемая правительством организация Verein Deutsche Sprache (Общество немецкого языка), целью которой является критическая оценка текущих изменений немецкого языка и рекомендации относительно его использования. Немецкий лингвист Вальтер Крэмер эмоционально высказывается по этому поводу:

«Noch sprechen 100 Millionen Menschen auf der Erde deutsch. Aber viele, vielleicht sogar die meisten, nur recht widerwillig. Der moderne Modell-Germane joggt, jumpt, trekk, warkt, skatet oder biket, hat fun und feelings, moods und moments, sorrows und emotions – und scheint vor nichts auf Erden solche Angst zu haben, wie seine eigene Sprache zu benutzen. Deutsch zu sprechen, ist vielen Deutschen ganz offensichtlich lästig oder peinlich.» (Ещё говорят на немецком 100 миллионов людей на Земле. Но многие, скорее даже большая часть из них, с большим нежеланием. Современный образцовый германец занимается джоггингом, джампингом, ходит в походы по-английски, гуляет, катается на скейте или байке, получает удовольствие и чувствует, бывает в настроении, имеет счастливые моменты и печальки, и все это по-английски, и, кажется, нет для него страшнее факта, как сказать все это на родном немецком. Говорить по-немецки для многих немцев – большая мука) [4]. «... использование американизмов свидетельствует о невозможности выразить свою мысль на родном языке» [3, 167].

Очевидно, что процесс заимствования – неоднозначное явление. Наблюдаемая в последнее время интенсификация процесса заимствования английской лексики в немецком языке связана с рядом культурно-исторических факторов (усиление влияния американской и британской культуры в Германии; распространение предметов американской материальной культуры и др.). Лексические заимствования последних десятилетий негативно влияют на состояние речевой культуры. Многие из них, отражая особенности чужой культуры, способствуют размыванию исконных ценностей немецкого народа, преобразуют структурную основу их ментальности. Хочется надеяться, что в современном веке глобализации немецкий язык не потеряет своей индивидуальности и Германия сможет сохранить свой национальный язык. Остановить процесс

развития Denglish (немецкого с большим количеством элементов английского) под силу только самим немцам, кто ежедневно и повсюду говорит на немецком языке, тем самым делая выбор в пользу родного «чистого» языка.

Литература

1. Габдуллин С.С. Лексикон молодежи в общем вокабуляре языка / Сб. науч. тр. «Немецкий язык: Теория и практика». – Ульяновск: Изд-во «Язык и литература», 1996. – С.23-27.
2. Кобенко Ю.В. Теория экзоглоссии. - Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 135 с.
3. Назирова А.И., Попова В.Н. К вопросу об англо-американских заимствованиях в современном немецком языке/ Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Лингвометодические и культурологические проблемы обучения иностранным языкам в вузе», 2010. – С. 166-168
4. Walter Krämer <http://www.humanistische-aktion.de/esperant.htm>

© Д.Г. Акубекова, 2017

А.А. Анищенко
БашГУ, г. Уфа, Россия

Речевая сфера сорадования с позиции адресата

В статье рассматривается сфера *сорадования* вербального проявления эмпатии в русле теории речевых актов; представлены случаи эксплицитного и имплицитного проявления сорадования в виртуальной среде, а также наиболее частотные случаи сочетания речевых актов сферы *сорадования* с другими иллокутивными типами.

Согласно дефиниции в словаре Д.Н. Ушакова [7] чувство радости это чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, которое относится к фундаментальным эмоциональным состояниям, таким как, например, страх, но обладает положительной валентностью. Кроме радости, к положительным эмоциям можно отнести восторг, восхищение, ликование, воодушевление, счастье.

В одном и том же чувстве нередко сливаются или переходят друг в друга разные по знаку эмоции. В отличие от сострадания, представляющего собой сложное эмоциональное соединение печал-

ли и любви, в сорадовании сочетаются такие чувства как любовь и радость.

В нашем исследовании мы рассматриваем репрезентацию речевых актов сферы *сорадования* в процессе межличностного эмпатического общения в интернете в ответной реплике *адресата*.

Речевая сфера *сорадования* представлена следующими иллокутивными типами: *поздравление, похвала, приветствие* и *сорадование* (данный термин служит для обозначения, одновременно одной из речевых сфер эмпатии и иллокутивного типа, включенного в эту сферу) [3]. Каждый из названных иллокутивных типов обладает перформативным глаголом и может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Например, разделить радостное чувство собеседника можно при помощи поздравления по поводу позитивного события: “*Acceptez mes felicitations! / Примите мои поздравления!*” или при помощи похвалы: *Vous êtes vraiment bien! / Вы действительно молодец!*

В процессе межличностной интеракции сорадование представляет собой выражение радостных чувств за другого и направлено, прежде всего, на сохранение существующей положительной эмоции собеседника. В отличие от речевых актов сферы *сопереживания*, целью которых является стремление прервать, предотвратить негативную эмоцию собеседника, цель речевых актов сферы *сорадования* – усиление, продление чувства радости адресанта.

Например, адресант сообщает о своем выздоровлении после долгой болезни:

(1) – *Tout au long de cette période, j'ai gardé espoir en une guérison. Et voilà je suis guéri!!! Soyez content pour moi svp / На протяжении долгого периода я надеялся на выздоровление. И вот я здоров!!! Порадуйтесь за меня, пожалуйста* [8].

– *Je suis très content pour toi, enfin tu es guéri, heureusement que la durée de ta maladie a été relativement courte... / Я так рад за тебя, наконец-то ты поправился, к счастью ты болел относительно недолго...[там же].*

Одним из ключевых условий для успешной реализации речевых актов сферы *сорадования* являются их пресуппозиционное содержание и доброжелательное отношение интернет коммуникантов друг к другу. Еще одним важным критерием, обуславливающим успешность речевого акта, является наличие *искренности*.

Искреннее проявление позитивных чувств способствует эмотивно-эмоциональному оформлению вышеуказанных иллокутивных типов. Специфика речевых актов сферы *сорадования* предполагает более эмоциональное выражение эмпатийных высказываний.

(2) Адресант:

– *Bonne nouvelle!!!! Je suis heureuse!!! Voilà, j'ai fait un test de grossesse ce soir et il est positif!!!! c'est génial, je suis trop contente.... / Хорошая новость! Я счастлива! Мой тест позитивный! Это гениально, я так рада... [9].*

Реагирующий адресат:

– *Je suis très très heureuse pour toi, Barbara! / Я очень очень счастлива за тебя, Барбара! [там же].*

Однако особенность виртуального общения, которая заключается в вероятном отсутствии личного знакомства, позволяет не симпатизировать адресанту лично, а быть благожелательно настроенным по отношению ко всем участникам интернет коммуникации. В этом случае сорадование выполняет фатическую функцию и отличается клишированностью фраз: *Content pour toi! / Рад за тебя!* или *Nous tenons à partager ton bonheur de réussite! / Хотелось бы разделить твою радость!*

В ситуации, когда эмоциональное выражение высказывания неуместно, выражение радости за другого может иметь более сдержанный характер, в котором преобладает *эмотивный* компонент. Высказывания такого рода более краткие по форме, обладают наибольшей нарочитостью, менее искренние: *C'est une très bonne nouvelle / Это очень хорошая новость!*

В речевом взаимодействии речевые акты сферы сорадования часто *сочетаются* друг с другом (сорадование и похвала или поздравление и сорадование): *“Je suis tellement ravie pour toi! Tu es super!” / Я так рада за тебя! Ты просто супер! [9].*

Также отмечается высокая сочетаемость с другими иллокутивными типами, например, с речевым актом *пожелания*.

(в той же речевой ситуации):

– *Sincères félicitations!!!!!! Prend bien soin de toi à present / Искренние поздравления! Береги теперь себя! [9].*

Иногда, при выражении радости за другого, личный опыт адресата помогает представить чувства, испытываемые адресантом, что проявляется в сочетании речевого акта *сорадования* с ре-

чевым актом *понимания* эмпатийной сферы *сопереживания*. Так, адресат реагирует на сообщение адресанта, о том, что его потевшийся кот, нашелся:

– *Je suis vraiment contente pour toi! Je sais ce que c'est que de chercher son chat partout qui s'est sauvé / Я так за тебя рада! Я прекрасно знаю, что такое искать повсюду своего кота и найти его* [10].

Иногда реагирующий адресат может выразить радость за другого, похвалу или поздравление *имплицитно* в форме оценочных реплик (*C'est super bien! C'est cool! Bravo! C'est fantastique!* и д.р.) или эмпатийных междометных восклицаний (*Oh! Ah! Ah enfin! Youpi! Hourra!* и д.р.). Степень оценки варьирует от более нейтральной (*bien*) до более экспрессивной (*fantastique*) [4], [6].

При этом одно и то же междометие способно передавать разные эмоции. Например, междометие *Ah!* может передавать как чувства удовольствия, восхищения, так и горя. Следовательно, семантическое наполнение таких междометий обусловлено значительной зависимостью от контекста и ситуации общения [1, 67].

Например, в речевой ситуации, в которой реагирующий адресат радуется по поводу скорого рождения долгожданного ребенка у адресанта:

– *Ah ah!... ce sera encore un bébé 2008 pour toi / aaax! У тебя будет еще один ребенок!* [9].

В другой ситуации, адресат откликается на негативное событие в жизни адресанта:

(3) – *Bonjour, alors voilà hier j'ai appris la mort de mon chat Citronel (il avait 11 ans).../ Здравствуйте, так вчера я узнала о смерти моего кота Ситронеля (ему было 11 лет)* [11].

– *Ah! Quel horreur! Je suis désolé pour Citronel, et c'est très dur à digérer / Ax! Какой ужас! Сочувствую по поводу Ситронеля, это трудно перенести!* [там же].

Часто наличие таких характеристик эмпатийного высказывания как искренность, спонтанность, эмоциональность позволяет выразить радость за другого в более развернутой форме, что отражается в сочетании сразу нескольких речевых актов. Наиболее частотной реакцией адресата в сфере *сорадования* является сочетание междометной реплики и оценочного восклицания.

(в речевой ситуации, описанной выше):

– *Youhou!!!! C'est une super nouvelle Kola! Je suis très contente pour toi! Profite bien et pense aussi à te reposer surtout! / Ух ты! Это супер новость Кола! Я так рада за тебя! Пользуйся моментом и не забывай, о том, что тебе нужно отдыхать!* [9].

Помимо речевых актов сферы *сорадования*, в ответных высказываниях реагирующего адресата прослеживается использование различных *речевых тактик* для проявления эмпатической заботы над собеседником. В качестве одной из них выступает речевая тактика «*Ты этого заслуживаешь!*». Основной интенцией говорящего в подобных высказываниях является стремление поддержать позитивную волну, на которой находится адресант, сделать приятное адресанту.

(в той же речевой ситуации):

– *Bravo! tu le mérites bien! / Bravo! Ты этого действительно заслуживаешь!* [9].

Наиболее частотным случаем использования тактики подобного рода является ситуация, требующая поздравления или похвалы адресанта. Например, при успешной сдаче экзаменов ответной репликой адресата может быть следующая фраза:

– *Félicitations pour ta réussite au baccalauréat Je suis vraiment fier de toi ! Tu le mérites amplement! Поздравляю в связи с успешной защитой бакалавра! Я горжусь тобой! Ты этого заслуживаешь!* [12].

Другим способом разделения радости с собеседником является использование речевой тактики «*Положительного прогноза*». Данная тактика ответного высказывания служит для проявления понимания значимости предстоящего позитивного события и выражения заинтересованности в его благоприятном завершении.

(4) Адресант:

– *Сын возвращается из армии! Господи, не верится!!!* [13].

Реагирующий адресат:

– *Сколько переживаний позади, сколько бессонных ночей! Все, все сразу закончится. Ура!* [там же].

Или *Теперь все будет еще лучше!* [там же].

Речевая тактика «*Положительного прогноза*» встречается также и для *утешения* собеседника по поводу негативного события:

– *Cela finira bien par arriver, ne t'en fais pas* / Все закончится хорошо, не волнуйся.

В смысловом отношении данные реплики одинаково выражают ободряющую мысль «Все будет хорошо» и имеют схожее языковое оформление, однако обладают различной иллюкцией, обусловленной интенцией говорящего в определенной коммуникативной ситуации. В первом примере речевая тактика «*Положительного прогноза*» направлена на продление положительных чувств адресанта. Использование данной речевой тактики в отрицательной ситуации общения служит для оказания психологической поддержки собеседника, прекращения неприятных эмоций.

Для выражения радости за другого в интернет коммуникации иногда используют реплику *облегчения*. Чувство облегчения представляет собой результат эмоциональной разрядки, уменьшение тревожных чувств, беспокойства по поводу волнительных событий и является смысловым эквивалентом «утешения». В ситуации эмпатического общения благополучное завершение негативной ситуации вызывает радостные, позитивные чувства обоих коммуникантов, что позволяет включить выражение *облегчения* в речевую сферу *сорадования*. Характерным проявлением чувства облегчения на физическом уровне обычно являются такие реакции как вздох, улыбка, поэтому вербальное выражение данного состояния чаще всего реализуется при помощи некоторых междометных экскламов.

Так, в ситуации, когда адресант сообщает об успешной сдаче выпускных экзаменов, реагирующая реплика адресата направлена на то, чтобы продемонстрировать собеседнику свое равнодушие, эмоциональное соучастие. Само высказывание представляет собой сочетание сразу нескольких реплик, выражающих *облегчение* (*Ouf! Enfin! Dieu merci!*) с эксплицитным речевым актом *сорадования*:

– *Ouf! Enfin! Dieu merci! Je suis si heureuse pour toi!* / *Уфф! Наконец-то! Слава Богу! Я так счастлива за тебя!* [12].

Реплика, выражающая *облегчение*, может встречаться также в инициальном высказывании адресанта:

(в схожей речевой ситуации) (5) Адресант:

– *Уфф! Ну, наконец-то! Я защитил диплом!* [14].

Реагирующий адресат:

– *Мы так этого ждали! И оно состоялось!* [там же].

Следует отметить, что высказывания такого типа обладают высокой степенью эмоциональности и искренности. Невозможно радоваться по поводу успехов другого, не испытывая при этом искренних чувств.

Кроме того, отмечается высокая сочетаемость реплики, выражающей *облегчение* с речевыми актами *поздравления* и *похвалы*:

– *Ну, слава Богу! Поздравляю!* [14].

– *Ну, молоток, свершилось!!!! Умничка!!!!* [там же].

Отметим, что важным условием для успешной реализации высказываний подобного рода является наличие пресуппозиционных знаний, поскольку их отсутствие может привести к неискреннему выражению радости.

Еще одной речевой тактикой, имплицитно выражающей *сорадование*, является описание эмоций, волнений, которые испытывает реагирующий адресат по поводу радостного события, произошедшего с адресантом.

– *Меня, также как и тебя переполняют чувства! Нет слов выразить ту радость, которую я испытываю за тебя!* [13].

Или

– *В носу щекочет, в ушах звенит от радости за твое СОЛ-НЫШКО!* [там же].

Подробное описание чувств реагирующего адресата позволяет выразить мысль о том, что случившееся позитивное событие понятно говорящему, а также свидетельствует о том, что говорящий прочувствовал произошедшее с адресантом, разделяя с ним положительные эмоции.

Таким образом, к эксплицитным речевым актам речевой сферы *сорадования* относятся иллокутивные типы *сорадование*, *поздравление*, *похвала*. К наиболее частотным имплицитным формам выражения *сорадования* относятся оценочные и междометные экскламатики. Кроме этого наблюдается сочетаемость данных реплик.

К речевым тактикам сферы *сорадования* можно отнести тактику «Положительного прогноза», «Ты этого заслуживаешь» и реплики, выражающие *облегчение*.

Основным условием успешной реализации речевых актов сферы *сорадования* в ответной реплике адресата является наличие

таких факторов, как искренность и доброжелательность по отношению к собеседнику.

Литература

1. Азнабаева, Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге / Л.А. Азнабаева. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 198 с.
2. Азнабаева Л.А., Анищенко А.А. Междометия как средство выражения эмпатии. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2015. № 2 (26). – С.63-68.
3. Кузнецова, А.А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии: дис. ... канд. филол. наук / Кузнецова Анна Александровна. – Уфа, 2010. – 211 с.
4. Моисеева А.В. К вопросу о воздействующем потенциале текста гламурного журнала // Исследования по семантике. – Уфа, 2016. – С. 148-155.
5. Пешкова Н.П. Когнитивное и эмоциональное в тексте и сознании // Языковые единицы в парадигматике и синтагматике сборник научных статей: в 2-х частях, отв. ред.: Мурясов Р.З. –Уфа, 2008. – С. 193-200.
6. Титлова А.А. Оценочность контртекста в виртуальном дискурсе (на примере микроблогов) // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Материалы IV международной научно-методической конференции, отв. ред.: Пешкова Н.П. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С 381-383.
7. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: / Под ред. Д.Н. Ушакова – Электрон. дан. Энциклопедиум, Изд-во «Директ-Медиа», 2001-2017. – Режим доступа: <http://enc.biblioclub.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
8. www.atoute.org/n/forum/showthread.php?t=33708#EwO9qcF8wBTzAuOs.99
9. <http://grossesse.aufeminin.com/forum/bonne-nouvelle-je-suis-heureuse-fd4468089>
10. <http://cardamome.over-blog.com/article-mon-chat-etait-perdu-depuis-48-jours-mais-je-l-ai-enfin-retrouve-1er-episode-110515392.html>
11. <http://www.sos-chats.ch/node/14199>
12. <http://amourissima.com/2015/06/10-sms-felicitations-reussite-diplome/>
13. <http://www.liveinternet.ru/users/tatyanka-izhevchanka/post404442670>
14. <http://www.4x4typ.ru/board/viewtopic.php?p=43987>

© А.А. Анищенко, 2017

Скрытые экфрасисы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Понятие «медиа» в наши дни значительно расширилось. Это не только информационное пространство, образуемое средствами массовой информации. «Медиа (...) любая знаковая система, в которой закодировано какое-либо сообщение, и являющаяся источником информации. А отсюда следует, что равноправными средствами передачи информации, равноправными медиа предстают языки любого вида искусств, подчиняющиеся своим правилам кодирования» [1, 525].

Понятие «интермедиальности» вошло в филологический обиход в конце XX века. Однако само явление интермедиальности, то есть связи словесного текста с произведениями других искусств, «старо как мир» [1, 523]. Интермедиальность близка интертекстуальности, с той разницей, что последнее подразумевает связи внутри одной семиотической системы (словесного искусства), а первое – взаимодействие внутри разных семиотических систем, разных видов искусств.

Как проявление интермедиальности, взаимосвязи искусств, следует рассматривать экфрасис – словесное описание произведения изобразительного искусства. Материалы лозаннской конференции 2002 года свидетельствуют, что экфрасис в современной теории искусства является предметом оживленного обсуждения [2].

Со времен Лессинга живопись как искусство пространственное воспринимается в оппозиции к слову, искусству временному. Слово разворачивается во времени, значит, динамично и многомерно, способно выразить больше, чем видит глаз. Живопись представляется пространственной, плоскостной, она стремится остановить время и превратить словесный знак в «естественный» и «застывший». Общее положение приобретает особую значимость в контексте художественно-теоретических размышлений Л. Толстого об искусстве. Возникает вопрос, как писатель рассматривал возможности перевода визуального образа в образ словесный, то

есть возможности стирания границ между живописью и поэзией, как понимал моделирующие возможности живописи?

Роман «Анна Каренина» насыщен экфрасисами, описаниями воображаемых произведений изобразительного искусства (евангельская картина художника Михайлова, портреты Анны). При этом в романе много таких описаний, которые, не являясь экфрасисами в точном смысле этого слова, близко соприкасаются с портретной живописью. Рисуя живые образы, писатель стремится создать эффект картины, добиться максимальной визуальной наглядности слова. Одним из приемов создания подобного эффекта становится зеркало, в котором отражается «объект». Самый распространенный вид такого «зеркала» – глаза воспринимающего «зрителя».

Толстой не раз ссылался на любимого им Гомера и «Илиаду», говоря, что старцы Трои, при виде Елены, пораженные ее красотой, поднялись ей навстречу. О Гомере Толстой вспоминает в письме к художнику Н.Н. Ге. Касаясь эскизов его новых картин «Голгофа» и «Христос и разбойник», он пишет: «Вы мне рассказывали первую мысль картины – и, верно, она была написана, – состоящую в том, что смерть на кресте Христа побеждает разбойника. И мне это очень понравилось по своей ясности, живописности, по выражению величия Христа на впечатлении, произведенном им на разбойника. Как Гомер, чтобы описать красоту Елены, говорит, что, когда она вошла, старцы изумились ее красоте и встали» [3, 273].

Красоту Елены Гомер достоверно передает не прямым описанием ее внешности, но посредством визуального впечатления, произведенного ею на троянских старцев. Подобный психологический экфрасис, передающий результат воздействия живого, но как бы «застывшего» образа на зрителя, Толстой обнаруживает также в живописи Н.Н. Ге. На эскизе «Христос и разбойник» крестные муки Христа отпечатываются в сострадающих глазах разбойника, распятого рядом с ним.

Живой образ, отраженный в «зеркале» глаз воспринимающего его «зрителя», получает у самого Толстого значение визуального объекта, близкого к произведению живописи. Впечатление «портретности» толстовских описаний усиливает наличие оптических «рам». Этому же способствует искусство светотени, позво-

ляющее фокусировать внимание «зрителя» на отдельных деталях картины: лице, руках, украшениях, формах тела.

В эпизоде на московском балу портретные описания Кити и Анны не просто «картинны», но и «скульптурны». Обрамлением красоты Кити на балу становится зеркало, в котором она видит свое отражение. Стагуарность юных форм Кити подчеркнута упоминанием о медальоне, черная бархатка которого «нежно окружила шею». Портрет Кити вызывает впечатление прекрасной гармоничной статуи, воспринимается как скульптурный экфрасис.

Предельно изобразительны и близки к экфрасисам портретные описания Анны. В бальном эпизоде они возникают несколько раз, и всегда красота Анны дается в восприятии «зрителя» – Кити, сначала восхищенной, а затем страдающей от предательства Вронского. Красота Анны отражается в «зеркале» глаз княжны Щербацкой так же, как прелесть Елены отпечатывается в глазах троянских старцев в эпосе Гомера.

Пластичность образа Анны подчеркнута описанием точеных, скульптурных форм ее тела, своим совершенством напоминающих античные статуи. Гармоничные формы Анны зеркально отражены в восхищенных глазах Кити: «Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, но в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда аютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами (...) На точеной крепкой шее была нитка жемчугу» [4, 91].

В другой сцене бального эпизода Толстой использует «двойную» оптику. В глазах Кити отпечатывается странное, потерянное лицо Вронского, которое в свою очередь отражает торжество над ним красоты Анны: «Кити посмотрела на него и ужаснулась. То, что Кити так ясно представлялось в зеркале ее лица, она увидела на нем (...) он теперь каждый раз, как обращался к ней, немного сгибал голову, как бы желая пасть пред ней, и во взгляде его было одно выражение покорности и страха» [4, 94]. Система зеркальных отражений позволяет «одномоментно» и визуально наглядно запечатлеть психологическую ситуацию на московском балу: поко-

ряющую красоту Анны, драматизм положения не только Кити, но и Вронского.

В третий раз портрет Анны на балу вновь отражен глазами Вронского и Кити, которая все более убеждается, что несчастье ее свершилось. Живой образ, запечатленный одновременно в глазах двух персонажей, воспринимается как «застывшее» прекрасное произведение искусства – живописи или скульптуры. Но теперь эта «сверхъестественная» красота рождает ужас в душе Кити: « (...) было что-то ужасное и жестокое в ее прелести» [4, 95-96].

Повернутые друг к другу, портреты Кити и Анны близки к экфрасисам. Кроме того, они неявно проецируются на произведения изобразительного искусства. Ближайшим образом описания Кити и Анны имеют мифологические аллюзии на двух Афродит, о которых речь идет в разговоре Левина с Облонским. В разговоре упоминается Платон, который в своем «Пире» утверждал, что есть два рода любви, как есть две Афродиты: любовь земная, чувственная (Афродита-Пандемос) и любовь небесная, свободная от чувственных желаний (Афродита-Уrania) [5, 107-108]. Начиная с Платона, греки различали Афродиту Уранию как «одухотворенную любовь» и Афродиту Пандемос, простую и доступную всем.

Кити в контексте романа соотнесена одновременно с Афродитой Уранией и Девой Марией. Роза в прическе Кити в балльном эпизоде, как и общий «розовый» колорит ее образа, вызывают в памяти образ Девы Марии, запечатленный в итальянской живописи Возрождения. Роза – цветок Мадонны на картинах Рафаэля и Пармиджанино с общим названием: «Мадонна с розой».

Анне, напротив, приданы черты «Афродиты-Пандемос» – богини чувственной любви и непобедимого очарования. Этот более традиционный образ Афродиты (Венеры) много раз воспроизводился в изобразительном искусстве, начиная с античности: произведения Праксителя, Боттичелли, Тициана, Джорджоне, Рубенса.

С Афродитой Анну визуально роднят не только гармоничные, совершенные формы ее тела, но и украшения, дополняющие ее прическу и туалет. Такова гирлянда анютиных глазок в ее прическе и на черной ленте пояса. Анютины глазки имеют еще и другое название: «фиалка трехцветная». Известно, что Гомер посвятил Афродите один из своих гимнов, в котором называет ее «фиалковенчанной» [6, 166]. Пояс на платье Анны, украшенный фиалками,

также имеет мифологическую проекцию, связывающую ее с Афродитой. Пояс в туалете Афродиты считался источником любовной силы и притягательности. В туалете Анны Карениной пояс в сочетании с «анютиными глазками» – своего рода двойной символ любовной энергетики, присущей ей. Жемчуг на шее Анны вновь ассоциируется с Афродитой, рожденной из пены морской. На картине Боттичелли «Рождение Венеры» богиня изображена плывущей в раковине.

С точки зрения христианской культуры, телесная красота Анны, ее «прелесть», родственна «бесовской прелести», соблазну. Красота Кити также характеризуется словом «прелесть». Однако прелесть Кити другого рода – девственная, ассоциируемая с Мадонной либо, согласно Платону, с Афродитой Уранией.

В рамках повествовательного текста Толстой пытается сделать читателей чуть ли не зрителями. Его портретные описания, обладая высокой степенью визуальной наглядности, граничат с экфрасисами. Живые образы, отраженные в глазах «зрителей» и заключенные в оптические «рампы», стремятся «застыть», превратиться в картину или в скульптуру. Помещенные в контекст изобразительного искусства, живые картины обретают еще больший иллюзионизм и символизм. Под пером Толстого вербальный текст получает визуальную наглядность и объемность изобразительного искусства. Живопись же стремится преодолеть свою вторичность «копии копии» и усвоить динамизм и символическую значимость словесного искусства.

Литература

1. Катаев В.Б. Из опыта построения курса «Русская классика и интермедальность» // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. – СПб., Скрипториум, 2011. – С. 523-530.
2. Экфрасис в русской литературе / Ред. Л. Геллер // Труды Лозаннского симпозиума. М.: Мик, 2002.
3. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. – Т. 19. – М.: Худож. лит-ра, 1984.
4. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. –Т. 8. – М.: Худож. лит-ра, 1981.
5. Платон. Пир // Платон. Соч. в 4 томах. Т. 2. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.
6. Эллинические поэты VIII - III века до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М.: Ладомир, 1999. 517 с.

© Г.А. Ахметова, 2017

Ж.А. Вардзелашвили
ГТУ, г. Тбилиси, Грузия,
Н.П. Певная
ГУ Илии, г. Тбилиси, Грузия

Гипотетическая дистрибуция вербализованного компонента когнитивных структур

Слово-знак, обладающее совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, традиционно признается одним из наиболее сложных и многосторонних научных объектов, в котором разом даны его различные ипостаси: предметно-понятийная, когнитивная, семиотическая, грамматическая, фонетическая, морфологическая, словообразовательная, этнокультурная ... Слово связывает идеальное и рациональное, исторический опыт целого народа и личный экзистенциальный опыт отдельного индивида, который формируется в координатах заданной конкретным языком картины мира. Для гипотетической дистрибуции слово рассматривается нами как ментальный фрейм-конструкт, в котором синхронизированы когнитивные и языковые процессы, мотивированные культурным ландшафтом, на фоне которого носители языка познают и категоризируют мир. Термин «культурный ландшафт» понимается здесь как неповторимый комплекс, который включает территориально-географический, этнический, цивилизационно-типологический, исторический, религиозный и языковой компоненты.

Человек познающий – это и человек «называющий», поскольку только через имя, данное в языке предмету или событию, чувству или запаху, хаотичность мира выстраивается в сознании в систему, в которой есть свои циклы, закономерности, оппозиции, правила. Слово-имя – это конвенциональный знак, за внешней оболочкой которого происходит умножение и структурирование исходного значения, основанное на действии в высшей степени сложности когнитивных механизмов. В обособленном, условно статическом качестве, слова зафиксированы в лексикографическом корпусе языка, где представлены их понятийные и лексико-грамматические параметры. Но в процессе коммуникации слово становится элементом фразы, и его наполнение зависит не только

от корреляции в данной пропозиции с другими языковыми единицами, но и с ментальными структурами, смысловые элементы которых накапливаются в результате познавательной деятельности языковой личности. Необходимо учитывать и тот факт, что «значение целого словосочетания далеко не всегда складывается из значений образующих его слов по простому закону суммирования» [1, 79]. Следовательно, наиболее полное представление о понятийном диапазоне слова, его коннотативной калейдоскопичности и аксиологической ценности в лингвокультуре можно получить, обобщив данные, собранные в результате: а) анализа лексемы по данным авторитетных лексикографических источников, включая анализ диахронической информации; б) реконструкции номинированной словом когнитивной структуры (соответствующее номену ментальное образование); в) анализа реализации слова на уровне дискурса.

Проиллюстрируем действие предложенной последовательности на материале данных, полученных по соматической номинативной единице «нос» в русской лингвокультуре (гипотетическая дистрибуция вербализованного компонента когнитивной структуры). Выбор объекта анализа обусловлен следующим: каждый народ, имеющий язык, умеет назвать голову, руки и пальцы, глаза и рот, нос ... Во всех языках соматическая лексика¹, которую можно экстраполировать как универсальную, но имеющую интраязыковые конвенциональные различия, относится к наиболее древнему пласту; она отличается высокой частотностью и развитой системой полисемии. Соматическая лексика активно вовлечена в познавательные процессы: «Человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» [4, 260]. К соматической лексике относятся и названия органов чувств. Зрение, слух, обоняние, осязание и вкус вовлечены в когнитивную деятельность. Так, по данным современных исследований физиологии обоняния, обонятельные нервы здорового человека, которые напрямую связаны с мозгом, передают информацию об окружающем мире с точностью до 99%². Следовательно, обоняние играет не меньшую роль в постижении окружающего нас мира, чем другие

¹ В терминологии А. Вежбицкой «конкретная лексика».

² По данным интернет-сайта HumanSenses.ru; // Код доступа: <http://humansenses.ru/obonyanie/organ-obonyaniya.html>; Дата доступа: 29-10-2017.

органы чувств; обоняние и его орган нос являются одним из инструментов, импортирующих и интерпретирующих сведения из внешней среды. И последнее: в мировой культурной традиции нос «выступает важным каналом связи с внешним миром...» [5, 435-436].

В современных лексикографических источниках содержательная область лексемы «нос»³ представлена несколькими ЛСВ, в которых актуализируются понятийные спецификации, фиксирующие секвестрированный список ее идентификаторов: часть лица человека // морды животного; передняя часть транспортных средств; птичий клюв; фронтальная часть обуви и других предметов. В данной статье анализ сфокусирован на ЛСВ1: часть лица человека. Компонентный анализ выявил актуализацию сем на уровне интенционального континуума, в котором гипотетически можно выделить структурные элементы: «*часть организма*» → «*сложившееся строение*» → «*специфическая функция*» → «*источник – органолептический параметр*» → «*перцепция*» → «*внешняя/внутренняя среда*» → «*материальный элемент*» → «*генезис*» → «*субъективный // объективный*» → «*картина мира*».

Очевидно, что ЛСВ1 лексемы «нос» на концептуальном уровне демонстрирует кумулятивный соматико-когнитивный процесс, стратегию перцепции, основанную на способности человека к запоминанию, распознаванию, классификации различных запахов. Отметим, что на когнитивном уровне ЛСВ1 «нос» содержит дополнительные ментальные структурные элементы: «*процессуальность*» → «*нативная // утраченная способность // неспособность человека*» → «*внешний стимул*». Компонентный анализ синхронического среза дефиниций ЛСВ1 лексемы «нос», дополненный интроспекцией, выявил ментальные формации: человек: голова – лицо – орган – обоняние – дыхание; заболевание: простуда – насморк – грипп – аллергия; размер: большой – маленький – кнопка; форма:

³ Толковый словарь Ефремовой. Т.Ф. Ефремова. 2000// Электронный ресурс; код доступа: <http://dic.academic.ru/> Дата доступа: 06-09-2017; Современный толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. С-Пб., «Норинт», 2002; МАС - Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. // Электронный ресурс; код доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp/> Дата доступа: 10-09-2017

длинный – курносый – прямой – горбатый – крючковатый – тонкий – широкий – аристократический – римский – греческий – кавказский – еврейский – пятачок; цвет: красный, сизый; запах: аромат – зловоние; литературные герои: Баба-яга; Кощей; Буратино/Пиноккио; Карлик Нос; Сирано де Бержерак; Жан-Батист Грануй и, конечно, коллежский асессор Ковалев из гоголевской мистификации.

Дополним полученные данные ретроспективной информацией. Историческая справка фиксирует древнерусское и церковнославянское *носъ*, генетическую близость с древнепрусским *pozu* – «нос», литовским *pósis* – «нос», древнеиндийским *pāsā* – «нос», древнешведским, норвежским *pós* – «морда», древневерхненемецким *nasa* – «нос». Таким образом, на обоих уровнях анализа отклонения в конвенциональном содержании рассматриваемого ЛСВ не выявлены. Совпадают с значениями современных тезаурусов и более поздние данные из словника В.И. Даля⁴. Но с позиций анализа интерес представляют народные идиоматические выражения, которыми В.И. Даль иллюстрирует словарную дистрибуцию. Этот материал был дополнен паремиями с анализируемой лексемой из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа». Весь материал, исходя из контент-наполнения, расклассифицирован по следующим условным идентификаторам: нравственно-эмоциональное состояние, душевное страдание: *Нос вытащит – хвост увязит; хвост вытащит – нос увязит*; пристрастное, несправедливое отношение: *Нос крив, и нрав неправ*; материальное// социальное положение: *Куда шестом не достанешь, туда носом не тянись. // Тому виднее, у кого нос длиннее. // Не по носу нам табак*; ступень умственного развития: *Нос с локоток, а ума с ноготок*; нарушение норм нравственности, немотивированный, бесполезный интерес к чужой жизни: *Не тычь носа в чужое просо*.

Фольклорные изречения, актуализирующие лексему «нос», отмечены прагматическим характером. Лексема «нос» на синтагматическом уровне в паремиях выступает в позиции субъекта (*Нос крив*) и объекта (... *носом* не тянись). Интерпретации субъекта и объекта манифестируют как мелиоративную, так и пейоративную дескрипцию носа, аксиологическую градацию анализируемой единицы и очевидную антропоморфную окрашенность изречений.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря, том 2, М., 1955.

Персонификация носа свидетельствует о том, что этот элемент лица воспринимается как объект, демонстрирующий качественные личностные характеристики.

Расширить представление о концептуальном наполнении лексической единицы позволяет анализ фразеологизмов, которые формируют единое понятие «в виде тех же когнитивных структур, что и лексемы» [2, 55]. В ходе анализа устойчивых сочетаний, объективирующих лексему «нос», проведенном на базе словаря А.И. Фёдорова⁵, выявлены ментальные маркеры: (1) часть тела → человек → близость → пространственная характеристика: Нос в нос // Перед (самым) носом // Под нос // Нос к носу; (2) часть тела → человек → близость → темпоральная характеристика: На носу; (3) часть тела → человек → характеристика → манера поведения → контакт: Нос кверху; (4) часть тела → человек → характеристика → возраст → отсутствие → опыт // качественные преобразования → знание // умения: Нос не дорос; (5) часть тела → человек → местонахождение → отчуждение → эмоция → психо-физическое состояние → угроза → социальная // биологическая экзистенция: Носа не показывать; (6) часть тела → человек → обладание → отсутствие → разочарование: С носом оставлять (оставаться); (7) часть тела → человек → преднамеренность → действие → цель → обман: Водить за нос; (8) часть тела → человек → преднамеренность → действие → цель → близость → преступное действие: Изпод носа; (9) часть тела → человек → поведение → действие → участие → интерес → сторонний → обстоятельства // ситуация: Совать нос; (10) часть тела → человек → изменение → физиологическое состояние: Клевать носом. Очевидно, что на генетическом уровне фразеологизмы обусловлены метафорической корреляцией между лексемами «нос» и «человек». Приведем в этой связи мысль М.М. Бахтина: «самую существенную роль в ... теле играют те его части, те места, где оно перерастает себя, выходит за собственные пределы, зачинает новое (второе) тело ...» [3, 350-352]. На этом этапе было выявлено, что фигуральное опредмечивание носа в устойчивых сочетаниях русского языка базируется на понятии ком-

⁵ Электронный ресурс: Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М.: Астрель, АСТ. 2008 // Код доступа: <https://phraseology.academic.ru> // Дата доступа: 09-10-2017

муникативного влияния на личность, которое причиняет урон и негативно воздействует на личность. Фольклорный корпус репрезентируют аксиологический статус лингвоментальной единицы с преобладанием пейоративной коннотации.

Характер реализаций лингвоментальной единицы на уровнях визуального воплощения, паремий, фразеологизмов и интроспекции выявил гештальт-структуры, в которых визуальный образ соплагается с: 1) нравственно-этическими категориями: индивидуальный нравственный облик//манера поведения (амбициозность, чванливость, гордыня, надменность, любопытство и т.п.); 2) пространственными и временными параметрами (протяженность, смена событий, периодичность процессов и т.п.).

Полагаем, что предложенная комплексный анализ (гипотетическая дистрибуция вербализованного компонента когнитивной структуры «нос») дает возможность систематизировать исходные и варьируемые данные, расширяя представление о вербализованном понятии в лингвокультуре.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М.: «Языки русской культуры», 1995, т. 1.
2. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001, - с. 182.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Возрождения. М., 1990, // Электронный ресурс// Код доступа: <http://ec-dejavu.ru/n/Nose.html>// Дата доступа: 13-09-2017
4. Гак В.Г. Национально культурная специфика меронимических фразеологизмов.// Фразеология в контексте культуры. М., 1999, - с. 260-265.
5. Кабакова Г.И. Славянские древности. Т.3. М., 2004, с. 435-436// Электронный ресурс // Код доступа: <http://ec-dejavu.ru/n/Nose.html>// Дата доступа: 13-09-2017.

© Ж.А. Вардзелашвили, Н.П. Певная, 2017

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Т.В. Тритенко

Московский государственный медико-стоматологический
университет им. А.И. Евдокимова, г. Москва, Россия

Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования

Эпонимическими терминами принято называть термины с проприальным (ономастическим) компонентом (*закон Ома, палочка Коха, дальтонизм*). Существует достаточно много описаний подобных терминов в разных научных областях, также можно назвать обобщающие работы, например, см. [3]. В настоящей статье нам хотелось бы становиться на особом типе терминов-эпонимов, которые представлены в языке клинической психологии, эпонимичность которых связана не с фамилиями открывших то или иное явление людей, а с мифологическими и/или литературными персонажами (*комплекс Электры, синдром Агасфера*). Такие единицы специальных подязыков иногда именуется терминами-мифологизмами, мифологическими терминами, терминами с мифологическим компонентом. Мы предлагаем для их обозначения краткий термин **мифоэпоним**. Выделение мифоэпонимов в отдельный тип обусловлено отличными от «фамильных» терминов когнитивными основаниями. В «авторских» («фамильных») эпонимических терминах, т. е. таких, которые закрепляют за явлением имя открывшего его человека, глубинные семантические отношения между компонентами сложного целого можно представить как **агентивно-фактитивные** (*Ом* выполняет роль агенса, а термин *закон* – фактитива, т.е. участника ситуации, не существовавшего до события, которое было вызвано к жизни агенсом) [2, 73]. Внутри мифоэпонима глубинные семантические отношения носят иной характер. В терминах *комплекс Электры, синдром Геры* отношения между ономастическим и апеллятивным компонентами являются **прототипически-экземплификативными**, т.е. представляют собой отношение образца или прототипа. Существенно при этом, что образец не является статическим; как правило, это целый мифологический нарратив, т.е. современная терминологическая номина-

ция формируется на основе **дискурсивно заданного референта** [2, 74]. Таким образом, открывается возможность сопоставления мифологического комплекса, в котором, согласно концепции И.И. Ковалевой, выделяются имя, образ и повествование [4], с дефиницией эпонимического термина и последующих выводов о различных способах отражения этого комплекса [1, 260]. При этом интересно посмотреть, в какой степени культурное знание, заключенное в античных мифах и других текстах культуры, достигает сознания специалиста-медика, усваивающего профессиональное знание, упакованное в мифозпонимы. Для этого была разработана методика *кросспрофессионального анкетирования*. Известно, что в социологии и психологии существует понятие кросспрофессиональной экспертизы, когда объект, созданный в рамках одной профессиональной системы, оценивается с позиций другой профессиональной системы, например, психолог оценивает педагогическую деятельность [6]. В рамках поставленных задач кросспрофессиональное анкетирование предполагает, что один объект – мифозпонимы – будет оцениваться с позиций двух профессиональных групп.

Целевыми группами кросспрофессионального анкетирования, проведенного в рамках диссертационного исследования Т.В. Тритенко [7], были студенты-филологи (33 человека) и студенты-медики (38 человек), которым предъявлялись анкеты, содержащие термины-мифозпонимы. Анкеты содержали одни и те же термины, включающие мифологические имена, но задания были сформулированы по-разному. Филологам предлагалось прочесть названия патологических состояний, относящихся к сфере клинической психологии, и постараться сформулировать своими словами характер этого болезненного состояния и/или его основные признаки, в чем им должны были помочь мифологические, библейские и литературные имена, входящие в состав термина (предположительно, хорошо им известные).

Студентам-медикам предлагались те же названия патологических состояний, содержащие в своем составе собственные имена, но с дефинициями. Предлагалось ответить на вопросы, кем являются мифологические персонажи (например, Электра – дочь микенского царя Агамемнона) и какие, по их мнению, черты характе-

ра или эпизоды жизни этого персонажа повлияли на то, чтобы включить его имя в медицинский термин.

Список терминов-мифологизмов, предъявляемый в обоих случаях, включал 14 единиц: *синдром Агасфера, комплекс Антигоны, синдром Геры, геростратизм, комплекс Каина, комплекс Клитемнестры, комплекс Медеи, синдром Мидаса, синдром Мюнхгаузена, нарциссизм, синдром Персефоны, комплекс Поликрата, комплекс Терсита, синдром Эльпенора*. Одной из целей анкетирования было определить, какие мифонимы являются «непрозрачными», с одной стороны, при проекции на медицинский термин (для филологов), а с другой, для интерпретации через известный термин (для медиков). Таковыми в списке оказались *Мидас, Терсит* и *Поликрат* и у филологов, и у медиков. Два последних просто оказались для части респондентов неизвестными, а известный персонаж Мидас попал в этот список по другой причине – из-за того, что его имя было присвоено синдрому, свойственному женщинам, и наложение когнитивной матрицы не выявило очевидных схожих линий и признаков. Таким образом, мы можем, опираясь на данные анкет, говорить о некоторой оси в кросспрофессиональной интерпретации терминов-мифологизмов клинической психологии: от возможности правильной интерпретации (100 %) (ср. *комплекс Антигоны*) до полной недоступности для правильной интерпретации (ср. *синдром Мидаса*).

Для подведения итогов кросспрофессионального анкетирования может быть вычислен балл когнитивной корректности термина-мифологизма на основе оценки когнитивного содержания термина представителями двух фокус-групп. Ответ на каждый стимул в каждой анкете оценивался по двум параметрам, каждому из которых приписывалось значение «2» (правильно), «1» (не совсем правильно, т.е. попадание в некоторое поле значений, которое близко к правильному) или «0» (неправильно). В качестве параметров для оценки термина у студентов-филологами были следующие: 1) правильное выделение признаков/черт характера персонажа; 2) максимально приближенное к медицинскому определение термина. Если респондент верно описывал персонаж, но никак не формулировал признаки синдрома или комплекса, то он получал 2 балла. Если описание признаков приближалось к медицинскому, то 2 балла. Если хотя бы минимально описывались призна-

ки, то респондент получал 1 балл. Для студентов-медиков параметрами оценки термина-мифологизма были следующие: 1) знание персонажа, 2) выделение признаков (черт характера, эпизодов). Таким образом, максимальное количество баллов за каждый ответ равнялось «4». Если ответы были неправильными, ставилась оценка «0». Если приблизительными, то ставился 1 балл. Таким образом, за ответ могли быть получены баллы 4 – 2 – 1 – 0. Оценивался каждый ответ в каждой анкете, затем подсчитывался средний балл.

В представленном для кросспрофессионального анкетирования списке терминов-мифологизмов (см. выше) было 11 персонажей греческой мифологии (мифологических фигур и исторических, но мифологизированных персонажей), два библейских персонажа (*Агасфер* и *Каин*) и один литературный персонаж (*Мюнхгаузен*). При оценке в баллах отмечались лучшие результаты у студентов-медиков. Высокие баллы у медиков свидетельствуют о том, что мифологическое имя хранится в культурной памяти не в виде прецедентного имени, а в виде **прецедентного текста**, т. е. человек, знающий мифологическое имя, знает и связанные с ним элементы мифа. По крайней мере, это было так в анкетированной группе. Высокий балл в анкетах студентов-медиков получили имена *Агасфер*, *Антигона*, *Гера*, *Герострат*, *Каин*, *Медея*, *Мидас*, *Мюнхгаузен*, *Нарцисс*, *Персефона*. Это свидетельствует о хорошем общекультурном фоне, по крайней мере, в анкетированной аудитории. Ближе к периферии оказалась Клитемнестра, неизвестен был ее статус супруги Агамемнона. Нулевой балл получили три персонажа – Поликрат, Терсит и Эльпенор. Поликрат – тиран острова Самос, о котором рассказал Геродот. Поликрат отличался необыкновенной удачливостью и боялся зависти богов. Терсит и Эльпенор – второстепенные персонажи гомеровских поэм. Эти персонажи не вошли в список известных респондентам-медикам мифологизмов, а это значит, что носящие эти имена комплексы и синдром не содержат для них никаких мотивировочных признаков. Термин-мифоэпоним, содержащий не несущее никакой информации мифологическое имя, когнитивно сближается с термином-эпонимом, содержащим фамилию врача или ученого, о котором специалисту также ничего не известно. Таким образом, об особой когнитивной (когнитивно-ориентирующей) функции мифоэпонимов можно говорить только в случае знания медиком элементов мифологическо-

го комплекса (имя – образ – нарратив). В противном случае термин-мифозпоним будет просто номинативной этикеткой, и культура не будет «просвечивать» сквозь научное знание.

Проблема «вымывания» культурной составляющей из профессиональной сферы волнует представителей медицинской науки. Так, профессор истории медицины Аксель Каренберг образно называет мифологических персонажей, давших имя термину, «героями без паспорта» (*Helden ohne Pass*) [8]. «Паспортом» в данном случае выступает вся культурная информация, стоящая за мифологическим героем, которая, к сожалению, в современном обществе исчезает. А. Каренберг называет для этого следующие причины: 1) глобализационные процессы в обществе, затрагивающие и научную сферу; 2) вызванная этими процессами интернационализация терминологии, основой выступает уже не латынь, а английский язык; 3) информационная компрессия (рост аббревиатур); 4) утрата медицинским миром классического образования (латынь, древнегреческий, античная культура); 5) эрозия смысла существующих терминов (например, *нарциссизм*) [8].

Таким образом, кросспрофессиональное анкетирование, объектом которого являются мифозпонимы, а в качестве фокус-групп выступают, с одной стороны, представители медицинской науки, а с другой – филологи как профессионалы и как носители общекультурного знания, можно считать одним из возможных инструментов оценки когнитивной корректности терминов. Подчеркнем, что при едином списке терминов анкетирование в двух группах носило разную семиологическую направленность. Для филологов, «отгадывающих» чужие термины, это была реконструкция в *сигнификативной* сфере, а для медиков, узнающих имена, это была операция в *номинативной* сфере. Все это лишний раз подтверждает тезис, что термины нужно *понимать*, а имена нужно *знать*.

В заключение отметим, что проведенное исследование позволило, на наш взгляд, наглядно продемонстрировать типы взаимовлияния культурного и специального знаний, что в настоящее время является одной из приоритетных задач когнитивного (антропоцентрического) терминоведения [5].

Литература

1. Васильева Н.В. Эпонимический термин сквозь призму мифологического нарратива // *Non multum, sed multa*: Немного о многом. У когни-

- тивных истоков современной терминологии: Сб. науч. трудов в честь В.Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С.254-261.
2. Васильева Н.В., Виноградов В.А. Заметки об эпонимах // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP. Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 72-74.
 3. Какзанова Е.М. Имя собственное в термине. М.: Галлея-Принт, 2015. 292 с.
 4. Ковалева И.И. Миф: повествование, образ и имя // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 92-94.
 5. Новодранова В.Ф. Соотношение обыденного и научного знания в профессиональной коммуникации // Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2008. С. 635-637.
 6. Саркисян Ю.В. Понятие профессионализма в проблемном поле социологии профессий // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. № 4 (79). Нижний Новгород, 2009. С. 99- 103.
 7. Тритенко Т.В. Мифологические образы в языке клинической психологии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 238 с.
 8. Karenberg A. Amor, Äskulap & Co. Klassische Mythologie in der Sprache der modernen Medizin. Stuttgart, New York: Schattauer Verlag, 2005. 216 S.
- © Н.В. Васильева, Т.В. Тритенко, 2017

Р.И. Виноградова
БашГУ, Уфа, Россия

Чтение и реферирование литературы по специальности при подготовке к сдаче кандидатского минимума по иностранным языкам

Учебные группы аспирантов, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку, являются многопрофильными, т.е. включают обучающихся как естественных, так и гуманитарных факультетов университета. И здесь очень важно не нарушать разумного равновесия между уровнем профессиональных и языковых знаний обучаемых, а также уровнем профессиональной информации и языковых средств читаемого материала.

Как правило, массив оригинальных текстов, предлагаемых аспирантам для различных видов чтения и реферирования, пред-

ставляет собой серию тематически связанных текстов, информативных, актуальных и значимых с профессиональной точки зрения обучаемого. Аспирантам предлагается шире использовать основные типы источников информации по специальности: документацию, книги (монографии), учебную оригинальную литературу, патенты и др. При этом ставится задача – обязательное извлечение и применение профессиональной информации при чтении оригинальной литературы, а также дальнейшее использование этой информации в учебной, научной и общественной работе.

Задача реферирования – выделение наиболее существенной информации и представление её в виде текста-реферата с языковыми и стилистическими особенностями предложенной литературы по специальности. Обучаемые совершенствуют свои умения не только в различных видах чтения, развиваются также умения в письменной речи на иностранном языке. Реферирование – это, скорее всего, рецептивно-продуктивная речевая деятельность.

В методической литературе достаточно широко освещается проблема реферирования с описанием различных видов реферата. В вузовском обучении наиболее приемлемыми, на наш взгляд, можно считать реферат-конспект (информативный реферат) и реферат-резюме, которые используются при контроле понимания прочитанного текста. В работе с аспирантами мы широко пропагандируем первый вид реферата, особенно при подведении итогов работы по прочитанной специальной литературе, ибо *он* имеет большой объем и включает все положения прочитанного первоисточника. Краткие резюме часто граничат с аннотацией и используются как промежуточный контроль работы со студентами старшей ступени обучения иностранным языкам, а также в аспирантских группах.

Работа над составлением любого вида реферата требует определенных умений и навыков, и этому надо обучать. Модель обучения реферированию включает в себя ряд методических рекомендаций и приемов. Во-первых, очень важно дать обучаемым общие знания о реферировании, познакомить их с приемами обработки информации. Специально разработана система упражнений, включающих языковые средства, необходимые для языкового оформления реферата. К приемам самостоятельной работы над текстом, подлежащим реферированию, можно отнести беглый просмотр

текста, ознакомление с его общим содержанием, изучающее чтение с определением незнакомой лексики, языковая обработка текста и её изложение в форме устного реферата и др. Следует признать, что ведущим мотивом иноязычного чтения в условиях неязыкового вуза является получение профессиональных знаний в процессе этой речевой деятельности.

Основным моментом в обучении реферированию специальной литературы является также знакомство с алгоритмами работы: это – выбор темы, изучение основной литературы, составление библиографии и плана реферата, обработка полученной информации.

На учебных занятиях преподаватель обязательно должен познакомить студентов с примерной структурой реферата (титульный лист, оглавление, введение, основная часть, список литературы). В кратких выводах, заключающих реферат, часто формулируются основные идеи реферированного текста или главы книги.

В разработанных нами учебных пособиях для студентов старших курсов, магистрантов и аспирантов обязательно имеются разделы: Text zum Referieren und Annotieren.

Каждый текст снабжен заданиями с определенным набором клише, необходимых для написания краткого реферата или аннотации, например: Referieren Sie den Text, gebrauchen Sie dabei folgende Klischees (даны различные клише).

Имеются также указания и образцы для выполнения реферата (Hinweise und Muster für das Referieren) [1].

Хочется еще раз подчеркнуть, что овладение методами и приемами реферирования и аннотирования оригинальной иноязычной литературы по специальности является очень важным моментом при обучении иностранным языкам аспирантов, готовящихся к сдаче кандидатского минимума. Кроме развития различных видов чтения, обучаемые учатся смысловому свертыванию текста, преодолевают трудности лексико-грамматического характера, развиваются их мыслительные способности, а также навыки письменной речи.

Литература

1. Виноградова Р.И. Немецкий язык. Учебное пособие для аспирантов. 3-е издание дополненное и переработанное. – Уфа. РИЦ БашГУ, 2016 – с.109-112.

© Р.И. Виноградова, 2017

Прецедентные тексты в китайскоязычном дискурсе

Прецедентность и интертекстуальность издревле присущи традиционной китайской филологии, в которых упор делался именно на комментарии к текстам, а поэзия и многие произведения других форм строились на основе интертекстуальности и прецедентности. Как справедливо заметил М.В. Софронов, «для китайской культуры характерно, что классический текст в литературном произведении редко цитируется прямо. Он используется главным образом как основание для метафоры, смысл которой понятен только тем, кто знаком с соответствующим текстом» [4, 392-393].

Об этом же писали Н.В. Солнцева и В.М. Солнцев: «...формирование национальной филологической традиции в Китае было обусловлено вовсе не только особенностями китайского языка, но и другими факторами, а именно потребностью толковать и комментировать древние тексты. Это последнее, в свою очередь, было обусловлено теми историческими традициями китайского общества, согласно которым знание древности и, соответственно, древних текстов считалось одной из высших ценностей. Как известно, в Китае господствовало представление о том, что эталоном образцового государственного устройства была та система государства, которая существовала в древности и описанию которого практически были посвящены все каноны и философско-этические трактаты. Именно поэтому институт административной власти, введя специальную систему экзаменов (в основе которой было заложено доскональное знание канонов, умение их комментировать и писать сочинения на заданную в соответствии с этими канонами тему), обеспечивал сдавшему экзамены чиновничью должность. Таким образом, в Китае сохранялись и знание древности, и связь времён. Человек, стремящийся к занятию должностей, должен был быть филологически образованным. Устанавливалась связь филологии и власти. В итоге складывалась не только филологическая «власть», но и власть самой филологии» [3, 117].

Современный китайскоязычный дискурс (КД) также показывает активное обращение к прецедентным текстам (ПТ). Актуализи-

зация ПТ в современной коммуникации происходит посредством прецедентных имён (ПИ), высказываний (ПВ) и ситуаций (ПС) [1, 6].

Как и в других странах, в Китае в большом количестве издаются книги, производятся кинофильмы, телесериалы, мультфильмы, сувениры и прочая продукция, основанные на прецедентных текстах или посвящённые референтам прецедентных имён (историческим и вымышленным личностям и событиям). Такие произведения мы предлагаем называть фреймовыми (от английского frame ‘структурная единица различных интеллектуальных и других объектов’) [1, 62-66]. Например, в 2008 году появилась книга «Красный утёс» (《赤壁》 Chi bi) современного беллетриста Ши Цзепэна [5] и снят одноимённый телесериал, в которых представлены прецедентные персонажи и ситуации классического романа «Троецарствие» и исторические личности и события периода Троецарствия. Название этих продуктов современной киноиндустрии и литературного творчества является наименованием прецедентной ситуации – знаменитой битвы у горы Чибя (буквально: красный утёс), которая вербально в КД также представлена фразеологизмом (прецедентным высказыванием/прецедентным именем-эвентонимом) 赤壁鏖兵 Chibi ao bing (варианты: 火烧赤壁 huo shao Chibi или 赤壁之战 Chibi zhi zhan). Для ясности представим краткую экспликацию данной фразеологической единицы. 赤壁鏖兵 Chibi ao bing ‘тяжёлая битва при Чибя’, ‘одержав победу в жестоком бою’ (тяжёлый бой, большая битва). Прецедентная ситуация такова. Войска царства Вэй возглавлял Цао Цао, войска царства У – Сунь Цюань. Чибя – гора на южном берегу реки Янцзы. Здесь в 208 году нашей эры Цао Цао с 500-тысячным войском, которое сам он выдавал за 800-тысячное, выступил против Сунь Цюаня. Последний в союзе с другим противником Цао Цао – Лю Бэем – выставил 30-тысячное войско; он воспользовался эпидемией в войсках Цао Цао и их неумением сражаться на воде, сжёг суда Цао Цао и разгромил его армию. Выражение возникло в классическом романе ПТ «Троецарствие».

В 2009 году снят биографический фильм о Конфуции. Примеров фреймовых произведений можно привести достаточно много и, полагаем, этот феномен требует отдельных исследований.

Особенно плодovitыми на ПИ являются известные классические романы – прецедентные тексты КД «Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме». Эти романы представлены в китайском языке и культуре вместе словесным клише в виде фраземы-калькуляции – 四大名著 sì dà míng zhū ‘четыре великих шедевра’, и это, полагаем, говорит об их особом статусе. Также важными прецедентными текстами КД являются «Ши цзин», «Чжуан-цзы», «Дао дэ цзин», «Мэн-цзы», «И цзин», «Лунь юй» и другие.

В связи с этим показательна юмористическая заметка, которая встретилась нам в популярном периодическом издании любителей китайского языка 《咬文嚼字》 Yáo wén jiāo zì ‘Буквоед’ [6, 91].

诗坛新秀

在某书店，见到一本《中国诗词实用大百科》。这其实是本古代诗词选集。浏览目录，除了屈原、李白、杜甫、白居易、苏轼、陆游、辛弃疾等人之外，还有两位文学史上从未介绍过的诗人：贾宝玉和林黛玉。这两位诗坛新秀的作品，原来都来自，《红楼梦》。我想，若曹雪芹先生读到这本“大百科”，一定会大声疾呼：“还我版权！”

‘Новые корифеи поэтического олимпа

В одном книжном магазине увидела «Практическую энциклопедию китайской поэзии». Это действительно был сборник древней поэзии. Пробежав глазами по оглавлению, заметила, что кроме Цюй Юаня, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Су Ши, Лу Ю, Синь Цици и других есть два имени, которые никогда в истории литературы не описывались: эти имена Цзя Баоюй и Линь Дайюй. Оказалось, что произведения этих новых корифеев мира литературы родом из романа «Сон в красном тереме». Я думаю, что если бы Цао Сюэцинь увидел эту «Энциклопедию», то наверняка бы закричал: «Верните мне моё авторское право!»

Хотя описанная в этой заметке ситуация и является выдумкой, но она показательна тем, что в КД многие ПИ сформировались и окрепли как ПИ, именно опираясь на две основы: реальную историческую и литературную. В этой заметке автор ставит в один ряд ПИ Цзя Баоюй и Линь Дайюй, то есть имена выдуманных пер-

сонажей ПТ «Сон в красном тереме», с именами известнейших поэтов Китая, которые являются реальными историческими личностями.

Итак, следует иметь в виду, что в КД имеется определённое количество ПИ, референты которых являются одновременно реальными историческими личностями (событиями, если говорить о ПИ-эвентонимах) и литературными персонажами (эпизодами, если говорить о ПИ-эвентонимах). Очень часто дифференциальные признаки таких референтов в структуре представления ПИ сливаются в одно целое, вследствие чего возникают условия возникновения разного рода неоднозначных суждений о референтах ПИ – реальных исторических личностях (событиях) или вымышленных персонажах (ситуациях). И в таких случаях использование ПИ уже не вызывает улыбку, как в вышеприведённом примере с ПИ Цзя Баоюй и Линь Дайюй. Ярким примером этому может служить ситуация в КД с ПИ Цао Цао (155-220 гг.). Даже в самом Китае относительно этого исторического деятеля нет единого мнения о том, плохим он был человеком или хорошим. Дело в том, что как реальный исторический политический деятель он был талантлив и действовал в интересах государства. Но автор ПТ КД романа «Троецарствия» (роман создан в 14 веке) Ло Гуаньчжун намеренно наделил Цао Цао как персонаж романа многими отрицательными качествами, которые очень ярко и образно представлены в многочисленных вымышленных ПС, описанных в романе. Именно эти ситуации и эпизоды романа и сформировали современный инвариант восприятия имени Цао Цао – «коварный человек», часто используемый для характеристики.

Поэтому мы считаем, что использование ПИ КД не китайцами в речи и в общении с носителями китайского языка допустимо только после тщательного изучения всех основных дифференциальных признаков референта ПИ, источников происхождения ПИ и установления действительного инварианта восприятия ПИ в китайском лингвокультурном сообществе. Полагаем, недопустимо использование ПИ другой страны со сложной структурой стоящего за ним представления для презентации каких-либо основополагающих идей широким кругам общественности.

Прецедентные имена из важнейших ПТ часто используются для характеристики. Обычно это укладывается в рамки заголовка, фразы, предложения или небольшого фрагмента текста.

Но приведём замечательный пример актуализации ПТ и ПИ, в котором эффект характеристики с помощью ПИ является мощным зарядом для повествования целого современного романа.

В 2012 году в Китае вышел сатирический роман современного китайского писателя Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» (《我不是潘金莲》 Wo bu shi Pan Jinlian). В 2015 году был опубликован прекрасный перевод этого романа на русский язык [2]. Правдоискательство главной героини, на которую возвели напраслину, сравнив с легендарной распутницей Пань Цзиньлянь, приводит к невероятной цепочке событий, абсурдных и вместе с тем совершенно реалистичных. В данном романе ПИ Пань Цзиньлянь, а точнее использование этого имени для характеристики героини романа стало катализатором активности главной героини на протяжении большей части романа.

Пань Цзиньлянь, героиня классических романов «Цветы сливы в золотой вазе» и «Речные заводы», непорядочная, нечестная женщина, которая изменяла мужу и отравила мешавшего ей мужа.

В романе «Я не Пань Цзиньлянь» бывший муж совершенно бесосновательно (вернее, не вдаваясь в детали дифференциальных признаков и представлений, стоящих за ПИ Пань Цзиньлянь) прилюдно уподобил свою бывшую жену (героиню романа по имени Ли Сюэлянь) Пань Цзиньлянь.

При чтении романа нам иногда становилось не по себе от того, как Ли Сюэлянь одержима идеей освободиться от ярлыка Пань Цзиньлянь. Ради этого она на протяжении двадцати лет ездит в столицу с жалобами. «Двадцать лет она оберегала свою репутацию...» [2, 234]. Получается, что если бы она не ездила жаловаться в Пекин каждый год целых двадцать лет, то это означало бы, что она смирилась с этой характеристикой и на самом деле является распутной женщиной в глазах окружающих. В связи с этим сразу вспоминается такой важный элемент китайской социальной культуры как забота о сохранении лица (репутации). И здесь ярко проявляется вся сила прецедентности в китайскоязычном дискурсе. Зная, какое важное место прецедентные тексты занимают в китайской культуре и вообще в китайской жизни, в конце концов, нис-

колько не удивляешься такому странному поведению героини этого романа. Все прецедентные феномены несут в китайскоязычном дискурсе сильнейший культурный и идеологический заряд. Полагаем, что именно прецедентные феномены (тексты, ситуации, имена, высказывания) во многом сформировали некоторые важные китайские поведенческие стратегии. Изучение прецедентных текстов и прочих прецедентных феноменов часто помогает лучше понимать китайский национальный характер и правильно интерпретировать некоторые, на первый взгляд, странные поступки китайцев.

Литература

1. Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе [Текст] / Н.Н. Воропаев Дис. ... канд. филол. наук. – Москва.: 2012. – 315 с.
2. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь / Пер. с кит. О.П. Родионовой – СПб.: Гиперион, 2015. – 288 с.
3. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию (Москва, 28-29 июня 1994 г.)/ Институт языкознания РАН. – М.: 1995. С. 115-123.
4. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 638 с.
5. Shi Jiepeng 赤壁 // 史杰鹏 著. – 桂林: 广西师范大学出版社, 2008 年. Chi bi // Shi Jiepeng zhu. – Guilin: Guangxi shifan daxue chubanshe, 2008 nian. («Красный утёс» // Ши Цзепэн. – Гуилинь, Издательство педагогического университета провинции Гуанси, 2008) – 297 с.
6. Yao wen jiao zi 咬文嚼字 (合订本 2000. 上海: 上海文化出版社, 2000 年 Yao wen jiao zi (hedingben 2000). Shanghai: Shanghai wenhua chubanshe, 2000 nian. (журнал «Буквоед», сборник выпусков за 2000 год. – Шанхай, Издательство «Культура Шанхая», 2000) – 328 с.

© Н.Н. Воропаев, 2017

Гиперссылки как инструмент реализации категории интертекстуальности

Во времена тотальной компьютеризации всех аспектов существования общества нельзя не обратить внимания на перемены, коснувшиеся осмысления широко известных понятий. Одним из таких стало понятие интертекста, которое, на наш взгляд, с развитием технологий приобрело новые свойства и формы. Учитывая специфику интернет-коммуникации, стоит отметить постепенную смену статуса интертекста как общетекстовой характеристики до черты именно письменного текста. Для текстов виртуальной реальности основной характеристикой становится *гипертекстуальность*. **Целью** настоящего исследования стало изучение и описание роли гиперссылок в реализации категории интертекстуальности. Материалом исследования послужили англоязычные тексты онлайн-издания The Guardian. Теоретико-методологическую базу составили труды таких ученых как М.М. Бахтин, Р. Барт, Н.А. Кузьмина, В.Б. Кашкин и др.

Первыми текстами, в отношении которых было применено понятие интертекстуальности, были тексты художественной литературы. Согласно сложившейся традиции, интертекст считается основной формой существования текста вообще, так как рассмотрение такового в отрыве от других текстов культуры, в которой он существует, представляется невозможным. Как пишет Р. Барт, текст «существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [1, 428]. Основными интертекстуальными включениями, характеристиками признаются цитаты, аллюзии и косвенная речь. В гипертекстовом пространстве перечисленные интертекстуальные маркеры как бы оживают, приобретают новый смысл: они становятся не только звеном, соединяющим множество текстов, но и мостиком для передвижения читателя в виртуальном пространстве от темы к теме, от мнения к мнению. В свете описанного явления, утверждение М.М. Бахтина кажется актуальным как никогда ранее: «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [2]. С учетом специфики новостных текстов СМИ

такая идея представляет особую ценность: при освещении происходящих событий важно не просто описать текущую ситуацию, но также помнить о ее предыстории и возможном развитии. В отличие от художественной литературы, новостной дискурс представляет собой не творческое осмысление жизни, а ее последовательное, в большинстве случаев, объективное отражение.

Главным отличием письменного текста от текста в интернет-среде является характер восприятия интертекстовых вкраплений читателем. При написании обычного письменного или печатного текста автор интуитивно полагается на фоновые знания своей читательской аудитории. В данном случае имеет место доля риска остаться непонятым или понятым неправильно, если реципиенту незнакомы те или иные реалии, цитаты и другие подобные включения. Гипертекстовое пространство отчасти решило данную проблему: благодаря техническим возможностям интернет-среды появилась возможность незамедлительно восполнить пробелы в знаниях по какому-либо вопросу, не прибегая к дополнительным поисковым запросам – достаточно нажать на внутритекстовую гиперссылку. Обычно в тексте они выделяются цветом, отличным от основного.

Например: Russia has started producing quality military equipment. To be respected in the world, you need to demonstrate strength [5].

При переходе по внутритекстовой гиперссылке Russia читатель окажется на странице издания, где представлены статьи, посвященные России или с упоминанием о ней, опубликованные со дня перехода. Таким образом можно проследить развитие событий и получить разностороннее представление о происходящем. С этой точки зрения гипертекст можно рассматривать как 3D-модель интертекста, как наглядную демонстрацию того, о чем не раз говорили исследователи интертекстуальности – за каждым текстом стоит огромное количество текстов, так или иначе с ним взаимосвязанных.

Современными исследователями было предпринято множество попыток классификации гиперссылок. Так, выделяют структурные, референциальные, семантические и условные ссылки (Р.П. Потапова), контент-ссылки, сервисные, коммуникационные и рекламные ссылки в интернет-СМИ (С.Г. Носовец) и другие. В данной

статье речь пойдет о гиперссылках, позволяющих онлайн-авторам *направлять внимание читателя*, «помогать» ему строить необходимый в определенной ситуации интертекст. Также нельзя не учитывать и новейшие функции интернет-браузеров по отбору материала для каждого конкретного читателя – анализируя историю просмотренных сайтов и тем, браузер автоматически предлагает читателю подборку статей на интересующие темы в рубриках «Смотрите также», «Статьи по теме», «Вам может быть интересно» и другие. В интернет-пространстве описанное явление носит название *кликбейтинга*. Этот прием перешел в СМИ из рекламного дискурса и получает все более широкое распространение как в сфере СМИ, так и в других областях. Главная задача кликбейтинга – заинтересовать читателя, увлечь в процесс изучения информации и продлить этот процесс как можно дольше. С указанной целью используются как лингвистические, так и экстралингвистические средства (шрифт, иллюстрации, цвет и т.д.).

Основной функцией внешних гиперссылок, то есть ссылок на сторонние источники, О.Н. Морозова называет «повышение информационной емкости текста», а сами ссылки – «средством навигации». Они выполняют «связующую функцию отдельных информационных единиц всего интернет-пространства, указывая адресату, где он находится, и подсказывая возможные дальнейшие пути продвижения» [3, 163]. Это описание справедливо не только по отношению к внешним ссылкам, но и к вне- и внутритекстовым.

Например: *Russia and Trump: the chronicle of a scandal* [The Guardian 7.06.2017].

Рассмотрим статью, идущую под указанным выше заголовком, который предполагает перечисление событий и задействованных лиц. В самом тексте внутритекстовые ссылки представлены в изобилии и различных формах – от одного слова до целого предложения. Прямая цитата и косвенная речь в большинстве случаев предполагают переход к какой-то определенной статье, а ссылка на чье-то имя или название – к странице с подборками статей, в которых они упоминаются:

Пример: 10 November 2016: Barack Obama warns Trump against appointing Michael Flynn to a top national security post during their first meeting after the election. Obama had removed Flynn as the head of the Defense Intelligence Agency in 2014.

Пример: 24 January 2017: The Washington Post reports Flynn denied to FBI agents that he had discussed US sanctions in his calls with the Russian ambassador.

Благодаря возможностям современных технологий наличие ссылок не ограничено рамками самого текста. Внетекстовые ссылки также представлены довольно разнообразно. Один из заголовков по теме, расположенных слева от текста:

Пример: Donald Trump faces new revelations as Comey prepares to testify. Read more [4].

Под текстом, в конце статьи представлены две рубрики – *More on this story* и *Most viewed*, что позволяет не только вовлечь читателя в дальнейшее изучение затронутой темы, но и привлечь его внимание к текущим событиям во всем мире. Следует отметить, что внетекстовые ссылки, в отличие от внутритекстовых, сопровождаются иллюстрациями и видео- /аудиоматериалами.

Пример: Trump attacks Post over report Sessions discussed campaign with ambassador [The Guardian 20.07.2017].

Пример: George HW Bush issues new statement as second actor accuses him of sexual assault [The Guardian 26.10.2017].

Подводя итог проведенному исследованию, представляется важным отметить следующие *особенности функционирования гиперссылок* в новостных текстах интернет-СМИ. Прежде всего, существует множество видов гиперссылок, выделяемых согласно различным критериям (содержание, форма, характер перехода, расположение относительно текста и т.д.), что значительно влияет на восприятие читателем информации. В современном мире, в русле бесконечного потока информации гиперссылки становятся спасательным кругом для аудитории, позволяют вовремя восполнить пробелы в знаниях о текущих событиях, а при желании – изучить тему глубже и с разных точек зрения. Однако при этом, с развитием технологий у онлайн-издательств появилась возможность контролировать переходы по ссылкам в соответствии с интересами читателя, либо со своими собственными (например, поддержание определенной точки зрения, совпадающей с политикой издания). Таким образом, явление *кликбейтинга* играет важнейшую роль в реализации категории интертекстуальности, функционируя как эффективное средство сцепления информации в единый бесконечный текст гипертекстового пространства.

Благодаря наглядности, которую обеспечивают гиперссылки, интертекст «ожил», появилась возможность осознать масштабность данного явления. В процессе передачи информации интертекстуальные маркеры – цитаты, аллюзии, косвенная речь – приобрели еще большее значение.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: 1994. – 467 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – 341 с.
3. Морозова О.Н. Средства репрезентации гиперссылок на современных британских политических персональных сайтах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Издательство: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), 2015. – Т. 7, № 1. – С. 161-166.
4. Grierson, J., Owen, P. Russia and Trump: the chronicle of a scandal // URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/may/20/russia-and-trump-the-chronicle-of-an-ongoing-scandal> (дата обращения: 27.10.2017).
5. Hartog, Eva. A harsh but just ruler': what do Russians think about Putin? // URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/28/putin-what-russians-think> (дата обращения: 1.11.2017).

© О.А. Гаврикова, 2017

Р.А. Газизов
БашГУ, г. Уфа, Россия

О некоторых доминантных особенностях общения немцев и русских в ситуациях коммуникативного этикета

Коммуникативное поведение того или иного народа в силу своей национально-культурной специфики является неотъемлемым компонентом культуры определенного народа и представляет собой своеобразное и уникальное явление. Оно выступает как аспект проявления в общении языковой личности. Как справедливо отмечает Н.И. Формановская, именно в речевом поведении, являющемся, в свою очередь, неотъемлемым компонентом коммуникативного поведения, «обнаруживает себя» языковая личность, «принадлежащая данному времени, данной стране, данному региону, данной социальной группе, данной семье. <...> Она несет в себе опыт языкового развития поколений, в том числе и опыт мастеров слова,

опыт страны, среды, а также и свой собственный неповторимый опыт и облик. Общаясь, мы всегда обнаруживаем себя как личность и всегда находимся в рамках заданного многообразными условиями речевого поведения. Следовательно, речевое поведение человека необходимо рассматривать как разновидность и составную часть его социального поведения» [5, 30]. При этом неадекватное восприятие коммуникативного поведения одного народа другим создает «зону непонимания» и даже может приводить к возникновению межличностных и межэтнических конфликтов.

Таким образом, для предотвращения возможного «конфликта культур» и преодоления так называемого культурного барьера необходимо принимать во внимание не только специфику коммуникативного поведения определенного народа, но и его национальные особенности общения, и прежде всего те, которые являются доминантными. «Под доминантными особенностями общения того или иного народа понимаются такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, то есть вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т.д.» [4, 103-104].

При рассмотрении доминантных особенностей общения необходимо учитывать специфику национального характера общающихся. Причем доминантные особенности общения выступают как важная составляющая национального характера, они вытекают из последнего и позволяют отличать национальный характер представителей разных народов.

Проведенное исследование по сопоставлению коммуникативного поведения немецкой и русской лингвокультурных общностей подтверждает выводы И.А. Стернина относительно доминантных особенностей общения немцев и русских. Немецкое коммуникативное поведение характеризуется рядом специфических особенностей. Так, «немцы в целом улыбкивы, приветливы; в общении демонстрируют высокий уровень бытовой вежливости; в общении сдержанны, малолюбопытны, <...> существенна доля поверхностного, этикетного общения, особенно в гостях» [4, 105]. Русские же менее улыбкивы и приветливы, так как улыбка не является неотъемлемым и обязательным компонентом коммуникативного поведения. Бытовая вежливость выражена в меньшей сте-

пени. Простым подтверждением тому могут служить формулы извинения и благодарности, которые в коммуникативном поведении русских употребляются не так часто, как у немцев.

Несмотря на бытовую неулыбчивость и даже некоторую угрюмость и мрачность, русские считаются общительным народом. Любовь к общению проявляется через допустимость обсуждения сугубо личных проблем человека в группе, стремление включить в общение всех присутствующих, а также через тематическое разнообразие, т.е. возможность обсуждать практически любые темы. Русские также охотно высказывают свое мнение по тому или иному вопросу, любят давать всевозможные советы и рекомендации, что было подтверждено исследованием речевого поведения немцев и русских в ситуации «Совет» [1, 97-100].

Что касается общительности немцев, то в общении они более сдержанны, проявляют малоинформированность, отвечают «не знаю» на многие вопросы, не относящиеся непосредственно к их занятиям. Тематическая табуированность в немецком общении объясняется отчасти повышенной степенью анонимности. Так, в немецкой лингвокультурной общности не принято вмешиваться в дела других, обращаться с просьбами к незнакомым.

Необходимо также отметить, что определяющей чертой немецкого национального характера является стремление во всем следовать правилам, предписаниям, указаниям, строгое соблюдение которых позволит достичь «настоящего *Ordnung 'a*» (порядка – *P.G.*). «Немцы верят в то, что миром правит *Ordnung* (порядок – *P.G.*), где у любой вещи и любого человека есть свое место в великом плане, рассчитанном на то, чтобы достичь максимальной эффективности» [3, 107].

Таким образом, приверженность немцев к порядку выражена в большей степени, чем у русских. Этим также объясняется нелюбовь к формальному, этикетному общению у русской лингвокультурной общности и существенная доля поверхностного, вежливого общения у немецкой.

Однако, если сопоставить немцев и русских по параметру открытости проявлений внутреннего состояния, то у последних будут отмечаться положительные «реакции» в отличие от немцев. Так, «русской щедрости» противостоит «немецкая скупость». Рус-

ские издавна отличались широким хлебосольством и гостеприимством.

Исследование речевого поведения немцев и русских в ситуациях «Приглашение» и «Предложение» показало, что формулы приглашения в русском речевом поведении, такие как «*Милости прошу (к нашему шалашу)!», «Заходи, гостем будешь!», «Чем богаты, тем и рады!»* и др., не имеют прямых соответствий в немецком речевом поведении и являются лишним доказательством широты русской души, натуры. К тому же имеется немало русских пословиц, свидетельствующих о радушии, доброте и щедрости русского человека: «*Не красна изба углами, а красна пирогами», «Просим на избу: красному гостю красное место», «Гость на гость – хозяину радость», «Хоть не богат, а гостям рад», «Что есть в печи, все на стол мечи», «Милости прошу к нашему шалашу: я пирогов покрошу, откушать попрошу», «В ногах правды нет»* и т.д. Немецкая же скупость и расчетливость воспринимаются русскими как жадность.

Р. Льюис и С.Г. Тер-Минасова связывают развитие у русских большинства черт характера, таких как щедрость, отзывчивость, простодушие, с одной стороны, и лень, необязательность, неорганизованность, природный консерватизм и фатализм, с другой, с географическими и климатическими условиями страны: «Русский характер обусловлен в некоторой степени безжалостным авторитарным режимом и правлением в течение многих столетий, но два главных фактора формирования русских ценностей и коренных убеждений остаются постоянными при любом правлении – необъятные просторы России и неизменная суровость ее климата» [3, 316].

И.М. Кобозева, в свою очередь, связывает формирование многих черт характера у русских с верой в «идею добра»: «Если человек не желает себе зла и при этом не считает нужным просчитывать свои действия, не боится отрицательных последствий, то, по-видимому, он исходит из предположения, что, что бы он ни делал, такие последствия маловероятны, т.е. мир не причинит ему зла, мир в основе своей добр» [2, 114]. Поэтому трудолюбие, сообразительность и соблюдение порядка оказываются не столь существенными, если добро и правда в мире рано или поздно восторжествуют. Напротив, немцы отличаются скупостью, осторожностью,

работоспособностью; они исполнительны, обязательны, педантичны, пунктуальны.

Столь существенные различия в доминирующих чертах общения немцев и русских объясняются тем, что данные народы принадлежат к разным типам культур. Р. Льюис условно подразделяет культуры мира на три типа:

1) Моноактивные – культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в данный момент. Немцы и швейцарцы принадлежат к этой группе.

2) Полиактивные – подвижные, общительные народы, привыкшие делать много дел сразу, планирующие очередность дел не по расписанию, а по степени относительной привлекательности, значимости того или иного мероприятия в данный момент. Сюда относятся такие народы, как итальянцы, латиноамериканцы и арабы.

3) Реактивные – культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны. Представители этой категории – китайцы, японцы и финны [3, 24].

Русские относятся к полиактивным культурам в силу того, что они общительны, непунктуальны, предстоящие дела и мероприятия планируют только в общих чертах, легко могут менять свои планы.

Таким образом, доминантные особенности общения того или иного народа значительно влияют на коммуникативное поведение определенной лингвокультурной общности. Знание доминирующих национальных черт общения способствует предотвращению «конфликта культур» в процессе коммуникации, помогает преодолеть культурный шок и адекватно воспринимать действия собеседника.

Литература

1. Газизов Р.А. Коммуникативное поведение немцев и русских в этикетном общении: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 126 с.
2. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов

// Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995, № 3. – С. 102-116.

3. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. – М.: Дело, 1999. – 440 с.

4. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Российская Академия Наук, Институт языкознания, 1996. – С. 97-112.

5. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 157 с.

© Р.А. Газизов, 2017

Д.Р. Гилязова
БашГУ, г.Уфа, Россия

Феномен вербальной агрессии как провоцирующий фактор конфликтов в обществе

Сегодня под воздействием соцсетей и мессенджеров у людей сформировался определённый тип мышления. Текст воспринимается короткими интервалами. Средняя длина текстов за 10 лет сократилась в 6 раз. Люди не в состоянии воспринимать длинные новости – эффективно усваиваемый максимум сократился до 6 абзацев. Ещё одной тенденцией современного мира является сиюминутность общения – люди участвуют в дискуссии здесь и сейчас, а на завтра забывают, о чём шла речь. Всё это делает аудиторию удобной для управления, такая аудитория в массе своей беспамятна, живо реагирует на острые заголовки и почти не включает аналитические способности при восприятии информации, априори воспринимая её как правду. Срок жизни «новости» короток и проще «повестись» на неё, пустившись в обсуждение и забыть, чем проанализировать. Поэтому, сеть и её пользователи – это идеальная среда для различного рода манипуляций. Интернет пестрит фейковыми новостями, и почти каждая из них находит свою аудиторию и живой отклик.

Тексты, имеющие цель взбудоражить общество, посеять рознь и настроить членов одной группы общества против другой используют для этого различные приёмы и способы. К разнообраз-

ным способам и средствам речевой агрессии в СМИ относятся: использование инвективной, жаргонной, просторечной лексики, агрессивных сравнений и метафор, словообразовательных неологизмов, немотивированное употребление заимствованных слов, приемы языковой демагогии, иронизацию, тенденциозное использование негативной информации, интертекстуальность. Пожелания пенсионерам Д.А. Медведева «Денег нет, но вы держитесь!» и «Здоровья и хорошего настроения!» во время диалога с жителями Крыма превратились в крылатые, вызвав резко негативную реакцию, и являются, на наш взгляд, примером языковой демагогии и иронизации.

В век, когда языковая функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные, СМИ становятся средствами массового воздействия. Функция воздействия СМИ изменилась в связи с переходом от одноплановости и императивности к более разнообразным, раскованным, индивидуализированным текстам.

Упрощение общественных отношений и демократизация норм русского литературного языка обуславливают новые тенденции в культуре речевого общения. Перед журналистами и лингвистами стоит острая, требующая решения проблема экологии языка, контроля вербальной агрессии в обществе в целом и в СМИ в частности. Изучать формы и средства речевой агрессии в СМИ необходимо сейчас потому, что современное общество в своих представлениях о речевых эталонах во многом ориентируется на язык масс-медиа. В такой ситуации «языковой экстремизм средств массовой информации стимулирует рост речевой агрессии в публичной коммуникации и тем самым способствует формированию остроконфликтной социальной среды» [2, 103]. Посредством СМИ обществу навязываются некорректные образцы речевого поведения, и агрессивность становится частью языковой личности. Агрессивность речевого поведения журналиста может исказить картину мира адресата, негативно воздействовать на его языковой вкус, спровоцировать ответную агрессию. В связи с этим одной из насущных задач, стоящих перед журналистами и лингвистами, которые должны быть популяризаторами экспрессивной, правильной, эстетичной русской речи [1], является формирование общественного отношения к феномену речевой агрессии.

Важную роль здесь играет и современная тенденция субъективизации газетного текста, которая состоит в усилении присутствия личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности содержания текста, эмоциональности, экспрессивности, подчеркнутой адресованности. При этом субъективизация зачастую вуалируется, например, ссылками на «достоверные, пожелавшие остаться неназванными/неизвестными источники», «самые что ни на есть высокопоставленные источники».

Усиление тенденций к свободе в обществе и языке укрепило позиции разговорной речи и усилило разговорную составляющую вербальной коммуникации. Произошла «смена нормативной основы литературного языка». Письменный язык художественной литературы стал уступать свои функции устной речи общественных каналов коммуникации. Из русской речи практически исчез высокий стиль. Всё это объясняется, в том числе, и стратегией близости к адресату СМИ, стремлением создать иллюзию живого устного общения. В СМИ проникают нелитературные и ранее табуированные средства языка, размывая границы между письменной и спонтанной, «разовой» речью. С другой стороны, это явление оценивается многими как «нормальное», потому что «плохо» говорят активные члены общества, успешные представители властных, политических и деловых структур.

Конечно, нельзя забывать и о других факторах, провоцирующих проявление языковой агрессии, таких, например, как «негативная информация, обусловленная факторами социального характера», как отмечает Н.П. Пешкова. [4, 211], [5]. Хорошо известно, что язык, являясь основой культуры, играет огромную роль в развитии социальной личности. Очагом конфликтных ситуаций по-прежнему остается и искаженная информация национально-культурного содержания. Как пишет А.А. Кульева в своей статье «Социологический аспект в современной языковой системе», в настоящее время «становится очевидной проблема возникновения рисков языковой дискриминации на почве расовой неприязни в связи с увеличением потока мигрантов, расширением социально-политических и экономических связей между странами. Происходят языковые конфликты, которые могут оказаться мощным стимулом межнациональных конфликтов» [3, 213]

Литература

1. Беглова Е.П. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Автореф... д-ра филол. наук. – М., 2007."
2. Коряковцева Е.И. Язык современной российской прессы: варваризмы и аргоизмы как сигналы языковой агрессии// W: Współczesna komunikacja językowa/ SLAVICA. Prace slawistyczne, tom 125. SOW, Warszawa, 2008, st. 95-105
3. Кулыева А.А. Социологический аспект в современной языковой системе // Европейский журнал социальных наук, 2014, т.2, С. 211-214.
4. Пешкова Н.П. Особенности восприятия информации в форме «контртекста» как отражения конфликтности адресата // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 202–214.
5. Пешкова Н.П. Социальный контекст общечеловеческих ценностей в языковом сознании молодежи полиэтнического региона // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 24. – С. 98-106.

© Д.Р.Гилязова, 2017

Э.А. Горенкова
БашГУ, г.Уфа, Россия

Паралингвистические средства выражения эмоций в песенном дискурсе (на материале английского и русского языков)

В современных лингвистических исследованиях ведущее место занимает принцип антропоцентризма. Согласно данному научному принципу, объектом изучения оказывается непосредственно сам субъект – языковая личность.

Понятие языковой личности тесно переплетается с языковой картиной мира. В.А. Маслова определяет языковую картину мира как исторически сложившуюся в обыденном сознании определённого языкового коллектива и отражённую в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности [2, 53]. Особенности использования и выбора как языковых, так и неязыковых средств формируются на основании принадлежности человека к определенной культуре.

В рамках данной статьи рассматривается специфика проявлений паралингвистических средств выражения эмоций на материале русскоязычных и англоязычных песенных текстов.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ паралингвистических средств выражений эмоций в песенном дискурсе на материале русскоязычных и англоязычных песенных текстов.

Новизна исследования обусловлена необходимостью изучения средств выражения эмоций в дискурсе определенного типа, а именно, в песенном дискурсе. Научная новизна данного исследования также заключается в том, что поставленные цели и задачи данной статьи решаются в рамках современных научных парадигм, а именно, коммуникативной (В.А. Маслова, В.И. Шаховский), лингвокультурологической (В.А. Маслова, А. Вежбицкая), когнитивной (Е.С. Кубрякова).

О том, должна ли лингвистика изучать эмоциональные составляющие, ученые спорили уже давно. Так, К. Кюлер, Э. Сепир считали когнитивную функцию главенствующей в языке, тогда как другая группа лингвистов (Ш. Балли, М. Бреаль) утверждали, что доминирующей функцией языка следует считать выражение эмоций. Руководитель Волгоградской научной школы лингвистики эмоций В.И. Шаховский утверждал, что эмоции составляют мотивационное и когнитивное базовое пространство языка [4, 134].

Данное исследование связано с песенным дискурсом, так как наряду с коммуникативной, прагматической и художественной, выражение эмоций является одной из ведущих функций рассматриваемого вида дискурса. Специфика изучения песенного дискурса состоит в том, что он представляет собой синтез как музыкального (невербального), так и речевого (вербального) компонентов. Согласно У. Эко, песенный текст является не столько выплеском эмоций, сколько знаком того, что человек «стремится произвести впечатление эмоций подлинных или притворных» [5, 113]. Иллокутивная сила песенного дискурса состоит в передаче намерений автора группе реципиентов (своей аудитории). Подобного рода интенции, заложенные в готовом музыкальном произведении, оказывают значимое влияние на формирование социальной позиции, мировоззрения, ценностных установок у слушателей.

Средства передачи эмоций часто используются для создания автором песенных композиций определенного ряда образов и представлений. Они позволяют манипулировать сознанием аудитории, формируя при этом определенный образ, а также усиливая эмоциональный эффект сказанного. В рамках данной статьи на материале 200 англоязычных и русскоязычных песенных текстов рассматриваются паралингвистические (фонационные) средства выразительности.

Анализ показывает, что в песенном дискурсе наиболее распространенной эмоцией является любовь в русскоязычном и «love» в англоязычном песенном дискурсе.

Обратимся к анализу паралингвистических выразительных средств на примере эмоции «любовь».

Т.М. Николаева считает, что паралингвистические средства можно разделить на три вида. А именно, фонационные, кинетические и графические.

1) *Фонационные*. Сюда относятся темп, тембр, громкость речи, заполнители пауз, мелодика речи, диалектные, социальные или идиолектные особенности артикуляции звуков;

2) *Кинетические* (жесты, поза, мимика говорящего);

3) *Графические* (особенности почерка, графические дополнения к буквам, заменители букв) [3, 264]

В рамках настоящего исследования целесообразно будет обратиться к реализации фонационных средств выражения эмоций в песенном дискурсе, так как данный вид паралингвистических средств выразительности наиболее тесно связан с вербальным (языковым) компонентом дискурса и представляется для нас наиболее значимым в его изучении. Согласно проведенному анализу, в песенном дискурсе обеих культур преобладают такие фонационные средства как быстрая речь, высокий тон, понижение голоса, шепот.

1) *Быстрая речь*

В англоязычном молодежном песенном дискурсе часто встречается быстрая речь: *Loving, learning, watching, burning/Eyes on the sun (30 seconds to Mars «Bright lights»)*. Высокая скорость перечисления однородных членов предложения (глаголов) ведет к нарастающему эмоциональному напряжению и ожиданию кульминационного момента со стороны слушателей.

В русскоязычном песенном дискурсе переход к быстрой речи встречается значительно реже: *Полюби, и мне осталось жить/Ровно девять лун, а после вечное солнце* (Земфира «Мачо»). Автор музыкального произведения чередует скорость речи и тем самым подчеркивает эмоциональную значимость слов «полюби», «вечное солнце».

2) *Высокий тон*

Наблюдение показывает, что данный прием используется авторами песенного дискурса для установки общего эмоционального тона музыкального произведения:

And it breaks my heart/In love (IAMX “Spit it out”)

Герой песни оказывается с разбитым сердцем, так как становится жертвой своего объекта любви. Подобная эмоциональная трагедия передается путем повышения тона в семантически значимых для данного контекста строк.

3) *Понижение голоса, шепот*

Данное паралингвистическое явление в англоязычном песенном дискурсе встречается довольно часто и используется авторами для придания особенной эмоционально-насыщенной атмосферы:

Life and death/Will always lead you into love and regret (IAMX «Bernadette»)

Согласно проведенным в рамках данной статьи исследованиям, авторы песенного дискурса часто используют высокий тон и понижение голоса в совокупности, проводя тем самым параллель между эмотивным содержанием слов и своим собственным мироощущением:

Whispers of love/ (Thomas Anders “Whispers of love”)

Таким образом, исполнитель музыкального произведения “Whispers of love” Thomas Anders с помощью шепота сначала передает спокойное и легкое настроение всего песенного ряда, но затем тон его резко возрастает, и фраза “Whispers of love” наполняется эмоциональной напряженностью.

В русскоязычном песенном дискурсе чередование высокого и пониженного голоса также встречается довольно часто, однако, в отличие от англоязычного дискурса, сопровождается более плавным переходным характером, который создается за счет введения дополнительными приемами, в том числе вербальными.

Так, например, в следующем песенном отрывке автор использует повторение слов (местоимение «ты»), а также повтор слоговой структуры глагола «кончится»:

Кон-кончится пленка/Ты, ты ждешь ребенка от меня/Моя любовь, моя любовь (Би-2 «Моя любовь»).

Подобное сочетание паралингвистических приемов создает особенную, специфическую эмоциональную атмосферу, которая присуща песенному дискурсу.

Как следует из анализа, фонационные паралингвистические средства выражения *любви* в обеих культурах более разнообразны и более частотны. Так же на основании проведенного анализа можно констатировать наличие как схожих, так и различных черт в использовании эмоциональных средств выразительности на всех рассмотренных уровнях исследования. В англоязычном и русскоязычном песенном дискурсе паралингвистические средства выразительности часто используются в контактной позиции, в связи с чем создаётся эффект синергии за счёт усиления их взаимного влияния друг на друга, усиливается эмоциональный фон текста. В результате это позволяет оказывать сильное влияние на аудиторию [1, 48]. Сопоставительный анализ позволил установить отличия в использовании средств выразительности в англоязычном и русскоязычном песенном дискурсе, что говорит о лингвокультурной специфике отражения эмоциональной картины мира обеих культур.

Литература

1. Горенкова Э.А. Риторические средства создания эмоционального пространства молодежной субкультуры // Актуальные проблемы современной лингвистики глазами молодых ученых. 2017. №8. С. 46-50.
2. Маслова В.А. Homolingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
3. Николаева Т.М. Паралингвистика. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В.И. Шаховский // Филологические науки. 2002. № 4. С. 59-67.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

Использованные тексты песен

- 1) Би-2 «Моя любовь» URL: <http://megalyrics.ru/lyric/bi-2/moia-liubov.htm> (дата обращения: 24.09.2017)

- 2) Земфира «Мачо» URL: http://www.lyrics.by/zemfira/s2002a1_04.html (дата обращения: 16.10.2017)
- 3) 30 seconds to Mars «Bright Lights» URL: http://www.amalgama-lab.com/songs/3/30_seconds_to_mars/bright_lights.html (дата обращения: 14.10.2017)
- 4) IAMX «Bernadette» URL: <http://www.amalgama-lab.com/songs/i/iamx/bernadette.html> (дата обращения: 12.10.2017)
- 5) IAMX «Spit it out» URL: http://www.amalgama-lab.com/songs/i/iamx/spit_it_out.html (дата обращения: 17.09.2017)
- 6) Thomas Anders “Whispers of love” URL: https://en.lyrsense.com/thomas_anders/whispers_of_love (дата обращения: 11.09.2017)

© Э.А. Горенкова, 2017

Я.А. Давлетова
БашГУ, г.Уфа, Россия

Исследование взаимосвязи категории «смысла» текста и сознания реципиента (на материале текстов пословиц)

Смысл есть выражение отношения реципиента к действительности [4, 68-82]. Он основывается на «уяснении “сути дела”, запрограммированной автором в замысле и реализованной определёнными средствами в самом тексте». В памяти воспринимающего информацию субъекта происходит актуализация определённых когнитивных, эмотивных и других структур, необходимых для её осмысления.

Необходимо помнить, что смысл представляет собой ценностно переживаемое значение. Он «сливается с фактом только в человеческом поступке», его нельзя постичь «без утверждения, полагания, признания, конструирования или отрицания» [1, 56].

Согласно нашим данным, «встречные тексты» являются вербализованной проекцией сознания индивида на содержание воспринимаемого текста. Следовательно, содержат многообразную информацию о личностях реципиентов, индивидуальных психологических особенностях, социальном статусе, национально-культурной принадлежности.

Таким образом, исследуя формулировки смыслов разных типов текстов реципиентами, мы получаем возможность проникнуть на глубинные психологические уровни как отдельной личности,

так и групп лиц (к примеру, одного возраста, пола, национальности и т.д.).

С этой целью нами был проведен психолингвистический эксперимент, в котором испытуемым было предложено сформулировать общий смысл прочитанного текста.

В качестве экспериментального материала мы прибегли к прецедентным текстам, как к текстам, значимым «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющим сверхличностный характер, т.е. хорошо известным и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, таким, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, 216], а именно к пословицам (для проведения эксперимента было отобрано 20 наиболее часто употребляемых пословиц).

Согласно Большому Энциклопедическому словарю, «пословица – это жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом в ритмически организованной форме («Глаза бояться, а руки делают»))» [2, 1046].

Важным является тот факт, что пословицы можно отнести к фольклорному жанру, что объясняет их специфику: они выражают ценностные суждения и предписания, которые возникают непосредственно в фольклорно-оценочной среде, т.е. их значение относится к системе ценностей, а не ко всему миру в целом.

Текст пословиц, являясь прецедентным феноменом, представляет собой опыт коллективного когнитивного пространства [7, 173]. В нем отражены уже устоявшиеся нормы и общественные идеалы, национальный менталитет народа, что провоцирует проявление национально-культурной специфики языкового сознания реципиентов.

На данном этапе эксперимент был проведен с 50 студентами 2 курса химического и физического факультетов. Напомним, что задание для испытуемых заключалось в следующем: «Прочитайте внимательно текст и ответьте на вопрос: в чём, с вашей точки зрения, заключается смысл этого текста?». Соответственно, в целом было проанализировано 100 различных формулировок общего смысла 20 пословиц.

По нашим данным, 11% ии. поставили прочерк, либо ответили следующим образом: – Не знаю. – Не вижу никакого смысла в тексте. – Общий смысл? Да нет у этого текста особого смысла.– Не понимаю. – О чем это вообще?

Для другой группы ии. смысл сводился к перечислению фактов, о которых говорится в пословице, к краткому пересказу её содержания. Примером могут служить следующие формулировки смысла ии. пословицы **«По одежке встречают – по уму провожают»**:

и. Д.А. *«Люди всегда обращают внимание сначала на одежду, только потом на внутренний мир человека».*

и. Ю.Ю. *«На первой встрече сначала смотрят на внешний вид. Но впоследствии на мозги».*

и. К.И. *«Твой внешний вид имеет значение только в начале, дальше – твой ум».*

В ответах этих ии. не демонстрируется личное отношение в представленной информации, смысл сводится к его аннотации. Данная группа ии. составляет 6,7% от общего числа.

Необходимо также принять во внимание тот факт, что подобные короткие, скудные, эмоционально неокрашенные реакции были обнаружены нами на определенные пословицы.

В одних случаях (как, например, реакции на пословицы «Муж да жена — одна сатана», «Милые бранятся — только тешатся», «От добра добра не ищут», «Уговор дороже денег»), на наш взгляд, это можно объяснить юным возрастом реципиентов, для которых пока, возможно, далекими кажутся некоторые жизненные перспективы и события.

В других случаях, вероятно, проявляется влияние времени, эпохи, в которой теряют актуальность некоторые общепринятые в недалеком прошлом устои. В качестве примера можно привести формулировки смыслов следующих пословиц: «Лучше поздно, чем никогда», «Из грязи да в князи», «Где родился – там и пригодился».)

Отметим, что подобные краткие ответы и их отсутствие в сумме составляют 17,7% от общего количества формулировок смысла.

Перейдём к анализу формулировок смысла остальных ии. Мы хотели бы отметить, что данная группа образует абсолютное большинство, составляя 82,3%.

Рассмотрим следующие формулировки смысла пословицы **«Бог дал, Бог и взял»**.

и. Р.В. *«Ничего на Земле не вечно. Всё на нашей планете не возникает просто так. (Закон сохранения энергии: энергия ни откуда не возникает, и никуда не исчезает.) всё, что на Земле рождается – впоследствии переходит в другую форму»*.

Итак, мы видим, что у и. Р.В. возникают ассоциации со своей специальностью, проводя аналогию с физическими законами. И.Р.В. не перечисляет факты, изложенные в тексте, а рассуждает, четко формируя свою позицию.

и. О.Л. *«То есть то, что нам даёт Бог, например, счастье, любовь, богатство, и тому подобное, он может и забрать, ведь должно быть равновесие, и люди не должны наглеть, не должны быть гордыми, и т.д. И нужно ценить то, что он нам даёт»*.

и. Т.Ю. *«Всё, что происходит с нами – происходит по воле Бога, от нас ничего не зависит»*.

и. О.В. *«Не все в этом мире дается просто так. Все это дается от Бога и им же отнимается в зависимости от того, каков человек»*.

и. Р.С. *«Каждый человек должен ценить всё, что он имеет. Если этого не происходит, то он может лишиться всего»*.

Размышляя над предложенным текстом, ии. расширяют его, приходя к конкретным выводам о том, что люди должны делать, а что – нет. Обратим внимание на то, что реципиенты в этом случае не высказывают догадок, их умозаключения абсолютно четкие и конкретные.

«Жизнь прожить — не поле перейти»

и. О.О. *«В жизни надо уметь разбираться, правильно строить свое окружение, формировать будущее. Надо жить так, чтобы нас не мучили угрызения совести, что не всегда получается»*.

и. И.В. *«Жизнь – это настолько сложное и необычное явление. Для кого-то это поле, для кого-то лужа, а для кого-то бесконечность»*.

и. А.В. *«Поле пройти легко... А вот в жизни бывают ситуации, когда человек думает, что потерял смысл жизни... трудно-сти, преграды и даже смерть близких людей...»*

Проводя параллель с современным миром, с их личной жизнью, ии. высказывают оценочное мнение о жизни, как о «сложном», «необычном», «нелегком» понятии. И. О.О. продолжает размышлять на предложенную тему, делает выводы о том, как надо жить.

«Труд кормит, а лень портит»

и. А.Я. *«Ленивый человек не может добиться хороших результатов, в то время как трудолюбивый будет гораздо успешен из-за своей упорности».*

и. А.С. *«Будешь хорошо учиться - получишь хорошую работу, на которую будешь ходить с удовольствием, будешь счастлив. А лень убивает».*

и. Я.И. *«Ленивым людям тяжело чего-то добиться, а трудолюбивые зачастую успешны».*

В каждой формулировке смысла этой пословицы мы можем проследить присутствие оценочного компонента: ии., говоря о ленивых людях, говорит о том, что они НЕ смогут добиться «хороших результатов», характеризует их жизнь как «тяжелую», потому что лень «убивает». В то же время трудолюбивый человек получит «хорошую», успешную работу, будет счастлив.

«Что посеешь, то и пожнешь».

и. Д.Ш. *«К чему будешь "бурить" свой путь и как ты это будешь делать – определено твоё будущее».*

и. О.Б. *«Посеешь добро, и бумерангом вернётся тебе добро. А совершишь зло, вернётся тебе зло в многократном размере».*

и. Д.Р. *«За хорошо проделанную работу обычно получаешь соответствующий результат».*

Формулировки смыслов ии. на данную пословицу можно условно разделить на две группы. Реципиенты одной группы связали смысл этой пословицы с понятиями «добра» и «зла». Ии. другой группы связали смысл пословицы с работой, профессиональной деятельностью людей.

Подобное комбинирование различных реакций с оценочным компонентом мы можем наблюдать во всех формулировках смысла реципиентов. Размышляя над изложенной в тексте информацией,

они оценивают её по-разному. Их эмоции варьируются от резкой критики до полного одобрения либо снисхождения к героям и событиям. Так или иначе, рассуждая, они выражают свои личные мнения и оценочные суждения.

Итак, в процессе восприятия и понимания действуют законы сжатия и развёртывания воспринимаемой информации, в основе которых лежит наличие в ментальной сфере индивида необходимых знаний действительности, опыта, сформированных навыков и умений, а не только знания языка.

В процессе понимания важны не только знания, но и отношение индивида к внешнему миру, его эмоции, чувства. Их роль настолько велика, что, как полагает Н.П. Пешкова, сам процесс понимания можно считать «субъективным переживанием воспринимаемой, постигаемой и интерпретируемой информации» [5], [6]. Следовательно, процессы формулирования смысла в ходе восприятия и понимания информации неразрывно связаны с проявлением оценочного мышления индивида.

Анализ формулировок смысла текста пословиц демонстрирует незыблемость «базовых ценностей»: семья, любовь, добро, поддержка, дружба. Молодые люди осознают причинно-следственную связь между тем, что они делают сейчас и тем, что ожидает их в будущем: если честно трудиться, отдавать долги, жить в мире с другими людьми, уважать старших – грядет счастливая, гармоничная старость. Отметим, что 99% ии. готовы перетерпеть, перенести невзгоды и тяготы жизни, которые делают человека сильнее. Полагают даже, что «терпимость» – основное в человеке.

Тем не менее, необходимо отметить также, что сталкиваясь с понятием «родина», к примеру, ии. не углубляются в размышления, обозначая лишь, что человек «должен помнить о Родине», «возвращаться» на Родину, но жить «можно где угодно».

Полученные в ходе подобных экспериментов данные представляется возможным использовать при составлении любых дидактических программ. Имея четкую психологическую характеристику определенных групп людей, можно корректировать их воззрения посредством ряда методик манипулирования.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С.281-307.
 2. Большой Энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1993. С. 1632
 3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 264.
 4. Новиков, А.И. Смысл: семь дихотомических признаков [Текст] / А.И. Новиков // Теория и практика речевых исследований. – М., 1999. – С.68-82.
 5. Пешкова Н.П. Социальный контекст общечеловеческих ценностей в языковом сознании молодежи полиэтнического региона // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 24. – С. 98-106.
 6. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных и технических текстов) / Монография. – Уфа, 2015. (2-е издание, дополненное и переработанное). – 292 с.
 7. Якина Я.И. Феномен креолизованных текстов в формате рекламной коммуникации Лингвометодические и культурологические проблемы обучения языковой коммуникации. // Материалы Всероссийской научно-методической конференции.– Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.–С. 172-174.
- © Я.А. Давлетова, 2017

Г.Х. Даутова

ИФ УГАТУ, г.Ишимбай, Россия

Ф.М. Максютова

ИНК, г. Ишимбай, Россия

Значение прецедентного феномена в рекламном тексте

В рамках данного подхода изучение текста рассматривается исследователями как сложное системное образование и определяется научно-познавательной деятельностью. В настоящее время исследователи сходятся на мысли, что на когнитивном уровне можно выделить структуру когнитивных моделей текстов делового назначения.

Эти тексты отражают определённую производственную ситуацию и отличаются единством темы, особым графическим оформлением и композиционным построением, временной и про-

странственной точностью, документальностью, использованием средств речевого этикета для обеспечения адекватности восприятия содержания адресатом [5, 9].

Мы избрали деловое письмо в качестве объекта исследования, поскольку оно представляет значительную практическую ценность и может внести уточнения и дополнения в общую теорию текста.

Сегодня по-прежнему существует немало ситуаций, требующих составления и отправления деловых писем, этим обусловлено жанровое разнообразие деловой корреспонденции [1, 307].

Развитие бизнеса и коммерции в последнее десятилетие в значительной мере изменило не только форму, но и содержание делового общения, в том числе письменного, потребовало создания новых типов деловой корреспонденции таких, как **рекламные письма**, использование их речевых моделей, уместных в новых ситуациях общения.

В модели типологического анализа текста рекламы мы ввели два компонента - коммуникативный и когнитивный – как важные составные части модели делового текста [2, 78].

Коммуникативный компонент модели предполагает рассмотрение коммуникативных функций, выполняемых тем или иным видом делового письма, например, информирующей, активизирующей (по Л.А. Киселёвой) и их разновидностей.

Когнитивный компонент подразумевает выявление и анализ отражённых на смысловом уровне и представленных на содержательном уровне таких универсальных концептов, как время, пространство, действие, состояние, количество, признак, движение и др. [2, 78].

Таким образом, опираясь на богатую традицию типологических исследований, мы также в своём анализе, дали некоторую классификацию текстов делового письма, выявив имеющиеся типы и подтипы каждой группы на основании выполняемой коммуникативной функции [2, 82].

Данная классификация показала, что большинство текстов делового письма имеют подтипы писем рекламы, саморекламы [2, 82].

В нашей классификации представлены подтипы текстов рекламы, устойчивая часть которых опирается на опорные тексты делового письма.

Многие исследователи отмечают, что в сфере делового стиля рекламы действуют несколько иные речевые нормы, чем в сфере общелитературного языка [1, 391].

Язык рекламы быстро реагирует на изменения в жизни общества, появление и развитие новых идей неизбежно отражается в рекламных текстах. Авторы рекламных текстов используют множество приёмов воздействия, понуждая к нужному практическому действию. Одним из таких приёмов является использование прецедентных феноменов в составе рекламного текста как средства, усиливающего прагматическое воздействие на аудиторию [4, 334-340].

Прецедентные феномены – основные элементы когнитивной базы (под когнитивной базой понимают совокупность знаний и представлений, релевантных как для отправителя информации, так и для реципиента) – находят выражение в прецедентных ситуациях, в прецедентных текстах, прецедентных именах и прецедентных высказываниях. Прецедентная ситуация актуальна в когнитивном плане, то есть «имеет инвариант восприятия, в который входят определённые знания и представления о самой ситуации, а также связанные с данной ситуацией коннотации» [3, 60].

Основной целью рекламного текста является воздействие на адресата и заставляет его активизировать все виды своего поведения и свою деятельность в положительном отношении, реализуя тактику информирования и убеждения.

Главной причиной приобретения рекламным текстом прецедентного характера является интерес к данному тексту [4, 334-340]. Каждый рекламный текст стремится передать максимальный объём информации и привлечь внимание к своему сообщению.

Использование прецедентных феноменов усиливает прагматический потенциал рекламы, делает её выразительной, яркой, запоминающейся для адресата.

Литература

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Изд. 6-е. Ростов на/Д: Феникс, 2003. С. 307, 391.
2. Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков). Диссерт. учёной степени канд. филол. наук. Уфа. БГУ. 2004. С 72, 78.

3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002 60 с.
4. Куликова Е.В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 6, С. 334–340
5. Федюрко С.Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля. Автореф. дис... учён. степени канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. унив., 2002. С 9.

© Г.Х. Даутова, Ф.М. Максютлова, 2017

А.С. Даутова, Т.Д. Шабанова
БГПУ им.М.Акмиллы, г.Уфа, Россия

Когнитивные основания дифференциации значений английских глаголов *leave-depart*

Синонимичная пара английских глаголов *depart-leave* получает довольно сходные словарные дефиниции, которые не всегда отражают особенности денотативной ситуации, требующей употребления того или иного глагола. Определяющие понятия, зафиксированные в лексикографических источниках, зачастую трактуют глагольную лексику через синонимы или близкие по значению слова. Такая неполнота описаний затрудняет выбор оптимальной лексической единицы в конкретном контексте. Современные исследования в области семантики предикатов [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 14] показали, что трактовка семантической структуры глагольных единиц требует разработки специального метаязыка для анализируемой лексико-семантической группы глаголов. Следовательно, отсутствие полноты описания и точной информации, определяющей параметры денотативной ситуации, требующей употребления того или иного глагола, делают данное исследование особенно актуальным.

В британском национальном корпусе (British National Corpus – BNC), состоящем из 100 млн. слов различного жанра, лексема *depart* встречается 429 раз, *leave* – 19614 раз, грамматические формы *departing* и *leaving* встречаются 304 и 9340 раз соответственно. В Корпусе современного американского английского языка (Cor-

pus of Contemporary American English — COCA), включающем в себя около 520 млн. слов, лексема *depart* встречается 1842 раза, *leave* – 96974, а грамматические формы *departing* и *leaving* — 1548 и 42258 соответственно. Анализируя данные корпусов, можно утверждать, что глагол *leave* является безусловным «лидером» по количеству употреблений. Отсюда выявление когнитивных оснований существования глагола с дифференциальной от глагола *leave* семантикой можно также считать весьма актуальным

Анализ словарных дефиниций авторитетных аутентичных толковых словарей [16; 17; 18; 19; 20] показал, что глагол *depart* имеет несколько значений. Первое значение (DEPART1) описывается через глагол *leave*, при этом в нем отмечается информация о покидании зоны пространства с целью отправления в путешествие или поездку (CLD: leave on a journey; LDCE: leave, especially when you are starting a journey; CED: when something or someone departs from a place, they leave it and start a journey to another place и т. д.). В словаре Cambridge Learner's Dictionary наравне с глаголом *leave* зафиксировано толкование через фразовый глагол *go away*. В англо-русском словаре под редакцией Ю.Д. Апресяна [15] находим следующую интерпретацию глаголу *depart*: 1. отбывать, отправляться (*о поездках*); 2. уходить; уезжать; покидать.

Второе значение глагола *depart* (DEPART2), представленное в англо-английских толковых словарях, интерпретируется через глаголы *deviate from*, *vary*. В данном значении глагол *depart* употребляется с предлогом *from* и передает информацию об отклонении от традиционной нормы, правил или отступление от обычного хода действий. В этом значении также заложена информация о покидании, но в отличие от физического пространства, описываемого значением DEPART1, DEAPRT2 передает информацию об ином типе пространства, более абстрактном, который можно назвать пространством нормы. Именно эта информация отражена в словарных статьях ряда англо-английских словарей: CED - If you depart from traditional, accepted, or agreed way of doing something, you do it in a different or unexpected way; MEDAL - depart from something - to not use the usual way of doing something; EOLD - depart from, deviate from an accepted, prescribed, or usual course of action. В НБАРС дается следующая интерпретация данного значения: «отклоняться, отходить; отступать; изменять».

В словарях LDCE, OALD, EOLD, CED выделяется третье значение глагола *depart* (DEPART3), которое трактуется через синоним *leave* и интерпретируется как «покидание поста или увольнение» (*leave a job, resign; to leave an organization or job*). Это значение также содержит информацию о покидании некоторого «пространства» (пост, должность), но в семантической структуре глагола с этим значением помимо информации о покидании пространства содержится информация о разрыве функциональных отношений между субъектом и объектом действия (О понятии функциональных пространственных отношений в семантике см.: [10, 305-373], [6, 7]). Напр., CED: *if someone departs from a job, they resign from it or leave it*. В анализе данного значения глагола *depart* необходимо обратить внимание на особый тип покидаемого «пространства» (пост, должность, род занятий и т.д.), которое можно трактовать как отдельный тип пространства множеств (О понятии пространства множеств более подробно см.: [9, 351-373], [5, 4]).

Приведенный анализ словарных статей различных значений глагола позволяет нам сделать предварительный вывод о том, что значение данного глагола может быть описано с помощью такого метапонятия как ПОКИДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА. При этом данное пространство связано с СУБЪЕКТОМ действия, применимое к локальности и функциональным отношениям. Само же ПРОСТРАНСТВО может быть разного типа: конкретная локация СУБЪЕКТА в некотором физическом пространстве, пространство отношений между СУБЪЕКТОМ и ОБЪЕКТОМ в виде определенной нормы, пространство функциональной направленности (пространство занимаемой должности). Таким образом, глагол *depart* характеризуется единым значением покидания СУБЪЕКТОМ некоторого ПРОСТРАНСТВА. Так называемая дифференциация значений, представленных в словарях, представляет собой лишь изменение параметров денотативной ситуации, связанное с изменением типа самого пространства.

Для более полного понимания семантической структуры глагола *depart* обратимся к этимологическому словарю Online Etymology Dictionary. Глагол *depart* был заимствован из древнефранцузского глагола “*departir*” со значением “*to divide, distribute; separate (oneself), depart; die*”. Латинское слово “*departire*” также обладало значением “*to divide*” и было образовано от приставки *de-*

“from” + partire “to part, divide,” from a part, piece, a share, a division”. Приставка de-, сохранившаяся в современном английском глаголе *depart* по настоящее время, образована от латинского наречия и приставки отделения в пространстве и трактуется в этимологическом словаре как “down from, off, away from”. Таким образом, можно сделать заключение, что этимологически ведущим значением глагола *depart* является информация о том, что при совершении действия, описываемого глаголом *depart*, происходит отделение части от целого, т.е. то, что отделяется, перестает быть частью целого, в котором отделяемая часть была тесно связана с этим целым.

Проанализировав словарные дефиниции глагола *depart* в различных лексикографических источниках и информацию об этом глаголе в этимологическом словаре, можно сделать вывод, что все толкования глагола *depart* (DEPART_{1,2,3}) обладают интегрирующим признаком «покидание СУБЪЕКТОМ X некоторого ПРОСТРАНСТВА А, с которым X находился в отношениях единого целого и перемещается в ПРОСТРАНСТВО В». При отсутствии указания на пространственную зону В, зона В оказывается в пресуппозиции. Пространствами А и В являются как существующие в объективной действительности, так и абстрактные пространства множеств. Семантическая схема для глагола DEPART будет выглядеть следующим образом: DEPART: СУБЪЕКТ X ≠ [ВЕ] [ЧАСТЬ][А], где семантика включенности в пространство зоны А, в которой находился X на предшествующем этапе существования X, характеризуется понятием прекращения (≠) пребывания ([ВЕ]) X-а в пространстве А. Так, в предложении 1: *The movement away from the hills and valleys of the countryside is called rural depopulation. When they leave school many of the young people depart to find work in factories or in trade in central Scotland, near Glasgow.* Глагол *depart* сообщает о том, что молодые люди (*many of the young people* - X) покидают (≠) привычные места (*hills and valleys of countryside* - А) в поисках работы, тем самым перестают быть частью (≠[ВЕ]) сельской местности (А) и становятся частью зоны В (*in central Scotland, near Glasgow*). В предложении 2: *Some schools are now departing from the traditional idea of homework* субъект X (*some schools*) перестает быть частью (≠[ВЕ]) пространственного охвата зоны А (*the traditional idea of homework*). Пространство В в предложении находится в пресуппозиции.

Определенным основанием выделения отдельного значения глагола *depart* является наличие в его семантической структуре информации о том, что субъект X, покидая пространство A, прекращает функциональные отношения с объектом Y1, и перемещается в зону B. При этом отношения между субъектом X и Y1 интерпретируются не через отношения бытия (BE), а отношения обладания (HAVE). Схематично это можно выразить следующим образом: DEPART: СУБЪЕКТ X≠[HAVE][FUNCTIONAL RELATIONS] Y1. Проанализируем примеры функционирования глагола в этом значении. Предложение 3: *Ms Fahey departed from her employment in the Decca Records press office in order to become a co-founder of the seminal trio, Bananarama. Punch. 1275* s-units сообщает о том, что субъект X (*Ms Fashey*) покидает пространство A (*the Decca Records press office*) и разрывает имеющиеся функциональные отношения с Y1 (*employment*). О разрыве функциональных отношений между субъектом и объектом ситуации нам говорит не только глагол *depart from*, но и следующее далее пояснение о причине разрыва этих функциональных отношений (*in order to become a co-founder*).

Таким образом, для описания семантической структуры английских глаголов группы «покидание» был разработан соответствующий метаязык, где X — это СУБЪЕКТ действия, передаваемого глаголом, Y — ОБЪЕКТ действия, на который направлено действие со стороны X, A — ПРОСТРАНСТВО, в котором находился X на предшествующем этапе существования, B — ПРОСТРАНСТВО нахождения X на последующей стадии существования X. Данный метаязык является инвариантным для описания всех глаголов группы «покидание». Важно также подчеркнуть, что описание значения проводится с помощью разработанного семантического языка путем толкования этого значения. Конкретно для глагола *depart* категория ПРОСТРАНСТВА A является единым семантическим компонентом, который описывается через категорию пространства множеств, позволяющую употреблять глагол в различных ситуациях (покидание города, страны, отклонение от нормы, покидание поста, увольнение с должности).

В данной статье было показано, что выделяемые отдельные значения глагола *depart* в различных словарях представляют собой не описание его значения, а описание параметров денотативных

ситуаций, в которых может употребляться данный глагол. Само же значение описывается с помощью семантического метаязыка, разработанного на основе когнитивных представлений о пространстве и функциональных отношениях. Параметры денотативных ситуаций, которые безусловно отличаются друг от друга, не являются истинным значением данного глагола. Они лишь определяют сферу возможного употребления глагола. Само же значение может быть представлено следующей формулой:

$$\text{DEPART} = \text{СУБЪЕКТ } X \neq [\text{BE}][\text{ЧАСТЬ}][\text{A}] / [\text{HAVE}][[\text{FUNCTIONAL RELATIONS}] Y1] \text{A}].$$

Литература

1. Амирова, О.Г. Семантическая модель английских глаголов управления [Текст]: дис. ... кан.филол.наук: 10.02.04 / О.Г. Амирова. - Уфа, 2002. - 190 с.
2. Байбурина, Р.З. Семантическая модель английских глаголов положительной оценки [Текст]: дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Р.З. Байбурина. - Уфа, 2006. - 150 с.
3. Булыгина, Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. - М.: Наука, 1982. - 7-85.
4. Валова, Ю.В. Когнитивный потенциал английских глаголов возражения decline, refuse, reject [Текст]: автореф.дис.... кан.филол.наук: 10.02.04 / Ю.В. Валова. - Уфа, 2013. - 25 с.
5. Годиенко, А.Ю. Концептуализация *разнообразия* в естественном языке [Текст]: автореф.дис. ... кан. филол. наук: 10.02.19 / А.Ю. Гордиенко. - Москва, 2017. - 24 с.
6. Дмитриева, Р.Я. Когнитивные основания функционального и метафорического значения английских пространственных предлогов и наречий (на материале up и down) [Текст]: автореф. дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Р.Я. Дмитриева. - Уфа, 2016. - 21 с.
7. Корнеева, Е.Г. Семантическая модель английских экспериенциальных глаголов [Текст]: автореф. дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Е.Г. Корнеева. - Уфа, 2010. - 25 с.
8. Кузьмина, В.В. Семантическая модель английских мотивационных глаголов [Текст]: автореф. дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04/ В.В. Кузьмина. - Уфа, 2012. - 24 с.
9. Селиверстова, О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов [Текст]. - М.: Наука, 1982. - С. 86-216.
10. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике [Текст]. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 960 с.

11. Шабанова, Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения. (Теоретико-экспериментальное исследование) [Текст]. - М.: ИЯ РАН — Уфа, 1998. - 199 с.
12. Шабанова, Т.Д., Сулейманова Д.М., Швайко В.Я., Волкова Н.В. Семантические модуляции в глагольной лексике английского и русского языков в единстве семантического, когнитивного и конструктивного подходов [Текст]: монография / Т.Д. Шабанова, Д.М. Сулейманова, Я.В. Швайко, Н.В. Волкова. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. - 230 с.
13. Швайко, Я.В. Семантическая модель английских глаголов обучения [Текст]: дис. ... кан.филол.наук: 10.02.04. / Я.В. Швайко. - Уфа, 2006. - 150 с.
14. Шерсткова, И.А. Семантическая модель английских глаголов воображения [Текст]: дис. ... кан.филол.наук: 10.02.04 / И.А. Шерсткова. - Уфа, 2009. - 191 с.

Словари

15. НБАРС — Новый Большой англо-русский // Под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. URL: <http://eng-rus.slovaronline.com> / (дата обращения: 15.09.2017).
16. CED – Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 03.09.2017).
17. CLD – Cambridge Learner's Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 14.09.2017).
18. EOLD – English Oxford Living Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 01.08.2017).
19. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 18.09.2017).
20. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 30.09.2017).

© А.С. Даутова, Т.Д. Шабанова, 2017

Л. А. Диярова
БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

Когнитивная метонимия как механизм образования анималистической глагольной лексики английского языка

В современном языкознании метонимия определяется как механизм речи или троп, состоящий в регулярном или окказио-

нальном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным предметом по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [3].

В то же время, метонимия интерпретируется как когнитивный механизм приобретения словом нового значения или как результат метонимического переноса внутри семантики слова и может интерпретироваться как механизм расширения семантического объема слова [1, 77], [6, 12]. Кроме того, явление метонимии трактуется не только как семантический переход, но и как когнитивная стратегия, под которой понимается способность вызывать ментальные образы и ассоциации [4, 17].

Основой метонимических отношений служат пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и их отражению в человеческом сознании, закрепленному значениям слов, - между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и так далее [3].

Материалом исследования является анималистическая глагольная лексика английского языка. Гипотезой исследования является наличие определенных когнитивных механизмов (в частности, когнитивной метонимии) образования данного пласта глагольной лексики английского языка. В данной статье приводится описание классификаций глагольной метонимии и анализ фактического материала, позволяющего выявить модели глагольной метонимии в анималистической глагольной лексике современного английского языка.

По мнению ряда лингвистов, в основе глагольной метонимии лежат более сложные когнитивные процессы, чем в когнитивной метафоре. Е.С. Кубрякова отмечает, что глагол метонимичен по своей природе, при этом в основе номинации глаголом целой ситуации лежат именно метонимические модификации, когда один или несколько компонентов ситуации, будучи обозначенными, проявляют способность вызывать в воображении динамику ситуации в целом [2, 84].

Классификация метонимических переносов разработана, в основном, для существительных. Общая типология сводится к сле-

дующим метонимическим переносам: 1) ВМЕСТИЛИЩЕ → СОДЕРЖИМОЕ, например, *dish* (блюдо) → «контейнер, тарелка» – местилище и «еда, кушанье» – содержимое; 2) МАТЕРИАЛ → ИЗДЕЛИЯ ИЗ НЕГО, например, *silver* (серебро) – «металл» – материал и «серебряные монеты» – изделия; 3) МЕСТО, НАСЕЛЁННЫЙ ПУНКТ → СОВОКУПНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ИЛИ СВЯЗАННОЕ С НИМ СОБЫТИЕ, например: *London* – населенный пункт, *London* – лондонец – житель; 4) ДЕЙСТВИЕ → ЕГО РЕЗУЛЬТАТ, МЕСТО ИЛИ ВОВЛЕЧЁННЫЙ В ДЕЙСТВИЕ ПРЕДМЕТ (СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, ОРУДИЕ): *crane* (кран) → «подъем краном» – действие и «грузоподъемная машина» – вовлеченный в действие предмет; 5) ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ИЛИ ЕГО МАТЕРИАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ → САМО СОДЕРЖАНИЕ: ‘*an interesting book*’ (интересная книга) – форма выражения → ‘*an interesting content*’ (интересное содержание) – само содержание; 6) ОТРАСЛЬ ЗНАНИЯ, НАУКА → ПРЕДМЕТ НАУКИ И НАОБОРОТ: *grammar* (грамматика) → отрасль знания и *grammar* как предмет науки; 7) СОБЫТИЕ, МЕРОПРИЯТИЕ → ЕГО УЧАСТНИКИ: *conference* (конференция) – событие и *conference* – участники; 8) СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, УЧРЕЖДЕНИЕ → СОВОКУПНОСТЬ ЕГО СОТРУДНИКОВ И ПОМЕЩЕНИЕ: *the White House* (Белый дом) – учреждение и совокупность его сотрудников; 9) ЦЕЛОЕ → ЧАСТЬ (ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ): *wolf* (волк) – целое и *wolf* как мех – часть; 10) ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ → ПРИЧИНА: *horror* (страх) – эмоциональное состояние и *horrible event* (ужасное событие) – причина; 11) ИМЯ АВТОРА → ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЕ, ИЗОБРЕТЕНИЕ, СТИЛЬ: *Ferrari* – конструктор и *Ferrari* – автомобиль как изобретение [3].

Используемый метаязык описания метонимических механизмов образования глагольной лексики не унифицирован. Анализ исследований, посвященных глагольной метонимии (Е.В. Падучева, М. Кутшок, Н.С. Трухановская, А.Ю. Гордиенко), показывает, что глагольная метонимия описывается разными метаязыками и, как следствие, классификация метонимических переносов не получила достаточного освещения в лингвистической литературе.

Е.В. Падучева в своих исследованиях определяет метонимические сдвиги, основанные на избирательности человеческого восприятия, что отражается в языке в виде разнообразных возможно-

стей сдвига «фокуса внимания» и концептуализации фрагмента действительности [5, 1]. Ею рассматриваются метонимические средства разного типа. По отношению к глаголу она рассматривает метонимию следующим образом: а) *Весь поход он молчал.* Метонимический сдвиг образуется в соотношении действия как события, принадлежавшего действительности и закрепленного в значении глагола «молчал» временных параметров, что можно выразить моделью ДЕЙСТВИЕ → ВРЕМЯ [ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ]: временное действие, когда субъект не произнес ни слова. Слово *поход*, в этом случае, по своей семантике является частью временной динамической предикативной фразы. В примере: б) *О, как внезапно кончился диван.* (Вишневский. *Одностишия*) Падучева выделяет метонимическую модель ПРОЦЕСС → МЕСТО, слово *диван* кодирует информацию о «неком процессе, происходящем на диване» [5, 5]. В этом случае, слово *диван* является субтитутом «некоего процесса, происходящего на диване», то есть этот процесс принадлежит области денотативной ситуации, а слово *диван* является метонимическим отражением в человеческом сознании этого процесса.

В ряде работ, посвященных глагольной метонимии, механизмы образования метонимических переносов описываются через синтактико-семантические отношения. Как, например, в работе М. Кутшока [М. Kuczok] раскрывается механизм глагольной метонимии через конверсию «существительное → глагол» (noun-to-verb conversion). В качестве метаязыка используется понятие «идеальных когнитивных моделей» (Idealized Cognitive Models) (далее ИКМ), введенное Г. Радденом [G. Radden] и З. Кёвексом [Z. Kövecses] [9].

Сущность данного понятия заключается в том, что метонимические переносы или сдвиги могут встречаться между самой ИКМ и ее частями, или между различными частями этой модели. Авторы предлагают несколько моделей метонимического переноса в рамках одной ИКМ и ее частей: ЧАСТИ ДЕЙСТВИЯ ИКМ → САМО ДЕЙСТВИЕ. Частями действия являются DESTINATION или GOAL (цель), MEANS (средства), MANNER (способ/образ действий), TIME (время), OBJECT (объект), AGENT (агенса/субъект), INSTRUMENT (орудие), PLACE (место) and RESULT (результат).

Например, метонимический сдвиг по модели ОБЪЕКТ → ДЕЙСТВИЕ (object → action). Данный перенос подчеркивает значение существительного, функционирующего как объект, вовлеченный в действие, и в этом действии он выполняет функцию глагола: 1) *The ship was not permitted to fish in Canadian waters.* – Кораблю не разрешается ловить рыбу/рыбачить в канадских водах. Значение существительного *fish* – рыба переносится в значение *fish* – ловить рыбу и реализуется по принципу смежности значений [9].

Анималистическая глагольная лексика имеет определенную специфику в том, что образование глаголов происходит, действительно, посредством конверсии «существительное-глагол», но, в большинстве случаев, значение фокусируется на физических или поведенческих особенностях животных или действиях (область действительности), а не просто по сходству или смежности значений. Например, *a duck* – утка, *to duck* – нырять. Значение глагола *to duck* является результатом отражения концептуализации физического умения утки нырять.

Исследователи обращают внимание на то, что функции метонимии могут совпадать с метафорой, и один и тот же объект действительности может частично обозначать другой и одновременно рассматриваться метафорически, реализуя определенные свойства в метонимии [7, 211], [9]. Для таких случаев в современной лингвистике существует понятие *метафтонимии* (metaphonymy), когда метафора образуется посредством метонимического переноса или метонимия становится «сферой мишени» в метафоре [9]. Например, 2) *At the psychiatrist's office, he chickened out and left.* – В кабинете у психиатра, он спрынул и ушел [8]. В этом предложении, глагол *chicken out* является примером метонимической модели СУБЪЕКТ → [СПОСОБ] → ДЕЙСТВИЕ (agent → [manner] → action) в рамках метафоры «цыпленок→беззащитность, трусость». В данном предложении, область действительности сдвигается на качество объекта и на способ его действий. В данном предложении глагол *chicken out* приобретает смысл «трусливо сбежать».

Метонимическая модель СУБЪЕКТ → ДЕЙСТВИЕ (agent → action) также основывается на метафоре по типу «люди-животные». Например, 3) *We used to ape the teacher's southern accent.* (OALD 2000: 49) – Мы передразнивали южный акцент учи-

меля. 4) *Photographers dogged the princess all her adult life.* (MED 2002: 409) – *Фотографы преследовали её всю взрослую жизнь* [9].

В примере 3 слово *ape* (*обезьяна*) функционирует в качестве метонимического глагола «передразнивать как обезьяна» по признаку «часть-целое», но в пределах метафоры: так как, субъект (agent) *we* метафорически рассматривается как «обезьяны, издающие звуки и гримасничающие». То есть, фокус внимания сдвигается на качество животного, и глагол *ape* приобретает значение «передразнивать», как это бы делали обезьяны. Такой механизм можно наблюдать и в примере 4, где слово *dog* (*собака*) имеет глагольное значение «преследовать кого-то в раздражающей манере, типичной для собаки», и субъект *photographers* выполняет действия, как это делали бы собаки.

Таким образом, когнитивная глагольная метонимия является одним из механизмов регулярной многозначности, основанная на различных метонимических сдвигах, которые, в свою очередь, образуют определенные модели или соотношения. Проанализированные примеры с анималистической глагольной лексикой английского языка (*fish, ape, dog, chicken out*) показывают, что модели метонимических переносов, применяемые для широкого ряда других глаголов, могут функционировать в рамках когнитивной метафоры. Более частотными моделями для метонимического переноса выбранной анималистической глагольной лексики в нашем исследовании являются такие ИКМ, как СУБЪЕКТ → ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ → ДЕЙСТВИЕ, и СПОСОБ → ДЕЙСТВИЕ.

Литература

1. Гордиенко А.Ю. Концептуализация разнообразия в естественном языке: дис. канд. филол. наук/ А. Ю. Гордиенко.- М.: Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 77-165
2. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. - М.: Наука, 1992.-С. 84-90.
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/300a.html> (дата обращения: 23.10.2017)
4. Ивашина Н., Руденко Е. Метонимия: аспекты исследования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/115186/1_Linguistic aBrunensia_12-2011-1_3.pdf?sequence=1](https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/115186/1_Linguistic%20aBrunensia_12-2011-1_3.pdf?sequence=1) (дата обращения: 23.10.2017)

5. Падучева, Е.В. К когнитивной теории метонимии//Доклады международной конференции Диалог-2003 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dialog-21> (дата обращения 19.03.2017)
6. Трухановская Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия): автореферат дис. канд. филол. наук/ Н. С. Трухановская. – М.: Московский городской педагогический университет, 2009. – 24 с.
7. Хахалова С. А. Концептосфера личностной пристрастности: метафора/ С. А. Хахалова// Личность и модусы ее реализации в языке: колл.монография. – Москва; Иркутск, 2003. – С. 319-359
8. British National Corpus [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> дата обращения: 23.10.2017)
9. M.Kuczok. The interaction of metaphor and metonymy in noun-to-verb conversion [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/276025996_The_interaction_of_metaphor_and_metonymy_in_noun-to-verb_conversion (дата обращения: 23.10.2017)

© Л.А. Диярова, 2017

Т.А. Желватых
УГАТУ, г. Уфа, Россия
Р.А. Каримова
БашГУ, г.Уфа, Россия

Психолингвистический анализ понимания иронии в драматургическом тексте

Исследование мыслительных процессов, связанных с восприятием, пониманием и интерпретацией письменного или звучащего текста остается актуальной задачей для лингвистов. Учёными доказано, что постижение смысла текста – результат сложнейшей аналитической и синтетической деятельности сознания слушающего или читающего субъекта, а не просто пассивное следствие “введённого” в систему речевого стимула [3]. По замечанию А.И. Новикова, понимание предполагает «активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, где совершается переход от внешних кодов языка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержа-

ние текста как результат понимания» [6, 46]. Механизмы понимания выявляются в процессе анализа совокупности вербализованных реакций адресата речи, возникающих в его сознании при осмыслении текстовой информации [8, 73].

Многочисленные исследования, проводимые современными учеными по методике, разработанной А.И. Новиковым, показали, что понимание связано с такими когнитивными действиями, как истолкование и интерпретация, в основе которых лежит оценочная деятельность субъекта. Наряду с восприятием акустического или оптического сигнала, необходимым для постижения эксплицитного, явного смысла грамматически и интонационно оформленного высказывания, понимание включает также механизмы раскрытия имплицитных, скрытых смыслов. Имплицитность – обязательное свойство иронически окрашенных устных и письменных текстов.

Ирония – интеллектуальная эмоция, особый тип аффективно-когнитивного взаимодействия [4, 70] Её модель включает комбинацию эмоций, сопровождающихся экспрессивным поведением (насмешкой) [1, 119].

В предыдущих работах мы рассматривали процесс формирования и выражения иронического отношения, то есть нас интересовало производство ироником устных и письменных текстов. На новом этапе исследования мы обратились к роли реципиента в иронически окрашенной речевой ситуации. С целью выявления факторов, влияющих на способность *распознавать* иронию в тексте, нами проведен психолингвистический эксперимент, к которому мы привлекли три группы испытуемых со смешанным гендерным составом (всего 54 человека): 1 группа – учащиеся старших классов школы; 2 – студенты технического вуза; 3 – преподаватели (в возрасте от 35 лет до 71 года). Все реципиенты – городские жители, определяющие русский язык как родной.

Анализ анкет показал: на восприятие иронии в устных и в письменных текстах разных родов словесности не влияют ни гендерные особенности, ни уровень образования, ни возраст. Наши личные наблюдения, а также данные, полученные в беседах с педагогами, работающими с дошкольниками, позволили убедиться в том, что дети, исключая младенцев, тоже способны улавливать ироническую тональность в звучащей речи. Эксперимент выявил,

что успешно *распознают* иронию те реципиенты, которые наделены особым психологическим чутьём, помогающим догадаться: говорящий насмехается, вкладывая в высказывание смысл, противоречащий эксплицитному [2, 494].

Заполнив анкеты после прочтения приведенного ниже фрагмента драмы М. Булгакова «Дни Турбиных», многие испытуемые (44 из 54 человек) создали встречные тексты. Исходным материалом для них стали две иронически окрашенные реплики Елены – участницы воспроизведенной в пьесе конситуации с общей установкой на коммуникативную игру, флирт.

Елена. Единственно, что в вас есть хорошего, – это голос, и прямое ваше назначение – это оперная карьера.

Шервинский. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверху «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов.

Елена. Сколько?

Шервинский. Семь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-Богу! Там была графиня Гендрикова... Она влюбилась в меня после этого «ля».

Елена. И что же было потом?

Шервинский. Отравилась. Цианистым калием.

Елена. Ах, Шервинский! Это у вас болезнь, честное слово.

Функции и характер иронии субъекта (Елены) обусловлены типом ее отношений с собеседником: в них угадывается взаимная симпатия, влюбленность. Каузатором иронии стали речевые действия собеседника, выявляющие его личностные качества.

С целью получения дополнительных данных мы подключили к эксперименту еще 13 человек – старших школьников и преподавателей вуза в возрасте от 35 до 83 лет (в том числе лингвистов), в гендерном отношении представляющих собой смешанную аудиторию. В соответствии с методикой, разработанной А.И. Новиковым [7], испытуемые получили задание: последовательно зафиксировать свои реакции на каждое предложение этого фрагмента, то есть создать «встречный» текст.

На наш взгляд, анализ полученных материалов способствует выявлению основных стратегий понимания драматургических (письменных) текстов, содержащих скрытую иронию. В ходе дальнейшей работы мы предполагали также выяснить, насколько зна-

чимы такие факторы, как уровень интеллектуального развития реципиента, его принадлежность к элитарному типу языковой культуры для **понимания** иронического смысла.

Реакции реципиентов, содержащиеся во встречных текстах, можно разделить на три типа: первые (1) демонстрируют непонимание, буквальное восприятие исходного текста. Вторые (2) говорят о выявлении в нем имплицитного, скрытого смысла, но не иронии, наконец, третий тип реакций (3) свидетельствует о считывании иронического подтекста.

Эксперимент показал: независимо от того, насколько адекватно реципиенты поняли смысл, они продемонстрировали примерно одинаковые реакции, среди которых преобладают релятивные (выражающие отношение реципиента к воспроизводимой информации). Содержательные реакции (соотносимые непосредственно с содержанием текста) [7, 69] менее частотны, отличаются однообразием и встречаются в основном в ответах первого типа. Из 17 реакций, список которых был представлен А.И. Новиковым и дополнен исследователями, работающими «в русле уфимского направления» его школы [9, 12], во встречных текстах отсутствуют только реакции замещения смысла и констатации отсутствия знаний.

В качестве примера приведем реакции испытуемых разных типов на реплику «Сколько?»

Ассоциация: Шаляпин! **Констатация:** (3) Да! Девять тактов! Может больше! **Комплективная:** (1) Спрашивает, удивляясь (**мнение**), так как это очень много (**оценка**). (2) Это её недоверие к словам Шервинского («перевод»). Она знает, что невозможно держать «ля» столько тактов (**мнение**). (3) Эти вопросы – насмешка Елены. Она подтрунивает над Шервинским (**мнение**). Он так понятен и знаком ей (**оценка**). **Мнение:** (1) Она хочет узнать продолжительность звучания голоса, вернее, уточнить, правильно ли она услышала. (2) Она, по-моему, не приняла слова Шервинского всерьез. (3) Героиня не верит, спрашивает с иронией. **Оценка:** (1) Круто! (2) Девять тактов – это очень долго. (3) Ври дальше, что так скромно-то? **«Перевод»:** (1) В прямом смысле. Героиня интересуется, сколько тактов Шервинский держал «ля». (2) Вопрос передает удивление героини. (3) «Ты врешь, такого не может быть!» Вопрос выражает недоверие, иронию. **Перефразирование:** (1) «Какое

количество?» (2) Неужели так долго? (3) Только и всего? **Свободный ответ:** Миллион. Смотря чего.

В поле реакций, сопровождающих понимание иронии в драматургическом тексте, по нашим данным, первое место по частоте принадлежит реакции «перевод», второе занимает «мнение», третье – «компликативная», четвёртое – «оценка». При этом оценка в той или иной мере присутствует во всех перечисленных выше основных реакциях.

Наш анализ показал также, что, хотя уровень интеллекта не влияет на способность *распознавать* иронию, он является предпосылкой более адекватного восприятия текстовой информации, *понимания* иронического смысла. Исследователи подчеркивают, что «в процессе восприятия, осмысления и понимания адресат опирается на текстовую информацию, а также на собственные знания, ассоциации» [8, 73]. Большинство испытуемых студентов и лицестов не были знакомы с произведением, фрагмент которого был им предложен, у них отсутствовали фоновые знания о ситуации, характерах и взаимоотношениях персонажей. То, что многие реципиенты из этих групп выявили противоречие в репликах героини и распознали в них иронию, подтверждает: корректная интерпретация художественного текста, являющегося моделью реальной жизни и точно воспроизводящего её, возможна, когда смоделированные в нем явления знакомы реципиенту, так как он сталкивался с ними сам. В этом случае в процессе понимания он способен выстраивать модель речевой ситуации, реконструировать намерения её участников на основе личного опыта. Эксперимент подтвердил, что для понимания иронически окрашенных высказываний нужны такие фоновые знания, которые помогают реципиенту выявить мотивации и цели говорящего, ведь «личность человека определяется прежде всего совокупностью и иерархией его потребностей (мотивов)» [10, 128].

Анализ реакций испытуемых-преподавателей показал: для построения более ярких и точных «ментальных моделей и образов ситуации» [5, 201], возникающих в процессе понимания иронии, необходимо знание широкого культурного контекста. Методика создания встречного текста позволила выявить актуальные для представителя элитарного языкового типа смыслы при интерпретации фрагмента драматургического текста иронической на-

правленности. Далее представлены реакции респондента (женщины, преподавателя вуза, носителя элитарного типа языковой культуры), полученные в процессе восприятия предложенного текста.

Елена. Единственно, что в вас есть хорошего, – это голос, и прямое ваше назначение – это оперная карьера. / «Шаляпин!» (*Ассоциация*)

Шервинский. Кое-какой материал есть. / «Скромник!» (*Оценка*)

Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверху «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов. / «Ля - ля - фа! Эти ноты...» (*Интертекст*)

Елена. Сколько? / «Сколько?.. Врать можно?» (*Инфиксация*)

Шервинский. Семь тактов держал. / «Нет, точно не Шаляпин!» (*Мнение*)

Напрасно вы не верите. Ей-Богу! / «Здесь она должна, видимо, прослезиться!» (*Предположение*)

Там была графиня Гендрикова... / «Что за птица?» (*Ориентировка*)

Она влюбилась в меня после этого «ля»./ «А я-то! А я!..» (*Интертекст*)

Елена. И что же было потом? / «Ты спрашивала шёпотом: “А что потом? А что потом?”» (*Интертекст*)

Шервинский. Отравилась. / «Заламывает руки, залпом выпивает...» (*Визуализация*)

Цианистым калием. / «Печально!» (*Оценка*)

Елена. Ах, Шервинский!/ «Теперь она его простит! Значит, это любовь!» (*Комплективная: прогноз и вывод*)

Это у вас болезнь, честное слово. / «О, да!» (*Констатация*)

В основе иронии лежит особое представление об объекте, формируемое в процессе его оценки, познания, понимания, интерпретации. Реципиент, как и героиня-ироник, проделывает все эти ментальные операции и как бы становится участником конситуации: то берёт на себя роль свидетеля и комментатора, то включается в диалог, расшифровывая иронический смысл, скрытый в репликах героини с помощью «встречной иронии». Ирония испытуемой направлена на обоих участников коммуникации и на саму ситуацию. Мы видим здесь, как и в большинстве встречных текстов,

составленных реципиентами-преподавателями, сложную комбинацию разнообразных тактик, чего не скажешь о реакциях студентов и лицеистов. Наши данные показывают, что респонденты старшей группы, в большинстве своем знакомые с произведениями М. Булгакова, а также хорошо представляющие описанную автором эпоху, её культурный контекст, более полно и точно раскрыли для себя иронический смысл, реализованный в этой конституации, причём важную роль сыграла собственная предрасположенность многих реципиентов к иронии.

Понимание иронии, очевидно, не сводится к элементарному сложению ментальных действий: в основе этого процесса лежат многоактовые мыслительные операции, эмоции, сложные психологические действия.

Эти и другие материалы нашего эксперимента будут способствовать построению частной модели понимания художественных текстов иронической направленности (устных и письменных).

Литература

1. Желватых Т.А. Когнитивный подход к изучению иронии. / Культурологические проблемы обучения языковой коммуникации: Материалы международной научно-методической конференции 20 – 21 апреля 2011, – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С.119 – 122.
2. Желватых Т.А. Психолингвистический анализ восприятия иронии в художественном тексте (устном и письменном) / Вестник Башкирского университета №2 (июнь) 2016. С. 494 – 499.
3. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. – М: МГУ, 1997. – 416 страниц.
4. Изард К.Е. Психология эмоций / Перевод с английского. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 464с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура). – 560 с.
6. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
7. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны понимания // Вопросы психолингвистики, № 1, 2003. – С. 64 – 76
8. Пешкова Н.П. Проблемы понимания дискурса в психолингвистическом и прагматическом аспектах / Вестник Челябинского государственного университета. 2014 № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 73 – 77.
9. Пешкова Н.П. О тексте, его смысле и индивидуальных стратегиях понимания (на материале сравнительного анализа двух теоретико-экспериментальных исследований) / Вестник ПНИПУ. Проблемы языко-

знания и педагогики № 4, 2016. – С. 8 – 18.

10. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. – М.: Наука, 1970, – 140с.

© Т.А. Желватых, Р.А. Каримова, 2017

К.З. Закирьянов
БашГУ, г.Уфа, Россия

Место русского языка в полилингвальном мире

В многонациональном и многоязычном мире (сегодня все страны и регионы мира таковы) существует проблема преодоления языкового барьера между разноязычными народами, проживающими на одной территории (на разных территориях тоже).

В нашей стране, многонациональной Российской Федерации, где совместно проживают представители более 180 наций и народностей, говорящих на разных языках, в Республике Башкортостан в её составе, где проживают более 70 разноязычных народов, проблема эта, можно смело утверждать, успешно решена. Решена она благодаря феномену русского языка: все населения многоязычной России общаются меж собой на русском языке. В стране образовалось и функционирует созвездие языков, в центре которого стоит русский язык, объединяющий вокруг себя в дружный хор язык всех народов и этносов, живущих на огромной территории Российской Федерации (см. об этом подробнее [2, 128-137]).

Феноменом является сама Российская Федерация с точки зрения количества и разнообразия языков. Есть страны более крупные по численности населения (например, Китай, Индия), но нет страны, где было бы столь великое разнообразие языков, принадлежащих к разным языковым системам и семьям. В России представлены все восточнославянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские и другие языки (см. об этом [6, 21-42]). Среди этого множества языков, одной страны, политически и юридически равноправных, по своей значимости русский язык выделен на особое место, приобрел особый статус – как наиболее авторитетный и наиболее развитый, он признан государственным языком страны и выдвинут на роль языка-посредника – средства межнационального общения разноязычных

граждан одной страны, при этом, заметим, не насильственно, а добровольно, со всеобщего согласия всех граждан. Особый статус русского языка как первого языка в многоязычном российском государстве утвержден законом [4], [8]; но защищается он не только законодательно, а «безальтернативно закреплён в общекультурной традиции и массовом сознании населения» [7, 125]. Как государственный язык страны и как язык-посредник русский язык наделён большими правами и большими общественными функциями. Ни один другой язык страны не выполняет столько общественных функций, сколько выполняет русский язык в масштабе страны и в мире.

Русский язык выполняет прежде всего консолидирующую функцию: обеспечивая языковую коммуникацию, взаимопонимание и сотрудничество разноязычных народов, он объединяет все население страны в одно гражданское общество, в одну дружную семью, обеспечивает каждого гражданина страны во всех сферах его жизнедеятельности (подробнее о функциях русского как государственного см. [8]), и самое главное - обеспечивает мирное сосуществование разноязычных народов и политическую безопасность Российского государства.

Отсюда естественно напрашивается вывод: **владение русским языком как государственным языком страны обязательно для всех граждан Российской Федерации, независимо от их национальной принадлежности.** Более того, свободное владение русским языком составляет гражданский долг каждого гражданина Российской Федерации. Знание русского языка позволит каждому чувствовать себя полноправным гражданином страны.

Словом, роль знания русского языка настолько велика для россиян, что даже трудно представить нормальную жизнь народов страны без него.

Особенно велика роль знания русского языка как языка-посредника в жизни нерусских народов Российской Федерации. Пожалуй, именно здесь наиболее отчетливо проявляется феномен русского языка. Для нерусских народов России владение русским языком открывает огромные коммуникативные возможности, раздвигает границы языкового общения, расширяет горизонты познания, способствует совершенствованию их как языковой личности (билингвальной личности).

Знание русского языка приобщает нерусские народы России к многовековой русской культуре, к духовным богатством русского народа; открывает доступ к богатейшей в мире русской литературе, через переводы на русский язык – к мировой литературе и к литературе других (нерусских) народов России, выполняет функцию языка-моста, соединяющего «художественные берега разных народов» (Ч. Айтматов), служит промежуточной ступенью перевода с одного языка на другой, становясь тем самым «мощным транслятором культуры» [5, 148], помогает разноязычным народам великой России взаимообогащаться, учиться друг у друга, обмениваться опытом, главное – укрепляет дружбу между ними (более подробно о роли русского языка в жизнедеятельности нерусских народов Российской Федерации см. [3, 89-95]).

Феномен русского языка как языка-моста не ограничивается только внутрисоциальными рамками (в пределах РФ). Русский язык является одним из мировых языков, он используется в качестве рабочего языка ряда международных форумов, конгрессов, симпозиумов, он признан одним из рабочих языков ООН (рабочими языками ООН являются 4 европейских – английский, французский, испанский, русский и 2 азиатских языка – арабский и китайский). Русский язык широко распространен в современном мире. Им владеет не только населения России, его изучают в странах ближнего и дальнего Зарубежья. По последним данным, в настоящее время русским языком владеет в мире более 300 млн. человек. «По степени распространенности русский язык занимает третье место в мире (английский – 1500 млн., китайский – более 1350 млн., испанский и русский – более 300 млн.)» [1, 90]. Словом, русский язык относится к числу крупных мировых языков и занимает ведущую позицию среди других языков мира.

На основе всего изложенного подведем некоторые итоги.

1. Феномен русского языка проявляется прежде всего в его многофункциональности. Среди многих функций, выполняемых русским языком, основными являются следующие три: 1) функция внутринационального общения (родной язык русского народа; как национальный язык, он принадлежит к числу наиболее развитых, наиболее богатых языков мира); 2) функция межнационального общения (язык-посредник для общения меж собой многоязычных народов Российской Федерации); 3) функция международного об-

щения (один из мировых языков, используется для установления международных контактов). Каждая из указанных функций русского языка чрезвычайно велика по своей значимости: он обслуживает миллионы людей разных национальностей и разных культур, с разным лингвистическим опытом (с разной степенью владения русским языком), в разных жизненных ситуациях и в разных условиях речевой коммуникации.

2. На фоне такой значимости великого русского языка в полиэтническом и полилингвальном пространстве становится весьма актуальной проблема сохранения чистоты этого феномена. Проблема эта возникла в связи с тем, что за последние два-три десятилетия культура русской речи катастрофически падает. Нарушение литературных норм, бедность лексического запаса и грамматического строя речи, употребления грубо-просторечных, жаргонных, вульгарных, нецензурных слов, слов-паразитов и слов-сорняков, ненужных иноязычных слов (когда имеются прекрасные их русские эквиваленты) и т.д. стали обычным явлением даже в речи образованной части населения, не говоря уже о «простом» народе. Не свободны от речевых ошибок и небрежностей радио и телепередачи, спектакли в театрах, культурно-массовые мероприятия в клубах и т.д. Подобная картина чревата опасными последствиями. Если не остановить этот процесс, то в конечном итоге он может привести к смерти языка. А этого никак нельзя допускать.

Сегодня мы говорим об экологии природы, об охране окружающей среды, о сохранении чистоты воздуха, водоемов, лесов и полей, о сохранении памятников природы и исторических памятников культуры. Нужно так же настойчиво и смело говорить об экологии русского языка, об экологии культуры русской речи. Русский язык заслуживает уважительного к нему отношения и сохранения его величия, дальнейшего его развития, бережного к нему отношения. Забота об экологии языка должна стать заботой всеобщей, всенародной, а не только филологов-специалистов.

3. В условиях современной мировой цивилизации, глобализации культур народов, соперничества мировых языков русский язык нуждается в защите, сохранении и укреплении занимаемых им позиций. У русского языка есть большой внутренний потенциал для дальнейшего развития и сохранения позиции мирового языка. Для этого нужно предпринять конкретные меры по пропаганде его

как мирового языка и по совершенствованного преподавания его 1) как родного, 2) как неродного и 3) как иностранного. Чем больше изучающих русский язык в стране (в Российской Федерации) и за рубежом, чем больше владеющих им, чем активнее им пользуются, чем шире он распространен в мире, тем прочнее его позиция. Значит, самым надежным и верным условием сохранения и укрепления занимаемых позиций русского языка является хорошее знание его, свободное владение им, активное использование его во всех сферах жизнедеятельности, что выдвигает проблему эффективного обучения русскому языку в разных аудиториях. А эта проблема тянет за собой другие: 1) проблему совершенствования подготовки учителей, преподавателей русского языка, и 2) проблему создания учебно-методических пособий для разных контингентов обучающихся.

Хочется надеяться, что хорошая методическая система обучения при наличии хороших учебно-методических пособий в руках хорошо подготовленного учителя обеспечит успех овладения русским языком обучающимися любой категории и послужит надежной гарантией для сохранения занимаемых позиций русского языка в полилингвальном мире.

Литература

1. Вербицкая Л.А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал, 2015. Том 4, № 2. – С. 90–97.
2. Закирьянов К.З. Созвездие языков в поликультурном пространстве (к проблеме формирования активного билингвизма) // Российский гуманитарный журнал, 2015. Том 4, № 2. – С. 128–135.
3. Закирьянов К.З. Русский язык как язык-посредник // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: Материалы V Международной научно-методической конфер. (Уфа, 1–2 декабря 2016 г.) / Ответ. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 89–95.
4. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (от 24.07.1998г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 1998. – № 31.
5. Ибрагимов В.Л. Язык в мире действительности // Российский гуманитарный журнал, 2015. Том 4, № 2. – С. 145–149.
6. Самсонов Н.Г. Два языка – два родника. – Якутск: Бичик, 1993 – 176 с.
7. Тимирханов В.Р. О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии // Российский гуманитарный журнал, 2015.

Том 4, № 2. – С. 120 –126.

8. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (от 7.06.2005 г.) – М., 2005.

© К.З. Закирьянов, 2017

И.Ф.Зарипова
БашГУ, г. Уфа, Россия

Соотношение объема лексических значений имен существительных анимативной группы в татарском и русском языках

Проблема двуязычия издавна привлекает к себе внимание многих лингвистов всех стран мира. Двуязычие возникает там, где происходит соприкосновение (контактирование) языков. Языковые контакты, сопровождающие развитие общества на протяжении всей его истории и связанные с территориальным и культурным взаимодействием людей, приобрели в современном мире еще большую значимость. Владение двумя и более языками считается в наше время нормой, определенной "культурным двуязычием".

Языковые контакты возникают в результате культурных, научно- технических, политических, спортивных, туристических связей между странами, регионами, областями, а также вследствие миграционных процессов и т.п.

Понятия "языковые контакты" и "двуязычие" непременно предполагают наличие друг друга. По мнению М.М. Михайлова, "... двуязычие – это процесс контактирования языков, поскольку соприкосновение языков осуществляется только в речи двуязычных или многоязычных людей, а его результат закрепляется в языке" [3, 15].

Говорить о наличии однозначного определения билингвизма невозможно, так как данное многоаспектное языковое явление, рассматриваемое лингвистами с разных точек зрения, предполагает наличие множества трактовок.

Принимая во внимание существующие взгляды на явление двуязычия, придерживаемся точки зрения Э.М. Ахунзянова, который дает общее определение двуязычия: "Двуязычием называют владение двумя языками и регулярное переключение с

одного языка на другой в зависимости от ситуации общения" [1, 28].

Каждый язык обладает своей системой выражения понятий, поэтому объем значений слов часто расходится в разных языках, в результате эквивалентные слова в двух языках не всегда совпадают во всех значениях, что вызывает трудности при переводе.

Это особенно ярко можно продемонстрировать на материале словарного состава двух различных языков — в нашем случае, татарского и русского.

В целом все типы семантических соответствий между лексическими единицами двух языков можно свести к четырем основным: 1) полное соответствие; 2) соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы; 3) соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы; 4) появление нового значения, отсутствующего в другом языке.

В данной статье на материале имен существительных анимативной группы рассмотрим три случая соотношения объема лексических значений, кроме полного совпадения, учитывая, что для теории и практики перевода особый интерес и трудность представляют собой остальные, в особенности последние два случая. Анимативная группа объединяет следующие семантические поля:

I. Семантическое поле “Человек”:

1.1. Слова, характеризующие физиологию, внешний вид человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: Гәүдә – 1. Туловище, тело, корпус, стан. 2. Бюст. **Карын** – 1. Желудок. 2. Утроба, чрево, живот. **Үкчә** – 1. Пятка. 2. Каблук, подбор.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: **Ми** – 1. Мозг. 2. *перен.* Голова, сознание. **Таз** – 1. Парша. 2. *прил.* Паршивый, шелудивый. 3. *перен.* Хитрец. **Яры** – 1. Перепонка. 2. Кожица. 3. Связка.

В) Появление нового значения, отсутствующего в другом языке: **Йөз** – 1. Лицо, физиономия, рожа. 2. *перен.* Облик, лик, лицо. 3. Поверхность. 4. Лицевая сторона, фасад. **5. перен.** Авторитет, честь, достоинство.

1.2. Слова, характеризующие эмоциональные признаки человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: **Азап** – 1. Мука, муки, мученик. 2. Мытарство, страдания, невзгоды. **Дэрт** – 1. Страсть, задор, пыл. 2. Желание, охота.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: **Дэрман** – 1. Сила, энергия, мощь. 2. *перен.* Возможность, состояние. **Күңел** – 1. Душа. 2. Внутренний мир. 3. Настроение. 4. Мысль, сознание. 5. Память. 6. Симпатия.

1.3. Слова, характеризующие рациональные признаки человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: **Аң** – 1. Сознание, рассудок. 2. Ум, разум. **Зиһен** – 1. Разум, сознание. 2. Мысль, сообразительность. 3. Память.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: **Акыл** – 1. Ум, разум, рассудок. 2. Мысль, идея. 3. Совет. 4. *в функ. сказ.* **акылында** в своем уме. **Игътибар** – 1. Внимание. 2. Внимательное отношение. 3. Авторитет. **Уй** – 1. Мысль. 2. Намерение. 3. Размышление. 4. Тоска, горе.

1.4. Слова, характеризующие положительные признаки человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: **Әйбәтлек** – 1. Доброкачественность. 2. Добротность. 3. Доброта. **Батыр** – 1. Герой, богатырь. 2. Батыр (победитель в борьбе в сабантуе). 3. *в знач. прил.* Храбрый, смелый, отважный. **Гаделлек** – 1. Справедливость, честность, правдивость. 2. Объективность.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: **Исәнлек** – 1. Здоровье. 2. Целостность, невредимость. **Ихлас** – 1. Искренность, 2. Желание. 3. Привязанность. **Осталык** – 1. Мастертво. 2. Сноровка, ловкость.

1.5. Слова, характеризующие отрицательные признаки человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: **Наянлык** – 1. Лукавство. 2. Озорство. **Шакшылык** – 1. Неряшливость. 2. Грязь, нечистота. 3. Нечистоплотность. **Комагайлык** – 1. Жадность. 2. Прожорливость.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: Канэгатьсезлек – 1. Недовольство, неудовлетворенность. 2. Ненасытность, алчность, жадность. **Нэфес** – 1. Алчность, ненасытность. 2. Страсть. **Төкселек** – 1. Мрачность. 2. Грубость.

В) Появление нового значения, отсутствующего в другом языке: Куштанлык – 1. Подхалимство. 2. Кокетство. **Мескенлек** – 1. Бедность, убогость. 2. Робость, несмелость.

1.6. Слова, относящиеся к общественно-политической деятельности человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: Буяучы – 1. Красильщик; маляр. 2. Торговец красками. **Кибетче** – 1. Продавец. 2. Торговец, лавочник.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: Аксөяк – 1. Белая кость, аристократ. 2. *перен.* Неженка. **Каравылчы** – 1. Караульщик, охранник, сторож. 2. Обездчик, обходчик.

В) Появление нового значения, отсутствующего в другом языке: Иш – 1. Чета, пара, ровня. 2. Товарищ, друг. 3. Сорт, круг. 4. Такой, подобный. **Солтан** – 1. Султан, государь. 2. *перен.* Первый, лучший из лучших.

1.7. Слова, характеризующие действия человека:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: Жыю – 1. Сбор, сборка. 2. Уборка. **Исэпләү** – 1. Вычисление, счет. 2. Расчет. **Хэзерләү** – 1. Подготовка. 2. Заготовка.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: Гамэл – 1. Дело, действие, занятие. 2. Средство, способ. 3. *мат.* Действие. **Саклану** – 1. Сохранение. 2. Защита. **Сугу** – 1. Удар. 2. Бой. 3. Молотьба. **Тоту** – 1. Ловля, поимка. 2. Содержание.

В) Появление нового значения, отсутствующего в другом языке: Табыш – 1. Находка. 2. Прибыль, выгода. 3. Нажива. 4. Взятка (у пчел).

II. Семантическое поле “Фауна”:

А) Соответствие одному слову нескольких слов одинаковой семантической группы: Ат – 1. Лошадь, конь / ло-

шадный. 2. *спорт.* Конь. **Ерткыч** – 1. Зверь, хищник. 2. *перен.* Изверг, зверь. **Тулпар** – 1. Быстроногий конь. 2. Сказочный конь.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: **Акбүз** – 1. Миткаль // *прил.* миткалевый, миткальный, из миткаля. 2. *прил.* Бело-сивый (о масти лошади). **Бэрэн** – 1. Ягненок, барашек. 2. Козленок. **Песи** – 1. Кошка, киска. 2. Сережка, барашек (у вербы).

III. Семантическое поле “Флора”:

А) Совпадение слов русского языка одинаковой семантической группы с татарским словом: **Көнбагыш** – 1. Подсолнух. 2. Семечки. **Печән** – 1. Сено. 2. Сенокос. **Үсенте** – 1. Поросль. 2. Росток, прирост. 3. Спец. проросток.

Б) Соответствие одному слову нескольких слов разной семантической группы: **Киндер** – 1. Конопля. 2. Холст, полотно. **Кура** – 1. Толстостебельная трава. 2. Толстый стебель высохшей травы. 3. Малина. **Тирэк** – 1. Тополь. 2. Роща у воды.

В) Появление нового значения, отсутствующего в другом языке: **Кабык** – 1. *В разн. знач.* Кора. 2. Корка (раны). 3. Лубок, лыка. 4. Скорлупа (яйца, ореха), кожура (картофеля), кожица (фруктов), шелуха (семечек). 5. *геол.* Кора, оболочка (земного шара). 6. *биол.* Кора (мозга). 7. Кожа, шкура, чешуя (премыкающихся). 8. *перен.* Кора, покров (какого-либо явления). **Тубырчык** – 1. Шишка (у хвойных). 2. Затычка, втулка, пробка. 3. Непоседа.

По результатам практической работы, большую часть составляет соответствие татарскому слову нескольких слов русского языка одинаковой семантической группы (60%), вторая группа – это соответствие татарскому слову нескольких слов русского языка разной семантической группы (36,5%), третья небольшая группа – появление нового значения, отсутствующего в татарском языке (3,5%).

Таким образом, в значении слова в разных языках часто выделяются разные признаки одного и того же явления или понятия, что неизбежно создает трудности при переводе. Из рассмотренных примеров можем сказать, что во время перевода будет больше возможности выбора первой группы слов согласно контексту, во второй группе она уменьшается (возрастает частотность ошибочных переводов), а со словами третьей группы вовсе надо быть осторожными.

Литература

1. Ахунзянов, Э.М. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Казанский ун-т, 1978. – 155 с.
2. Закирьянов К.З. Двухязычие и перевод. – Уфа: Китап, 2012. – 288 с.
3. Михайлов, М.М. Двухязычие и взаимовлияние языков. - Чебоксары, 1990. - 107 с.
4. Юсупов Р.А. Тәржемә һәм дәрәс сөйләм мәсьәләләре. – Казан: Татар.китап нәшр., 2014. – 287 б.

© И.Ф.Зарипова, 2017

Е. В. Иванова, Н.А. Велькина
БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

Определение основных приемов перевода неологизмов английского языка, образованных безаффиксальными способами, на русский язык, выявление частотности используемых переводческих трансформаций

В настоящее время русский язык активно заимствует неологизмы английского языка, в первую очередь, конечно, для номинации тех новых вещей и явлений, которые появились в англоязычном мире. Значительное количество (до 4/5 всего объема зафиксированных новых лексических единиц английского языка [1, 65]) образуется безаффиксальными методами: словосложением, словослиянием, сокращением (аббревиатуры, акронимы, усечения), конверсией.

Цель данного исследования – выявление основных способов перевода неологизмов английского языка, образованных безаффиксальными способами, на русский язык, выявление частотности используемых переводческих приемов, а также рассмотрение специфических проблем их перевода. Материал работы представлен английскими новыми лексическими единицами (без учета их тематической отнесенности) и их эквивалентами в русском языке, при этом часть слов переведена несколькими способами. Источником англоязычных неологизмов и их русских соответствий являются научные статьи ресурса Киберленинка (41 статья). Хронологические рамки исследования ограничены периодом 2008-2017 годов.

Было выявлено, что новые лексические единицы, образованные безаффиксальными способами, переводятся с помощью раз-

личных переводческих приемов. Чаще всего используется прием экспликации (объяснение с помощью словосочетания, в том числе развернутого): **familymoon** *медовый месяц, в который жених и невеста берут своих детей от предыдущих браков*, **unicorn** *высокотехнологическая компания, созданная менее десяти лет назад и стоящая больше миллиарда долларов*, **alcopop** *слабоалкогольный газированный напиток*. Основная проблема при использовании описательного перевода – избежать многословия и громоздкости, добиться того, чтобы объяснение было понятным.

Активно используется калькирование (замена морфем или лексем слова соответствующими лексическими единицами русского языка): **hocho** *горячий шоколад*, **netiquette** *установленные правила поведения в интернет-сети*, **mailbomb** *почтовая бомба*, **living apart together** *живущие вместе отдельно*, **just-in-time** *точно в срок*. Большая часть аббревиатур также переведена калькированием: **ОТР** *on the phone по телефону*, **ICYMI** *in case you missed it в случае, если вы это пропустили*, **ИМНО** *in my humble opinion по моему скромному мнению*). Проблема использования калькирования состоит в том, чтобы избежать механического связывания слов в словосочетание, значение которого непонятно. К неудачным вариантам перевода калькированием можно отнести такие найденные соответствия: **eyebroccoli** *брокколи для глаз*, **phone-yawn** *телефонный зевок*, **map-head** *карточная голова*.

Количество слов, значение которых передано модуляцией (передача неологизма словом-аналогом или словосочетанием языка перевода, близким по значению, но отличающимся по стилю), сравнимо с количеством слов, переведенных калькированием: **Froday** *стрижень*, **FTW** *for the win классный*, **to glitch** *глючить*. Для почти половины найденных соответствий (41 неологизм) произведена трансформация передачи эмоционально окрашенных слов на русский язык нейтральными словами и словосочетаниями (стилистическая трансформация): **slumdog** (трусоба+собака) *житель трущоб*, **go-go** *динамичный, энергичный*, **heart-throb** *предмет обожания*. При переводе слова модуляцией необходимо подобрать стилистически правильный эквивалент, что предполагает наличие обширного словарного запаса.

Такие переводческие приемы как транскрибирование (передача произношения слов) и транслитерация (побуквенная передача

слов кириллицей) используются гораздо реже, что обусловлено тем, что практически все рассмотренные неологизмы обозначают новые реалии, а не имена собственные, а их значение лучше усваивается при передаче средствами описательного перевода и калькирования. Основная проблема при использовании данных приемов – слово-перевод в первое время нуждается в сопровождении описательного перевода. Реже всего был задействован прием прямого включения, его использовали при передаче 10 аббревиатур: **CMS, DNS, FAQ, FTP, HTML, MAN, NAT**. В русской речи и на страницах периодической печати эти слова часто сопровождаются русскими пояснениями: **SMS**-сообщение, **GPS**-оборудование, операционная система **DOS**.

Отмечено, что ряд неологизмов переведен 2 способами, в подавляющем большинстве случаев оба варианта перевода даны одним и тем же автором. Самым используемым компонентом комбинаций является экспликация, объясняющая слова, переведенные также калькированием, транскрипцией, транслитерацией и модуляцией.

Литература

1. Тесла Е.А., Андрианова М.Б. Английские неологизмы и способы их перевода на русский язык // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам X студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. – М.: «МЦНО». – 2014. – №3. – 65-70.

© Е.В. Иванова, Н.А. Велькина, 2017

Н.В. Исмаилова
БГМУ, г. Уфа, Россия

Словообразовательные особенности просторечия

Термин «просторечие» не является собственно научным, он возник из употреблявшегося в русском языке в XVI-XVII веках словосочетания «простая речь». Первая лексикографическая фиксация этого слова содержится в «Российском с немецким и французским переводом словаре» И. Нордстета (1780-82). Тем не менее, этот термин прочно вошёл в отечественную лингвистику.

Просторечие – термин русистики, у него нет эквивалентов в лингвистической терминологии других стран. Можно говорить лишь о сходных по функциям понятиях в иных языках, например,

в чешском - *obecná čeština* ('обиходно-разговорный язык'), во французском – *la langue populaire* ('язык населения') и *bas-langage*, в итальянском – *dialecto regionale* ('региональный диалект'), в английском – *slang*, в немецком – *Volkssprache*, *niedere Umgangssprache* (сниженный обиходно-разговорный язык), *Substandardismen*, в голландском – *volkstaal* и др.

Научное изучение просторечия начиналось в работах отечественных лингвистов XIX - первой трети XX веков: А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Л.П. Якубинского, Б.А. Ларина, Г.О. Винокура. В настоящее время изучением просторечия занимаются не только лингвисты, но и социолингвисты в рамках проблемы изучения языка города.

Многие исследователи указывают на многозначность термина «просторечие». Наиболее часто этот термин употребляется в двух значениях:

1) просторечие – одна из форм национального языка, наряду с диалектами, жаргонами и литературным языком, которая представляет собой речь малообразованного городского населения и имеет наддиалектный характер, то есть, в отличие от говоров и жаргонов, общепонятна для носителей национального языка.

2) просторечие – совокупность языковых средств сниженно-грубовато-экспрессивного характера, составляющих особый стилистический пласт литературного языка.

Впервые разграничил эти две разновидности просторечия Ф.П. Филин. Просторечие в первом значении он назвал внелитературным, а во втором значении – литературным. К внелитературному просторечию «относятся языковые явления всех уровней, которые образованный человек не может употребить ни при каких обстоятельствах (разве что нарочито, подражая малограмотному или передразнивая его)» [6, 22.], а к литературному – «языковые средства (слова, обороты, синтаксические конструкции, грамматические формы, особенности произношения), употребляемые всеми образованными людьми для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли (своего рода «низкий стиль нашего времени» [6, 20.]. Подход к просторечию как к особому компоненту национального языка представлен в работах Л.И. Баранниковой, В.И. Собинниковой, Л.А. Капанадзе, А.Н. Прокуровской, А.Ф. Журавлёва, О.П. Ермаковой, Т.С. Морозовой.

Иногда просторечие трактуется широко, так как под ним понимается не только собственно просторечие, но и жаргоны, аргó, профессиональные языки, т.е. различные неcodифицированные разновидности национального языка. В частности, В.В. Химик отмечает: «Современное городское просторечие – это специфическая сфера обиходного, устно-разговорного, нелитературного, по преимуществу экспрессивного и часто вульгарного общения. Как явление в целом – это конгломерат из общеупотребительной части социальных и профессиональных подязыков, из элементов деревенских говоров, из иноязычных заимствований и традиционных мещанизмов, вульгаризмов, а также обценной лексики. В русском языковом пространстве городское просторечие занимает промежуточное положение между литературным языком, примыкая непосредственно к литературно-разговорной речи, и многочисленными социально-профессиональными и местными диалектами» [7, 10].

Следует также отметить, что в трудах по истории русского языка существует своё толкование термина «просторечие». Под просторечием подразумевается «живая языковая стихия», противопоставляемая как книжно-литературной стихии, так и стандартизованному языку древне- и старорусской деловой письменности.

Иногда термин «просторечие» отождествляют с термином «полудиалект», но большинство исследователей разграничивают эти понятия. Так, Г.А. Турбин даёт такое определение полудиалекта: «... под полудиалектом понимается разновидность языка коренного городского населения, находящегося в определенном диалектном окружении» [5, 43]. Параллельно с просторечием функционирует понятие койне как «основной формы обиходно-бытовой речи необразованной, не владеющей литературными нормами части городского населения» [3, 17]. Л.И. Баранникова предлагает использовать термин «койне» вместо термина «просторечие» ввиду некоторой неопределенности последнего, ограниченности его использования рамками русского языка. Койне она определяет как «особый наддиалектный общий тип обиходно-бытовой речи» [1, 98]. При этом она считает необходимым различать «городские койне, т.е. обиходную речь отдельных городов, и общие койне, т.е. обиходную речь общую для всей территории распространения того или иного языка, территориальные варианты в которой возможны, но имеют пережиточный субстратно-диалектный характер» [1, 98].

Помимо городского просторечия, некоторые исследователи говорят о просторечии жителей деревни, речь которых в значительной мере отличается от архаического типа диалекта.

Как видно из вышеизложенного, термин «просторечие» из-за его многозначности является нечётким, что нежелательно для понятийного аппарата любой научной дисциплины. Однако, несмотря на некоторую размытость понятия «просторечие», оно продолжает активно употребляться, очевидно, в силу традиции. Мы в своём исследовании также используем этот термин. Предметом же нашего исследования является просторечие как одна из форм общенародного языка, представляющая собой речь малообразованного городского населения, не владеющего нормами русского литературного языка.

В работах по исследованию просторечия часто встречается мнение, согласно которому просторечие в значении «особый компонент русского национального языка, представляющий речь малообразованного городского населения», – явление исчезающее, потому что носителями просторечия считаются лица старше шестидесяти лет. По всей видимости, просторечие в чистом виде действительно с течением времени перестанет функционировать в связи с неизбежным уходом старшего поколения. Но невнимание семьи, школы, средств массовой информации, власти к вопросам речевой культуры способствовали и способствуют распространённости просторечных элементов в среде рабочих и работников сферы обслуживания, молодежи, воспитывающейся в окружении носителей просторечия, и даже лиц с высшим образованием. С точки зрения А.Н. Ерёмкина, современное просторечие, «прежде всего его словарь, проникает в устную и письменную речь абсолютного большинства населения – мы здесь говорим прежде всего о неконтролируемом говорящим проникновении...» [4, 11.]. В.Б. Быков констатирует: «Мидасовы уши просторечия торчат у многих русскоговорящих, вне зависимости от наличия / отсутствия диплома не только о среднем, но и о «верхнем», т.е. высшем образовании» [2, 104].

Таким образом, если круг носителей истинного простонародного языка ограничивается старшим поколением (от шестидесяти и старше), то круг носителей каких-либо отдельных просторечных элементов, граничащих с разговорными, очень широк. С

нашей точки зрения, именно так можно охарактеризовать социальную базу просторечия многих крупных российских городов, в том числе и города Уфы.

Следует ещё учитывать, что просторечные высказывания могут восприниматься по-разному в зависимости от возраста, образования человека. По справедливому замечанию В.Д. Девкина, «считать ли высказывание просторечным, определяет не столько удельный вес просторечных элементов, сколько личность говорящего, его возможность выбирать из разных кодов, его собственное отношение к избранным средствам выражения» [3, 17]. Учет личностной и социальной характеристики говорящих, их установок, намерений, общего опыта, условий протекания беседы характерен для социолингвистического подхода к проблеме просторечия. Как правило, использование просторечных элементов образованными людьми в высказывании выполняет экспрессивную функцию, является языковой игрой. Языковая игра, на наш взгляд, очень ярко проявляется в речи молодежи, например: *Ну, ребята, **прощевайте** (прощайте)! (Студентка лет 18-ти); – Скажи мне какое-нибудь слово. – Какое? – **Экспрессивное.** (Диалог студентов); Ну, как **жизня?** (Из разговора учащихся ПТУ); **Что за жись** пошла! (Студент лет 22-х); **Ещё кажный** будет свой нос совать! (Молодой человек лет 25-ти); **Енто** мне не нравится! (Студент лет 22-х) и др.*

В разговорную речь даже образованных людей иногда прорываются слова, образованные по просторечным деривационным моделям. В просторечном словообразовании распространены суффиксы *-аг(а), -уг(а), -ух(а), -ёж-, -ан-, -ай-, -тяй-, -ень-, -уй-, -л-, -их(а), -ш(а)* у существительных (*бедняга, работяга, трудяга; ворюга, хануга, зверюга, нахалюга; голодуха, свекруха, молодуха; галдёж, терпёж; пузан, голован; слюнтяй, вихляй; злыдень, лежень; обалдуй; надувала, объедала, мазила; врачиха, лесничиха, майорша, библиотекариша, аптекариша*), суффиксы *-уц-, -енн-, -аст-, -ов-, -ев-, -ин-* у прилагательных (*худюций, большуций; здоровенный, тяжеленный; бородастый, брюхастый, грудастый, очкастый, рукастый; инженерова (машина), учителява (квартира), Машикина (книжка)*), префиксы *с-, у-, по-* (вместо *на-*) у глаголов совершенного вида (*снести* (принести), *сбавить* (убавить), *схоронить* (похоронить), *спечь* (испечь), *удумать* (придумать, надумать), *уболтать* (уговорить), *уволичь* (украсть), *уделать* (испачкать, загряз-

нить, довести до плохого состояния), *упиться* (напиться пьяным), *упредить* (опередить); *помереть* (умереть), *поспеть* (успеть) и др.); суффикс *-ану* у глаголов совершенного вида (*толкануть, сизануть, звездануть, кусануть*) и др. Кроме того часто используются префиксы, которые привносят в слова дополнительный семантический оттенок, но являются избыточными (*полюбовник(ница), агромадный, оженить, соснуть, заприметить, всегда, задёшево, порешить, попризадуматься* и др.). В просторечии достаточно распространены некоторые «тройные и четверные словообразовательные модели» (И.С. Улуханов), которые «порождают узуальные, а не окказиональные производные» [4, 77], например: *дембельнуться, всамделишний, спервоначала* и др.

Таким образом, в просторечном словообразовании выявляется совокупность определенных, часто встречающихся аффиксов как набор устойчивых признаков, характерных именно для просторечия, что свидетельствует о существовании системности в данной нелитературной форме языка.

Литература

1. Баранникова Л.И. К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне / Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981. С. 97-119.
2. Быков В.Б. О переводе русского субстандарта на немецкий язык // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф. Т.1. М.: СпортАкадемПресс, 1998. С. 103-107.
3. Девкин В.Д. О видах нелитературности речи // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 12-21.
4. Ерёмин А.Н. Просторечие – Нормативно-толковый словарь - Речь носителя литературного языка // Семантика. Функционирование. Текст. Киров, 2001. С. 11-19.
5. Турбин Г.А. О понятии «полудиалект» и «просторечие» в современной диалектологии // Слово в системных отношениях. Свердловск, 1982. С. С.42 – 59.
6. Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 20-25.
7. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб: Изд-во СПб, 2000. – 272 с.

©Н.В. Исмагилова, 2017

Аллюзия как источник прецедентных текстов

Проблема изучения интертекстуальности и прецедентности, а также способов и средств их реализации в конкретных текстах/дискурсах была и остаётся одной из самых актуальных в современной лингвистике. Основу неугасающего интереса к «чужому слову» (термин М.М. Бахтина) в его самых разных проявлениях составляет тот факт, что интертекстуальность и прецедентность по праву рассматриваются в качестве базовых когнитивных категорий текста/дискурса [3].

Единой реализации интертекстуальных отношений, в рамках данного подхода, признаётся интертекстема, определяемая как межуровневый реляционный сегмент содержательной (грамматической, лексической, просодической, композиционной) структуры текста/дискурса, вовлечённый в межтекстовые связи [4, 317]. К основным типам интертекстем традиционно относят: цитату (лат. cito – вызываю, привожу) – точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста со ссылкой на источник цитирования; реминисценции (лат. *reminiscentia* – воспоминание) – небукавальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которое наводит на воспоминание о другом произведении и аллюзию (лат. *allusio* – шутка, намёк) – намёк на историческое событие, бытовой или литературный факт, предположительно известный читателю.

Цель данной работы – установить следы аллюзивного происхождения прецедентности. Как уже упоминалось выше, аллюзия есть намек на некий факт или текст, являющийся достаточно известным для широкого круга читателей. Тексты и факты действительности, к которым осуществляется отсылка, называются денотатами аллюзии. К денотатам аллюзии необходимо отнести прецедентные тексты.

Само понятие прецедентный текст впервые было введено в научное обращение Ю.Н. Карауловым. Согласно его определению, к характеристикам прецедентных текстов относятся: хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональная и познавательная цен-

ность; реинтерпретируемость, т.е. их многократная интерпретация в различных видах текстов, созданных разными поколениями [1, 217]. Свойство реинтерпретируемости прецедентного текста осуществляется с помощью аллюзий, т.к. она в свою очередь выступает в роли механизма свергывания и хранения такого текста в виде слова, словосочетания или фразы.

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова в своей статье «Как тексты становятся прецедентными» упоминают случаи, когда прецедентное высказывание исходит из разных источников. Примером является фраза «*Не виновата я*» из кинокомедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука», которая попала в фильм уже будучи прецедентной из произведения Л. Толстого «Воскресение». Популярность фильма стала решающим условием в опознавании принадлежности данного высказывания [2, 76]. В последнее время приходилась слышать такую фразу как «*Проблемы негров/индейцев шерифа не волнуют*». Также ее можно встретить на новостных сайтах в названии статей: «*ПРОБЛЕМЫ ИНДЕЙЦЕВ ШЕРИФА НЕ ВОЛНУЮТ: РАЗГОН МИТИНГА В ДАКОТЕ*» [6], «*Алименты индейцев шерифа не волнуют*» [7] или в самой публикации: «*Изобретая жертву*» (*Проблемы негров шерифа не волновали...*) [5]. Смысл фразы достаточно понятен, но откуда взялась она в нашей речи? Поиск в интернете выдает следующие источники происхождения: различные анекдоты, заканчивающиеся данной фразой и советский фильм 1953 года "Серебристая пыль", снятый по пьесе эстонского писателя Аугуста Якобсона "Шакалы". Причем первый источник, то есть анекдоты, является доминирующим способом распространения этой фразы в устной речи. Сам же фильм стал предтечей появления таких анекдотов.

Подобные случаи можно встретить и в английском языке. В 2012 году особую популярность приобрело выражение «*fiscalcliff*», которое неоднократно использовалось в ходе предвыборной кампании Барака Обамы, а также в речи политиков по поводу надвигающегося экономического кризиса. Фискальный обрыв (англ. *fiscalcliff*) – ситуация, при которой в США может автоматически вступить в силу ряд законов, повышающих налоги и уменьшающих государственные расходы с целью уменьшения дефицита бюджета и сокращения государственного долга [8]. Предположительно, данная фраза впервые была упомянута в 1957 году в статье

газеты «The New York Times» и относилась к ситуации, когда люди берут большие займы на приобретение жилья, что, в свою очередь, ведет к экономическому кризису в сфере недвижимости. В 1991 году появляется художественный фильм Ридли Скотта «Тельма и Луиза». В конце фильма две девушки совершают самоубийство, съехав на большой скорости с обрыва. В 2012 году эта сцена вновь оживает в памяти американцев благодаря тому, что многие политики, да и сам президент, активно эксплуатируют этот образ, который становится прецедентным, в выражении «*fiscal cliff*». Такая же ситуация и в заголовках новостных статей: «*Bank of America On The Odds Of A 'Thelma & Louise' Ending To The Fiscal Cliff Story*» [9], «*Riding with Thelma & Louise over the fiscal cliff*» [10], «*Morning Examiner: Democrats go Thelma and Louise on U.S. Economy*» [11].

Таким образом, аллюзии, как и прецедентные высказывания, могут иметь несколько источников происхождения, причем источники эти принадлежат как к разным временным эпохам, так и различным видам культурной деятельности (мифология, литература, кинематограф и т.д.). Аллюзия может обрастать дополнительными коннотативными смыслами, попадая в новый текст. Краткость и экспрессивность аллюзии, также как и популярность человека, произносящего эту аллюзию, способствует созданию нового прецедентного текста.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1994. - № 1. С. 73-76.
3. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Электронный научный журнал «Медиаскоп», №1, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755>(дата обращения: 30.10.2017).
4. Сидоренко К.П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений А.С. Пушкина» // Слово, фраза, текст: Сб. науч. ст. к 60-летию М.А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002. С. 317-330.
5. URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=36778> (дата обращения: 03.11.2017).
6. URL: <https://news-front.info/2016/10/31/problemy-indejcev-sherifa-nevolnuyut-razgon-mitinga-v-dakote-svyatoslav-knyazev/> (дата обращения: 03.11.2017).

7. URL: https://primechaniya.ru/home/news/avgust_2017/komu_vy_nuzhny_so_svoimi_alimentami/ (дата обращения: 03.11.2017).
8. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фискальный_обрыв (дата обращения: 04.11.2017).
9. URL: <http://www.businessinsider.com/bofamerrill-thelma-louise-the-fiscal-cliff-unlikely-2012-5> (дата обращения: 04.11.2017).
10. URL: <http://baltimorepostexaminer.com/riding-with-thelma-louise-over-the-fiscal-cliff/2012/12/02> (дата обращения: 04.11.2017).
11. URL: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/2907452/posts> (дата обращения: 04.11.2017).

© Л.И. Ихсанова, 2017

Д.А. Ичкинеева
БашГУ, г.Уфа, Россия

Актуализация прецедентного текста на уровне ключевых слов

Ю.Н. Караулов, вводя в научный обиход термин «прецедентный текст», называет следующие характеристики прецедентных текстов: « это тексты 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, 216]. Из данных определений прецедентного текста следует, что сам по себе феномен прецедентности не может рассматриваться вне контекста его восприятия языковой личностью, т.е. механизмов его актуализации. В этой связи представляется целесообразным выявить особенности актуализации прецедентного текста при помощи психолингвистического эксперимента, в ходе которого информантам дается задание выделить слова, наиболее значимые для его понимания (ключевые слова) [3].

Ключевые слова рассматривались в работах многих лингвистов [6; 7; 8; 10 и др.], в которых ключевые слова определялись как «смысловые вехи» или «опорные пункты» в понимании текста. Называя ключевые слова текста «опорными» или «обобщающими» словами, А.Н. Соколов их главной функцией считал «закрепление

содержания текста в уме» [12, 231]. По мнению А.А. Смирнова, такие единицы являются для воспринимающего текст «смысловыми опорными пунктами», «смысловыми вехами», «опорными пунктами понимания» и «возникают в итоге выделения главного, существенного, основного, наиболее характерного» [11, 5]. Таким образом, результаты, полученные в процессе выделения «главного, существенного, основного» представляются релевантными для выявления механизмов актуализации прецедентного текста. Сам факт попадания в набор «опорных пунктов» элементов прецедентного текста свидетельствует о его актуализации.

По мнению Л.В. Шестак «Актуализация прецедентного текста многомерна и гетерогенна в информационном отношении. Актуализируется не только текст, весь или частично. Актуализируется информационный фон горизонтального и вертикального контекста: исторический контекст создания произведения, литературное направление, в рамках которого создан текст, аналогичные темы и «сквозные» герои литературы <...>. Наконец, актуализируется фактор времени, прошедшего после создания текста и реинтерпретировавшего текст новыми читателями, ситуацией, цивилизационным знанием» [14, 88]. Таким образом, актуализация прецедентного текста оказывает непосредственное влияние на семантическое пространство всего текста, и выявление особенностей данной актуализации представляется релевантным в рамках рассмотрения механизмов его восприятия.

Полагаем, что прецедентный текст возможно рассматривать в качестве механизма компрессии информации. Само понятие прецедентности определяется как известность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами [5]. Следовательно, употребление прецедентных феноменов в тексте позволяет автору не описывать связанные с ним явления и события. Сам контекст прецедентного текста актуализирует всю эту информацию, т.е. изучение механизмов актуализации прецедентного текста на уровне ключевых слов (которые также рассматриваются в качестве механизма компрессии информации в тексте [10]) может способствовать пониманию такого феномена как компрессия информации в тексте.

Для того, чтобы определить степень актуализации прецедентного текста в процессе его восприятия нами был проведен

психолингвистический эксперимент, в ходе которого информантам-филологам предлагалось прочитать текст, определить его тему и подчеркнуть в тексте слова, наиболее значимые для его понимания (ключевые слова). В качестве материала использовался отрывок из произведения Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре» (отрывок об учреждении регулярной почты в России). Всего было получено 30 реакций. Информанты работали с текстом индивидуально, время на выполнения задания не ограничивалось.

Прежде чем приступить к анализу полученных данных, следует рассмотреть два аспекта исследования, касающиеся процедуры проведения эксперимента: 1) выбор текста, используемого в качестве материала для проведения эксперимента; 2) выбор в качестве информантов студентов-филологов.

Обращение к книге «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана обусловлено особенностями самого текста. Данный текст удобен для решения задач, поставленных в исследовании, так как повествует о быте и культуре России в XVIII - начала XIX столетия через анализ произведений А.С. Пушкина, что находит свое отражение в структуре самого текста: «Ю.М. Лотман использует разные способы введения в основной текст прецедентных текстов: и точную цитату с указанием источника, и пересказ, и намек» [9, 162]. Ю.А. Сорокин и И.М. Михалева утверждают, что в качестве прецедентных текстов выступают заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений [13, 104]. В используемом нами в качестве материала для эксперимента отрывке есть и прямое указание на повесть А.С. Пушкина («Станционный смотритель»), и цитаты из его произведений («*Наша дева насладилась почтовой скукою вполне*»), и упоминание самого Пушкина.

Выбор студентов-филологов в качестве информантов неслучаен, так как данный эксперимент принципиально отличается от многих других тем, что реципиенты должны иметь навыки анализа текста и применять их при выполнении задания. Реакции, полученные в результате проведения эксперимента, рассматривались в качестве интерпретации текста. Реципиенты в ходе эксперимента включались в «аналитическую исследовательскую деятельность, направленную на структурирование содержательно-смыслового пространства текста» [1, 65]. Кроме того, информанты-филологи в большей степени знакомы с текстами А.С. Пушкина и способны

воспринимать представленный текст, в том числе и с позиции прецедентного.

Всего в 30 реакциях информантами было получено 386 ключевых слов. Следует отметить, что в качестве ключевых информанты подчеркивали не только отдельные слова, но и словосочетания и, в редких случаях, целые предложения. В контексте поставленных в исследовании задач особый интерес для нас представляют слова, выделенные в качестве ключевых, которые могут быть отнесены к прецедентному тексту. Полагаем, что такими словами (согласно приведенному определению прецедентного текста Ю.А. Сорокина) в предложенном информантам тексте являются 1) прежде всего, выражения, в которых упоминается А.С. Пушкин: *пушкинская Ларина* (в 2 реакциях), *Станционного смотрителя Пушкина* (в 5 реакциях). Необходимо отметить, что ни в одной реакции Пушкин не был указан в качестве ключевого слова (только как автор указанных произведений, что свидетельствует об актуализации именно данных текстов, а не прецедентного имени самого Пушкина. 2) имена персонажей: *экономия Лариной, поместье Лариных*, 3) заглавия: *«Станционный смотритель»*, 4) цитаты и их отдельные компоненты: *«Наша дева насладила Почтовой сучкою вполне: Семь суток ехали оне»*, *«Боясь прогонов дорогих, Не на почтовых, на своих»* *«семь суток ехали оне»*. Так же, к прецедентным феноменам были отнесены слова и выражения, взятые самим автором (Ю.М. Лотманом) в кавычки исходя из предположения, что информанты, работая с текстом, принимали их за цитаты, а следовательно, воспринимали их в качестве прецедентных: *«регулярная почта»*, *«петербургского мифа»*, *на «почтовых» обычно длился трое суток* и т.д.

Полученные данные возможны с точки зрения количественного и качественного (содержательного) распределения ключевых слов. Всего было получено 95 слов и выражений, представляющих прецедентный текст, что составляет около 25% от общего количества всех ключевых слов, из чего можно сделать вывод об их значимости в процессе восприятия текста, и, следовательно, о наличии актуализации прецедентного текста. При этом наиболее частотными являлись цитаты из произведений (27 ключевых слов) и слова и выражения, взятые самим автором (Ю.М. Лотманом) в кавычки (27 ключевых слов). Возможно, этот результат обусловлен тем, что в

процессе выполнения задания (подчеркнуть в тексте слова, *наиболее значимые* для его понимания) информанты воспринимают цитаты и кавычки автора как сигнал о том, что эти слова и выражения являются значимыми для самого автора.

Для того, чтобы проследить содержательное наполнение наборов ключевых слов и определить в них роль слов, представляющих прецедентный текст, нами была построена семантическая карта текста, которая генерировалась в информационной системе «Семограф» [2] на основе введенных в неё данных (наборов ключевых слов). После введения данных в информационную систему, производилось распределение ключевых слов по семантическим полям. Всего было выделено 12 семантических полей: *Сословия, Почта, Лошади, Государственное устройство, Путешествие, Быт, Время, Пространство, Действие, Количество, Имена собственные, Пушкин*. В семантическое поле *Пушкин* вошли все обозначенные выше ключевые слова, представляющие прецедентный текст. Далее в информационной системе «Семограф» генерировалась семантическая карта на основе совместной встречаемости слов, репрезентирующих то или иное семантическое поле в реакции одного информанта. Семантическая карта представляет собой таблицу, в которой столбец и строку занимают семантические поля исследуемого текста. В ячейке, находящейся на пересечении строки и столбца, отмечается количественный показатель силы семантической связи между данными полями в изучаемом тексте. В рамках описываемого исследования особый интерес представляет поле *Пушкин* и его взаимосвязь с другими полями. Данные семантической карты свидетельствуют о том, что семантическое поле, представляющее прецедентный текст, связано с полями *Путешествие, Почта, Сословие, Пространство, Государственное устройство*, следовательно, эти поля актуализируются в сознании реципиентов посредством прецедентного текста.

Таким образом, актуализация прецедентного текста на уровне ключевых слов имеет следующие особенности: слова, представляющие прецедентный текст, составляют около четверти от всего количества ключевых слов, что свидетельствует об их значимости в процессе восприятия текста и об участии прецедентных феноменов в компрессии текста. При этом наиболее частотными из них являются цитаты из произведений и слова и выражения, взятые

самим автором в кавычки (что говорит об опоре на структуру текста и ориентацию на интенции автора). Кроме того, на уровне ключевых слов прецедентный текст актуализирует и связывает в сознании реципиента семантические поля, отражающие основное содержание текста.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Роснауки (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых кандидатов наук МК-3382.2017.6).

Литература

1. Белоусов К.И. Семантическая организация текста и его восприятие в аспекте моделирования. Вестн. Оренбург.гос. ун-та. – 2005. – № 8. – С. 120-129.
2. Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Баранов Д.А. Концептуально-гипертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф». Вестн. Оренбург.гос. ун-та. – 2012. – № 11. – С. 56-61.
3. Ичкинеева Д.А. Дискретность как категория текста: теоретико-экспериментальное исследование. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. - Уфа.: БашГУ, 2011.-183 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. Русский язык и языковая личность. – М.: 1987. – С. 216.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический. – М.: Ось-89, 2009. – 560 с.
7. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его. – Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1991. – 172 с.
8. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
9. Салимова Л.М. К вопросу об изучении русской языковой картины мира (по «Беседам о русской культуре» Ю.М. Лотмана). Филологические науки. Вопросы культуры и практики. Тамбов: Издательство «Грамота», 2014. – №1 (31). – С. 160-163.
10. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
11. Смирнов А.А. Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
12. Соколов А.Н. Внутренняя речь и понимание. М.: УРСС, 2007. – 256 с.

13. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98–117.

14. Шестак Л.В. Прецедентный текст: механизмы понимания и трансляции. Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015.– №5. – С. 88-90.

© Д.А. Ичкинеева, 2017

Г.Г. Ишимбаева
БашГУ, г.Уфа, Россия

Интертекст «Золотой книги» Д. Лессинг

Дорис Лессинг (1929–2013) – одна из самых выдающихся и титулованных английских писательниц второй половины XX века, лауреат множества престижных международных наград, в числе которых британские премии Дэвида Коэна и Сомерсета Моэма, испанская премия принца Астурийского, немецкая Шекспировская премия Альфреда Тепфера, итальянская премия Гринциане Кавур. В 1995 г. за многолетнюю плодотворную деятельность в области литературы писательница была удостоена почетной докторской степени Гарвардского университета, в 1999 г. награждена Орденом кавалера почета за особые заслуги перед нацией, в 2007 г. стала лауреатом Нобелевской премии по литературе. «Я получила все призы в Европе, каждый из этих чертовых призов, и я очень рада, что получила их все. Это флеш-ройаль», – сказала восьмидесяти-восьмилетняя Д. Лессинг собравшимся возле ее дома в Лондоне журналистам [1].

В заявлении Королевской шведской академии наук Лессинг названа писательницей, рассказывающей о мире женских переживаний «со скептицизмом, страстью и убедительностью» [1]. Знаменитый итальянский писатель Умберто Эко, один из главных претендентов на Нобелевскую премию 2007 года, сказал, что Лессинг более чем достойна такой награды: «Она абсолютно заслуживает этого. Я очень счастлив, хотя и не настолько, как она» [1].

В творчестве Лессинг выделяются три периода, которые связаны с магистральной тематикой ее произведений: коммунистический (1949–1956), психологический (1956–1969), суфийский.

Вершинный роман второго периода «Золотая книга» был опубликован в 1962 году и по праву считается лучшей книгой Лессинг. Он вошел в сокровищницу мировой литературы как классическое феминистское сочинение. Многие критики стали называть автора «Золотой книги» феминисткой за «неженственную» манеру описания женской агрессии.

Сама писательница не считала себя феминисткой и признавалась, что феминистское движение ей несимпатично из-за того, что оно «слишком идеологизировано». По словам Лессинг, считающие ее феминисткой склонны приписывать ей чересчур радикальные взгляды: «Они [феминистки – Г.И.] хотят от меня, чтобы я сказала: “Сестры, я с вами рука об руку в вашей борьбе, ведущей к золотому рассвету, когда этих чудовищ-мужчин больше не будет”. Хотят ли они, чтобы люди делали слишком упрощенные заявления по поводу мужчин и женщин? Да, и к такому выводу я прихожу с глубоким сожалением» [1].

Авторская саморецепция, безусловно, важна для постижения замысла произведения, а Лессинг подчеркивала, что главное в «Золотой тетради» не собственно переживания женщины, а поиск ею места в обществе, любви, творчестве и политике. В предисловии, написанном в 1971 г., писательница признавалась: «... роман этот вовсе не был задуман как рупор движения за женское освобождение. Он рассказал о многих женских чувствах – об агрессии, негодовании, обидах. Он эти чувства обнародовал в печатном виде. И судя по всему, типичные для женщин мысли, чувства и переживания для многих оказались большим сюрпризом» [3, 7].

Однако само обращение писательницы к гендерной проблематике и способы ее осмысления говорят о близости творческих установок Лессинг и С. де Бовуар и Э. Елинек. За счет внутренних связей «Золотой книги» со «Вторым полом» С. де Бовуар (1949) и диалога с «Любовницами» Э. Елинек (1975) создается определенное интертекстуальное пространство романа Лессинг, основанное на общности темы, на критическом отношении к современной андроцентрической литературе и ее культурным и социальным образцам, на поисках новых андрогинных норм бытия.

Но, помимо этих очевидно идеологических в своей основе интертекстуальных связей, «Золотая книга» демонстрирует и дру-

гой тип интертекстуальности, связанный собственно с поэтикой и с проблемой художественности.

Характеризуя форму своего произведения, Лессинг выделила «костяк, или несущую конструкцию, которая называется “Свободные женщины” и представляет собой небольшой традиционный роман протяженностью примерно в 60 000 слов» [3, 5]. Роман этот разделен на пять частей, между которыми помещены мысли и переживания главной героини, талантливой писательницы и убежденной феминистки Анны Вулф, записанные ею в четыре разноцветные тетради, потому что, «как она понимает, ей необходимо как-то разделять разные вещи, из страха перед хаосом, перед бесформенностью – перед срывом» [3, 5]. Черная тетрадь посвящена воспоминаниям о прошлом в Африке, Красная – современной политике, Желтая – литературному творчеству, Синяя – повседневным событиям. (Два десятилетия спустя этот «разноцветный прием» виртуозно использует М. Павич в «Хазарском словаре» (1984), состоящем из Красной, Зеленой, Желтой книг, в которых представлены христианские, исламские, еврейские истолкования хазарского вопроса).

В романе Лессинг под давлением внешних и внутренних обстоятельств записи в тетрадях Анны Вулф прекращаются, все они завершаются однотипно – «двойной черной чертой» (Черная тетрадь) [2, 586], «двойной черной чертой» (Красная тетрадь) [2, 592], «двойной черной чертой» (Желтая тетрадь) [2, 602], «двойной жирной черной чертой» (Синяя тетрадь) [2, 673]. Это знак окончания дневниковых записей героини, что, однако, не есть конец романа, так как из разноцветных фрагментов нарождается пятая, Золотая тетрадь, становящаяся для Анны Вулф настоящим откровением и помогающая ей найти выход из тупика, обрести гармонию бытия и творчества.

Лессинг подчеркивала, как ей важен герой, который «просто обязан быть каким-нибудь художником, но – “в ступоре”» [3, 11]. Этой формулировке полностью соответствует Анна Вулф, которая, думается, неслучайно носит фамилию главы блумсберийцев Вирджинии Вулф, большое внимание уделявшей гендерным вопросам и проблемам творческих женщин. В частности, в романе «На маяк» (1927) В. Вулф крупным планом изобразила тот тип ге-

роини, о котором позже напишет Лессинг, – «художницу в ступоре» Лили Бриско, сумевшую преодолеть творческий кризис.

По-своему, но с тем же результатом выходит из тупика Анна Вулф. Лессинг делает это особенно очевидным благодаря чеховским аллюзиям и реминисценции.

Основной костяк сюжета «Золотой книги», «Свободные женщины», имеет коллизию «Чайки» А.П. Чехова (1896). Здесь тоже действуют интеллигенты, не знающие, куда приложить свои силы и знания, и творческие люди ищут самореализации; между мужчинами и женщинами складываются изощренно запутанные отношения; поднимаются вопросы истинного и ложного искусства; звучит тема самоубийства сына. Однако в романе Лессинг нет предэкзистенциальной атмосферы чеховской пьесы. В финале «Золотой книги» звучит идея гармоничного разрешения всех конфликтов, чему соответствует и то, что покушавшийся на самоубийство сын остался в живых.

В последней части Желтой тетради Анна Вулф записывает замысел короткого рассказа: «Та же тема, что в “Душечке” Чехова. Но на этот раз женщина меняется не для того, чтобы подстроиться под разных мужчин; она меняется, откликаясь на перемены в одном и том же мужчине, который по своей сути является психологическим хамелеоном, так что в течение одного дня она может воплотиться в полудюжину разных личностей, либо для того, чтобы ему противостоять, либо для того, чтобы пребывать с ним в гармонии» [2, 600]. Этот нереализованный героиней романа замысел свидетельствует о пересмотре чеховской традиции в соответствие с принципами андрогинной литературы нового времени. Лессинг, на наш взгляд, неслучайно завершает схему короткого рассказа словом «гармония».

Так сходятся идеологический и поэтологический аспекты интертекста «Золотой книги» Дорис Лессинг.

Литература

1. Дорис Лессинг получила Нобеля по литературе // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/entertainment/newsid_7039000/7039580.stm
2. Лессинг Д. Золотая книга / Пер. с англ. Е.А. Мельниковой. С.-Пб.: Амфора, 2009. – 736 с.
3. Лессинг Д. Предисловие автора // Лессинг Д. Золотая книга / Пер. с англ. Е.А. Мельниковой. С.-Пб.: Амфора, 2009. – С.5-24.

© Г.Г. Ишимбаева, 2017

Использование эмоциогенного потенциала прецедентных текстов образовательного дискурса как возможный путь к сохранению малых языков и культур

Одной из острых проблем современного мира является проблема сохранения языков и культур. Причем интенсивность снижения количества активно используемых языков во всем мире прямо пропорциональна интенсивности процессов интернационализации и глобализации. В среднем ежегодно исчезает около 12 языков, и к концу XXI в. из существующих сегодня в мире языков может остаться лишь 10% [4]. Проблема уменьшения лингвистического разнообразия в мире является первостепенной задачей относительно молодой науки лингвоэкологии в ее интерлингвальном аспекте.

В 90х гг. М. Краусс создал современную и самую краткую систему определения уровня угрозы исчезновения языков [8]. В этой системе самой важной и значимой для оценки будущего потенциала языка является естественная передача языка детям. Согласно М. Крауссу, язык может находиться на одном из следующих уровней: 1 – безопасный; 2 – под угрозой исчезновения (А – стабильные языки, Б – умирающие языки); 3 – мертвые языки.

Находясь в категории 2А (стабильные языки), башкирский язык, наряду с многими другими языками регионов России, начинает вызывать беспокойство и опасения со стороны культурной общественности региона. Так, в информационном пространстве республики не утихает волна дискуссий об изучении башкирского языка. К 2017 г. на территории Республики Башкортостан процент школьников, добровольно согласных изучать башкирский язык, оказался крайне низким. Поэтому приходится признать, что этот предмет на сегодняшний день является невостребованным. Введение его как обязательный предмет для изучения, как нам представляется, не только не согласуется с государственной политикой РФ, но и малоперспективно в целом. Язык – это живой организм, воспринимаемый на уровне чувств и эмоций (вместе с культурой, ес-

тественной средой обитания которой и является язык), и проникнуться любовью к нему невозможно заставить принудительно.

Нам представляется, что к вопросу сохранения (и, возможно, успешного дальнейшего развития) языка и культуры региона можно подойти иначе. Попробуем в нашем предположении оттолкнуться от прецедентных текстов, составляющих основу не только языка, но и являющихся неотъемлемой частью воспитательного и образовательного дискурса.

Термин «прецедентный текст» был введен в науку о языке Ю.Н. Карауловым. Прецедентными он назвал тексты: 1) «значимые для ... личности в познавательном и эмоциональном (здесь и далее выделено автором статьи) отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. *хорошо известные* и *широкому окружению* данной личности, включая ее предшественников и современников»; 3) тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3].

Важность эмоционального отношения к прецедентным текстам, подчеркнутая Ю.Н. Карауловым, соотносится с ранее высказанными автором статьи предположениями о том, что положительное эмоциональное речевое воздействие в педагогическом дискурсе имеет огромное, подчас решающее значение для результата обучения [2].

Прецедентные тексты десятилетиями, а то и столетиями служат основой обучения, приобщения ребенка к мировой культуре и к культуре своего народа. Становясь учебным материалом, многие тексты заучиваются наизусть, чтобы впоследствии составить костяк фоновых знаний человека [1; 6; 7].

В рассматриваемой ситуации башкирский язык на территории Республики Башкортостан является вторым государственным языком, носителями которого является меньшая часть населения (всего башкир около 30%, и среди них владеющих башкирским языком – 80%) [5]. Следовательно, для большинства населения республики этот язык не является родным. Тем не менее, в республике имеется (и активно поддерживается) естественная культурно-языковая среда, в которой языки воспринимаются значительно легче, чем за партой, за счет эмоциональности, присущей всякому живому речевому взаимодействию.

На наш взгляд, поддержку и развитие башкирского языка, как и любых других малых языков, следует начинать с обеспечения эмоционального принятия соответствующей языку культуры. И поскольку, согласно М. Крауссу, наиболее важным показателем является передача языка детям, необходимо начинать этот процесс именно с детей дошкольного возраста.

Цель первого этапа (привитие интереса к культуре) – создать новые модифицированные прецедентные тексты на основе башкирских сказок (стихов, легенд и т.д.) *на русском языке* с тем, чтобы они были понятны всем детям независимо от их национальности. Тексты необходимо создавать 1) закладывая в них как можно более высокий потенциал эмоциогенного воздействия (они должны вызывать яркие эмоции интереса, радости, сострадания и т.п.) и 2) обязательно с учетом изменившегося психологического портрета современного ребенка. Все созданные экспериментальные тексты необходимо апробировать на достаточных по объему группах детей, чтобы удостовериться в том, что они действительно оказывают заявленное эмоциогенное воздействие. Далее можно сохранить эти тексты в виде изданных книг или аудиокниг и начать активно использовать их в учреждениях дошкольного образования. В республике, богатой творческой молодежью, можно найти резерв кадров, которые смогут создать мультипликационные фильмы и, возможно, компьютерные игры, создающие привлекательный ореол башкирской культуры (ср., например, эмоциогенный эффект от серий мультфильмов о Русских богатырях, Сером волке, Маше и Медведе).

Второй этап, целью которого станет передача языка, необходимо осуществлять в учреждениях среднего образования на добровольной основе. К этому моменту у детей будут сформированы принятие и интерес к башкирской культуре, и с большой степенью вероятности большой процент детей выразит желание изучать башкирский язык, если прецедентные тексты – учебники и хрестоматии будут 1) построены с учетом того, что для большей части детей язык является *новым, не родным* и 2) иметь выверенный положительный вектор эмоциогенного воздействия.

Литература

1. Аиткулова Э.Р., Фаткуллина Ф.Г. Прецедентные феномены как элементы региональной идентичности // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. №1.

URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-kak-elementy-regionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 12.11.2017).

2. Казанцева Е.А. Эмоциональный фон педагогического дискурса: авторитет власти или власть авторитета? / Вестник УГНТУ №1 (19), 2017. – С.119-126.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987" - С. 216.
4. Мозли, К. Атлас языков мира под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] / К. Мозли. – 2010. – <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html>
5. Население Башкортостана. [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Население Башкортостана](https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Башкортостана)
6. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности // Вестник БашГУ. 2011. Т. 16. № 3(1). С. 1002—1005.
7. Фаткуллина Ф.Г., Халимова Р.Р. Лингвопрагматика. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 162 с.
8. Krauss, M.E. The World's Languages in Crisis [Text] / M.E. Krauss // Language. – 1992. – 68(1). – P. 4-10.

© Е.А. Казанцева, 2017

И.Н. Комарова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Основные типологические параметры грамматической системы тибетского языка

Грамматическая система тибетского языка обладает типологическими характеристиками, которые свойственны агглютинативным и флективным языкам. А по определенным типологическим критериям тибетский язык принадлежит к языкам изолирующего строя.

Для тибетского языка характерны типологические параметры, свойственные агглютинативным языкам (ср. турецкий язык): а) совпадение графического, фонетического и морфологического слогаделения при агглютинативно сочлененных морфемах в словах и словоформах *khong*¹ ‘он’ – *khong*¹*ki*³ ‘он’ эргатив, *ki*³ – эргативный показатель, маркирующий субъект действия; прозрачность границ корневой и аффиксальной морфем: *khong*¹ ‘он’ – *khong*¹*la* ‘у него’, локативный показатель *la*² отделен от корневой морфемы; б) гар-

мония гласных особого типа «по раствору» с тенденцией к закрытости гласных, т.е. к узким гласным. При этом наблюдается чередование гласных фонем: $o - u: khung^2 + mo^2 > khung^2 mu^1$ ‘средний палец’, $a - \leftrightarrow: kha^1$ ‘порт’ $> chu^2k \leftrightarrow^1$ ‘порт, переправа’.

Всякий раз вне зависимости от места реализации в слове гласным высокого подъема $i, i:, u, u:, y, y:$ принадлежит «пальма первенства» и они задают тон в двусложном слове, способствуя передвижению гласных на более высокий близлежащий уровень по подъему, что и определяет особый тип тибетского сингармонизма.

Сингармонизм гласных является одним из средств цельноформленности слова. Сингармонические модели, реализуемые в двусложных словах лхасского диалекта тибетского языка, подтверждают, что на суперсегментном уровне существует тесная взаимосвязь между морфемами различного типа – между знаменательными морфемами, а также между знаменательными и незнаменательными морфемами.

Существуют редкие случаи обратного воздействия гласных среднего подъема на гласные высокого подъема:

$u - o: phu^2$ ‘ребенок’ $\rightarrow pho^2mo^1$ ‘девочка’;

$i - e: nyi:^1$ ‘два’ $\rightarrow nye:^2 tong^1$ ‘две тысячи’;

Многие тибетологи полагают, что агглютинация – единственная существенная типологическая черта тибетского языка.

С флективными языками (ср. русский язык) тибетский язык объединяют такие явления, как: а) «внутренняя» флексия при синтетическом типе именного и глагольного формообразования; б) размытость границ фузионно слитых корневых и аффиксальных морфем: nga^2 ‘я’ – $ngE:^2$ ‘мой’ (транслитер, $ngai > nga^2$ ‘я’ корневая морфема + i атрибутивный показатель слились в единое фонетическое, морфологическое и графическое целое). Мена фонем в различных формах одной и той же морфемы может образовать четыре вида изменений флексийных морфов: 1) вокальные количественные, 2) вокальные качественные, 3) консонантные и 4) тонемные. Например, мена кратких и длинных гласных $o - o: cho^2 go^1$ ‘друг’ $> cho^2 go:^1$ ‘у друга’, локатив.

В одной словоформе при чередовании гласных и тонем может происходить одновременно несколько видов «внутренней» флексии, например, 0– O, (II восходящий тон – III низкий восхо-

дыще-нисходящий тон): ko^2 'голова' номинатив > kO^3 'головой', инструменталис.

«Внутренняя» флексия как явление морфонологических преобразований сближает тибетский язык с флективными языками и предстает одним из морфонологических средств выражения форм настоящего, прошедшего и будущего времени глагола. Морфонологическая зона охватывает сегментный (гласные и согласные фонемы) и суперсегментный (тонемы) уровни глагольных основ, имеющих различные серии спряжения: $o - a$, $e - E$, $a - E$: $zhong^1 - zhang^4$ 'считать' – $phe^1 - phE^1$ 'развивать'. После фонетических инноваций в лхасском диалекте распространились новые серии глагольного спряжения: $a - E$, $u - y$, $o - O$: $sa^2 - sE^3$ 'есть, кушать' – 'ел, кушал'; $su^1 - sy^{24}$ 'встречать' – 'встречал'; $ko^1 - kO^{24}$ 'копать' – 'копал'. Сегментный и суперсегментный уровни именных основ при этом охвачены не только «внутренней» флексией, но и «внешней» флексией: cho^2go^1 'друг') – cho^2go^1 'у друга'.

Приведем примеры слияния синтаксических показателей с суффиксальной морфемой и проявления «внешней» флексии (вначале указывается транслитерация слова):

$a - E$ $nyu-pa / nyu^2pa^1$ 'рыбак' – $nyu-pas / nyu^2pE^4$ 'рыбак', эрг.

$a - E$: $rnga-ma / nga^1ma^1$ 'барабан' – $rnga-mas / nga^1mE^4$ 'барабаном', INSTR.

$a - a$: $nying-pa / nying^2pa^1$ 'шея' – $nying-par / nying^2pE^1$ 'на шею', лок.

$a - E$: $stag-pa / tak^1pa^1$ 'береза' – $stag-pa / tak^1pE^1$ 'березы', атр.

При групповом оформлении членов именной группы вокалические альтернации наблюдаются только в крайнем справа члене синтагмы:

$lak^2pa^1 yOn^2pa^1$ 'левая рука', номинатив

$lak^2pa^1 yOn^2pa^1$ 'в левой руке' (букв. рука левой), лок.

Описанные выше факты непосредственного слияния синтаксических показателей с предшествующим словом позволяют сделать вывод о наличии флективного способа соединения морфем в словоформах тибетского языка и выражении внутренней и внешней флексии. Флективный способ соединения морфем в словоформах в составе предложения наблюдается при выражении эргатива,

атрибутивных, временных, пространственных, адрессивных, посесивных и инструментальных отношений. Приведем примеры:

1) при выражении эргатива: *the*² ‘то’ номинатив – *tē*³ ‘то’, эрг. *kho*¹ ‘он’ номинатив *kho*^{2,4} ‘он’ эргатив;

2) при выражении атрибутива: *kho*¹ ‘он’ номинатив – *khO*¹ ‘его’, атр. *zhung*¹ *ko*¹ ‘Китай’, номинатив – *zhung*¹ *kO*¹ ‘Китая’, атр.

3) при выражении локатива: *ri*² ‘гора’ номинатив, – *ri*² ‘в горах’, локатив, *zhung*¹ *ko*¹ ‘Китай’, номинатив – *zhung*¹ *ko*¹ ‘в Китае’, локатив.

4) при выражении посесивных отношений: *nga*² ‘я’ номинатив, – *nga*² ‘у меня’, *kho*¹ ‘он’ – *khO*¹ ‘у него’;

5) при выражении инструменталиса: *ko*² ‘голова’ номинатив, – *kO*³ ‘головой’ INSTR., *qa*¹ *ma*¹ ‘веник’, номинатив, – *qa*¹ *mE*³ ‘веником’, INSTR.

Графическая форма тибетских слов, отличающаяся традиционной орфографией, сохраняет все то, что утратила современная фонетическая система тибетского языка.

С изолирующими языками (ср. китайский язык) тибетский язык типологически сближают некоторые следующие исключительные особенности: а) закрытая система силлаботонических единиц-силлабем, строго фиксированная структура слога с иерархическим делением на инициаль и финаль, представленных парадигмами с различным набором согласных и гласных фонем; в слогах моделей CVC, CV, CV: инициаль представляют двадцать девять согласных фонем *ph, p, th, t, kh, k, kyh, ku, zh, ch, z, c, j, q, m, n, ng, ny, l, w, r, y, x, h, s, sh, hy, lh, f*, в слогах всех пяти фонологических моделей CV, CV:, V:, VC, CVC финаль включает семнадцать кратких и долгих гласных фонем *a, a:, o, o:, u, u:, i, i:, e, e:, y, y:, O, O:, E, E:, ↔* и только восемь согласных фонем выступают в качестве терминали *m, n, ng, k, /, r, w, p*, так как в тибетском языке имеет тенденция к открытости слога; б) ограниченная возможность монофонемной структуры репрезентировать морфемы или одноморфемные слова; г) наличие системы четырех тоном, противопоставленных по признакам: ровный / неровный, восходящий / нисходящий. Будучи важным фонологическим средством, тон связан с такими языковыми уровнями как лексический и грамматический: *khang*¹ ‘дом’, *khang*² ‘который’, *khang*³ ‘снег’, *khang*⁴ ‘удовлетворять’; *sung*¹ ‘защищаю’ (наст. вр.), *sung*⁴ ‘защищал’ (прош. вр.);

*siŋg*¹ ‘выбираю’ (наст. вр. изъяв. накл.) – *siŋg*⁴ ‘выбери’ (повел. накл.).

Функция тонов весьма значительна в словообразовательной системе тибетского языка. В одних случаях самостоятельно употребляющиеся слово и его коррелят в составе двусложного слова являются тождественными, при этом могут наблюдаться незначительные модификации основных параметров тона. В других случаях эти две коррелирующие единицы имеют фонологически значимые различия, выражающиеся в чередовании тоном.

Тонемы, принадлежащие к суперсегментному уровню языка, соотносятся с сегментными единицами – слогом и словом и, соответственно, с их семантическими и грамматическими свойствами. Тем самым выявляются особенности взаимодействия лексических, грамматических и просодических средств в словообразовании и словоизменении тибетского языка.

В исходе двусложного слова тибетского языка, как правило, реализуется максимально высокий тоновой уровень, тем самым проявляется закон допущения в исходе слов только признака «высокий».

Тоновые чередования представляют собой морфологическое средство выражения времени и наклонения в тибетском языке. Например, знаменательный глагол имеет парадигму из двух или трех форм, различающихся значениями настоящего, прошедшего и будущего времени и образующихся посредством внутренней флексии – чередования гласных и согласных фонем, а также тоном:

	Настоящее	Прошедшее	Будущее	
<i>E – O – E</i>	<i>tE</i> ⁴	<i>tO</i> ⁴	<i>tE</i> ⁴	‘давать’
<i>c – z – c</i>	<i>cem</i> ¹	<i>zem</i> ¹	<i>cem</i> ¹	‘шить’
<i>p – ph – p</i>	<i>pi</i> ³	<i>phi</i> ⁴	<i>pi</i> ³	‘сверлить’

Чередование на уровне тоном может быть единственным показателем противопоставления временных форм. В следующих глагольных формах (синтетический тип формообразования) наблюдается чередование тоном при сохранении тождества фонемного состава:

	Настоящее	Прошедшее	Будущее	
I тон – IV тон – IV тон	<i>kung</i> ¹	<i>kung</i> ⁴	<i>kung</i> ⁴	‘прятать’
I тон – IV тон – I тон	<i>tim</i> ¹	<i>tim</i> ⁴	<i>tim</i> ¹	‘растворять’
II тон – I тон – II тон	<i>zhO</i> ²	<i>zhO</i> ¹	<i>zhO</i> ²	‘прятать’

Особо следует сказать о роли нейтрального тона. В пределах изъявительного наклонения аналитические временные формы настоящего, прошедшего и будущего образуются посредством совокупности глагольных основ, частиц и личных форм. При этом частицы *ki*, *pa* отмечены нейтральным тоном:

	Глагол	Частицы	Вспомог. глагол	
Наст. вр.	<i>xe</i> ⁴	<i>ki</i>	<i>re</i> ³	‘(он) знает’
Прош. вр.	<i>qin</i> ¹	<i>pa</i>	<i>yin</i> ²	‘(я) ходил’
Буд. вр.	<i>zho</i> ²	<i>ki</i>	<i>yin</i> ²	‘(я) пойду’

Кроме частиц носителями нейтрального тона являются и вспомогательные глаголы *qung* и *song*, используемые при образовании перфектных форм глагола: например, *nge*²³ *xe*²⁴ *qung* ‘я понял’ (*qung*, нейтр. тон); *kho*²⁴ *nga*:²*xu* *qung* ‘он ударил меня’ (*qung*, нейтр. тон).

Обратимся к оппозиции форм изъявительного и повелительного наклонений, где также наблюдается чередование тоном по признаку «ровный-нисходящий»: I высокий ровный тон чередуется с IV высоким нисходящим тоном. Например:

	Изъявит. наклонение		Повелит. наклонение
<i>kong</i> ¹	‘выполняю’	<i>kong</i> ⁴	‘выполни’
<i>nyong</i> ¹	‘ставлю ловушку’	<i>nyong</i> ⁴	‘ставь ловушку’

Таковы основные особенности типологических параметров грамматической системы тибетского языка.

© И.Н. Комарова, 2017

Доминантность как универсальный принцип функционирования смысла

«В высшей степени заманчиво свести всю жизнь к одному элементу, из которого бы слагались различные ее явления, подобно тому, как все числа одного и того же ряда слагаются из одной и той же единицы. К тому же и стремление к отысканию такого элемента вполне законно. Этим стремлением жила человеческая мысль во все времена ...» [4, 320] – такое философское изречение предваряет первую серьезную научную работу Алексея Алексеевича Ухтомского, ныне великого отечественного физиолога, имя которого широко известно в научных кругах не только постсоветского пространства, но и за рубежом, а в далеком октябре 1895 года простого курсанта Московской духовной академии. Именно им сформулированному принципу работы нервных центров и будет посвящена данная статья.

Несомненно, каждому из нас приходилось сталкиваться с ситуацией, когда невозможно выкинуть из головы навязчивый мотив песни из рекламного ролика. Но мало кто задумывается, что такая, казалось бы, не очень приятная способность нашего мозга прокручивать в голове одно и то же в течение долгого времени, объясняется довольно просто: причиной всему служит кратковременный очаг доминанты в головном мозге, принципы возникновения которой изучил и сформулировал А.А. Ухтомский

Попробуем разобраться в сути данного явления и пояснить, как очаг доминанты конкретного человека способен управлять и влиять на все аспекты его жизнедеятельности. Прежде всего, стоит отметить, что работа над данной концепцией велась ученым и его сподвижниками в течение многих лет, постепенно шлифовалось определение и добавлялись характеристики явления.

Под «доминантой» в работе Ухтомского понимается «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в оча-

ге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко различны явления торможения» [4, 15].

Что немаловажно, ученый подчеркивает в своей работе тот факт, что доминанта – не некое абстрактное «неподвижное» образование, а след в цепочке нейронных связей, который может изменяться в зависимости от приобретенных знаний, изменения мировоззрения, пережитого опыта, т.е. доминанта обладает инертностью или, другими словами, «склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась, и прежние поводы к реакции ушли». «Я узнаю вновь внешние предметы, насколько воспроизвожу в себе прежние доминанты, и воспроизвожу мои доминанты, насколько узнаю соответствующие предметы среды» [4, 22] (примером может служить способность музыки или ароматов воспроизводить точные воспоминания конкретных событий в сознании человека).

Из-за строгой советской цензуры мысли А.А. Ухтомского стали доступны широкой публике только в начале 90-х годов прошлого века в виде сборника статей и выступлений разных лет. Однако, только в последнее время принцип «доминантности» приобрел небывалую популярность в научном сообществе. Упоминания данного явления можно встретить в огромном количестве работ в разных областях познания (что еще раз доказывает универсальность данной категории). Приведем несколько примеров того, как данный принцип коррелируется с различными категориями в науке.

Доминанта в **культуре** отождествляется с основными художественными идеями. В **эстетике** – с господствующим идеалом, ценностью. В **музыке** – с центральной, господствующей и наиболее устойчивой ступенью лада. В **литературе** – с идеей, контекстом, концепцией. В **дизайне** – с формой и пространством. В **архитектуре** – с господствующим элементом композиции ансамбля.

Понятие доминанты стало одним из плодотворных понятий в **филологической науке**, что подтверждается его активным использованием в литературоведении, лингвистике и в психолингвистике. Здесь стоит упомянуть такие громкие имена как А.А. Потебня, В.Б. Шкловский, Р.О. Якобсон.

В **психологических исследованиях** научно обосновывалась связь доминанты с вниманием, предметно-образным мышлением, эмоциями, целенаправленным поведением (А.А. Ухтомский), с установкой (Д.Н. Узнадзе), с акцентуацией характера человека (Л.С. Выготский). Доминанта рассматривалась косвенно как основа мотивации (Е.П. Ильин, Л. Маслоу); процессов и форм внимания, в том числе и при восприятии художественного произведения (В.Л. Барabanщиков, Н.Н. Волков, П.А. Кудин, Б.Ф. Ломов, А.А. Митькин, С.Л. Рубинштейн, Э.Б. Титченер).

С позиций психолингвистики понятие **принципа доминантности** получило детальную разработку в соотношении с понятиями смысла, «смысловых вех» и содержания текста в концепции А.И. Новикова, изучавшего закономерности восприятия текста. На основе психолингвистических экспериментов А.И. Новиков считает **доминантность** одним из основных принципов формирования смысла в процессе транспозиции при восприятии текста [3].

Стоит упомянуть, что **транспозиция** — это один из основных приемов, который используется испытуемыми при свертывании воспринимаемого текста, а, следовательно, и при его осмыслении. Здесь имеет место своего рода «стяжение» содержания за счет установления отношения между некоторым выражающим это содержание фрагментом текста, величина которого может колебаться в достаточно широких пределах, и поставленной ему в соответствие некоторой другой единицы, значительно меньшей в количественном отношении, но способной замещать это содержание на другом уровне репрезентации.

Установленная между этими уровнями репрезентации субъективная связь конвенционального характера базируется на отношении функциональной значимости. Оно возникает в результате соотнесения воспринимаемой информации **со смысловой сферой личности и оценки этой информации с точки зрения ее места и роли в этой смысловой сфере**. Вследствие этого замещающий элемент образовавшейся конвенциональной пары приобретает статус выделенности, особой значимости, определенной ценности. Это превращает такой элемент в **доминанту**, т.е. точку, выступающую из общего фона, образуемого линейной последовательностью текстовых единиц.

Есть основания считать, пишет А.И. Новиков, что доминантность, возникающая на основе транспозиции в процессе восприятия текста, представляет собой один из наиболее общих и существенных принципов, на основе которого возникает и функционирует смысл [2, 44].

Гипотетически, именно главенствующий очаг доминанты в головном мозге реципиента и определяет, какой смысл он увидит, а точнее «припишет» тексту. Что интересно, исходя из возможностей доминантного очага угасать, но при этом оставлять в нервной системе неизгладимый след, чтобы затем при появлении схожих условий разгореться с новой силой, а также видоизменяться в зависимости от новых знаний или пережитых ощущений, можно предположить, что восприятие одного и того же текста одним и тем же человеком будет кардинально отличаться в разные периоды его жизни. Вот почему мы читаем и перечитываем одни и те же тексты, «открывая» для себя каждый раз новые смыслы. Вот почему так отличаются переводы, выполненные не только разными людьми, но одним и тем же переводчиком. Н.М. Нестерова (д.ф.н., г. Пермь) в своей статье «Sensum de Sensu: Смысл как объект перевода» приводит классический пример различия смыслов одного и того же текста одним человеком в разные моменты его жизни. Речь идет о переводах «Сельского кладбища» Т. Грея (An Elegy Written in a Country Churchyard), выполненных В.А. Жуковским. Всего имеется три варианта перевода, датированные 1801, 1802 и 1839 годами. Сравним начало второго и третьего переводов, значительно разделённых во времени. Последний перевод был сделан непосредственно в Англии, где поэт посетил кладбище в Виндзоре, вдохновившее в свое время Грея. Это не могло не сказаться на формировании совсем иной доминанты в сознании Жуковского-переводчика (по сравнению с той, которая могла быть у девятнадцатилетнего начинающего поэта) [1, 87].

The curfew tolls the knell of parting day;
The lowing herd wind slowly o'er the lea;
The ploughman homeward plods his weary way,
And leaves the world to darkness and to me.

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;

Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой. (1802)

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает;
С тихим бляньем бредет через поле усталое стадо;
Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший
Мир уступая молчанью и мне. (1839)

Смысловое различие очевидно. Особенно во второй строке, где рисуются абсолютно разные по настроению картины: в одном случае стада «шумящие», «толпящиеся», в другом — «тихие» и «усталые». Если в первом варианте стада и герой находятся в разных состояниях, то во втором, наоборот, их состояния гармоничны: их объединяет усталость и тишина, их окружающая.

Как мы видим, процесс восприятия, а вместе с ним и смыслообразования носит уникальный характер, что подтверждает влияние личного опыта, сферы деятельности в конкретный момент, начитанности, общего кругозора (что и является доминантами) на восприятие нами не только текстов, но и мира в целом.

Грандиозная работа по разработке влияния принципа доминантности на процесс смыслообразования, которую задумал А.И. Новиков, к сожалению, не была им завершена. Но он оставил после себя прекрасные идеи и стимул к продолжению исследований его учениками и соратниками.

Литература

1. Нестерова Н.М. *Sensum de Sensu*: смысл как объект перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. - 2009. - № 4. - С. 83-93.
2. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики : сб. ст. М., 2001. С. 44
3. Новиков, А.И. Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков. - М.: Институт языкознания РАН, 2007. - 224 с
4. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448с.

© А.Н. Котельникова, 2017

Е.В. Котельникова
РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия,
В.В. Котельников
ВебРост, г. Ростов-на-Дону, Россия

Сетевое исследование общности сознаний участников групповой коммуникации

Образовательные сообщества существуют не только формально, но и объединяясь чувствами и переживаниями участников общения, психической связью в процессах коммуникации [1] на основе стереотипов сознания, поведения и языковой практики [2]. Оптимальное функционирование коммуникационных процессов в таких сообществах связано с их эффективностью, обеспечивающей полное доведение до коммуникантов смыслов, ориентированных на них, и соотносением передаваемых знаний с текущим уровнем компетенций. Содержание и структура прогнозируемого дискурса общения [4] и средств языка для его выражения должны быть доступны участнику общения, которому надлежит принять и адекватно интерпретировать сообщения информационного адресанта. Из всех факторов, влияющих на процесс коммуникации, к основным относится коммуникативный портрет (КП) адресата, создаваемый адресантом на основе имеющейся у него информации. КП представляет собой упорядоченную и взаимосвязанную совокупность сведений об адресате, необходимых адресанту для инициирования дискурса «понятного» адресату. К ним относятся сведения о личности, ее принадлежности к той или иной общественной группе, о роде профессиональных занятий, предварительное знание адресантом каких-либо устных или письменных высказываний. Так, определение исходной компетентностной базы и психотипов обучающихся необходимо, в частности, для составления плана и подготовки материала к проведению учебных занятий.

В общей постановке КП коммуниканта определяется объемом и содержанием располагаемых им знаний о действительном или виртуальном мире и образует систему необходимых адресанту сведений о сторонах личности, обуславливающих его атрибуцию в качестве адресата. КП образует собственный базис, с которым он будет в явной или неявной форме соотносить новую информацию,

получаемую в посланиях адресанта. КП соотносится с картинами мира участников коммуникации, что позволяет адресанту прогнозировать ее. В повседневной практике вербального общения специальных исследований КП не производится, и адресант, как правило, не располагает нужным объемом объективной информации для построения КП. В силу этого КП формируется на основе субъективных знаний о коммуниканте.

Наибольшую сложность представляет выявление группового КП. Знание КП особенно актуально для преподавателей, работающих с многочисленными группами студентов в ограниченных временных рамках. Априорная методика построения КП рассматривает и использует как чисто лингвистическую информацию о характеристиках вербальных посланий (в процедуре контент-анализа), так и экстралингвистическую, пытаясь выявить семантику «студенческого дискурса». Вследствие недостаточности подобных знаний адресант в ходе общения спорадически и порою неадекватно корректирует и дополняет КП адресата. Поэтому сведения, формирующие КП, являются хотя и априорными, но фрагментарными и недостаточно систематизированными.

Цель статьи – актуализация сценария синтеза коммуникативного портрета группового адресата студентов ВУЗов на основе инструментов социальных сетей.

Базу исследования составили данные анкет студентов Южного федерального университета, Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Донского государственного технического университета, Ростовского института иностранных языков с годами выпуска с 2018 по 2021, обучающихся по гуманитарным специальностям (журналистика, филология и т.п.). Филиалы вузов не рассматривались.

Синтез КП как субъективное представление адресанта, полученное на основе всей имеющейся у него информации о сторонах личности потенциального коммуниканта, представляет многокомпонентную проблему, содержащую большой массив разнообразных сведений. Подобную информацию можно получать разнообразными способами, в том числе обычным анкетированием. Однако этот процесс является достаточно ресурсоемким и иногда не соответствует реалиям поведения коммуниканта. Поэтому нами в качестве инструмента исследования выбран сценарий сетевого

синтеза КП группы адресатов [3], основанного на использовании программных инструментов.

Выбор групп для анализа целевой аудитории в первую очередь определяется возрастной категорией коммуникантов. Мы предположили, что возраст учащихся находится в интервале от 18 до 24 лет. Так как среди граждан России в этом возрасте наибольшей популярностью пользуется социальная сеть «ВКонтакте» (92 %) [5], она была выбрана в качестве инструмента исследования.

Для анализа и разбора информации о студентах из сети «ВКонтакте», выявления уникальных признаков или закономерностей составления фрагментов КП студенческой аудитории, построения правил их «выделения» и «захвата» использовались средства программного обеспечения для сбора данных из анкет и активности пользователей сети. Проводился подбор аудитории по дате рождения и месту обучения, сбор сообществ, на которые подписана аудитория, выделение сообществ, находящихся в нескольких группах; отслеживание пользователей, друзья которых уже состоят в интересующих сообществах.

В качестве концептуальных переменных в данном случае использовались как тематические категории, значениями которых становятся многочисленные языковые корреляты соответствующих категорий, так и категории коммуникативного содержания. Абсолютная частота концептуальных переменных определяется как совокупность абсолютных частот ее значений (языковых репрезентантов). В процессе исследований определяется полный список значений для учета всех вхождений концептуальной переменной для студентов соответствующих групп локальных сетей. Таким способом выявляются параметры общности сознаний. Информация о статистических закономерностях функционирования языковой системы сети, полученная с привлечением методов количественной лингвистики на основе контент-анализа, позволяет по частоте употребления лексем реконструировать, ценностные ориентации коммуникантов. Для рассмотренных 1618 анкет ниже указаны количества выборов по каждому отдельному пункту анкеты в процентном отношении к общему числу заполненных аналогичных пунктов всех анкет:

- *Пол:* девушки - 88,69%, юноши - 11,31%.

- *Город*: Ростов-на-Дону (80,2 %), Москва (2,4 %), каждый из остальных пунктов анкеты менее 2 %.

- *Возраст*: 21-23 (54,8 %), 18-20 (41,4 %), 24-26 (2,2 %).

- *Источники вдохновения*: музыка 25,9 %, люди 17,1%, жизнь 7,6 %, мир 4,4 %, природа 4,4 %, каждый из остальных пунктов анкеты менее 4 %.

- *Интересы*: музыка 20,3 %, путешествия 10,2 %, литература 9,3 %, книги 7,8 %, танцы 7,6 %, иностранные языки 6,8 %, кино 6,8 %, каждый из остальных пунктов анкеты менее 5 %.

- *Главное в людях*: доброта и честность 48,4 %, юмор и жизнелюбие 19,4 %, ум и креативность 16,6 %, смелость и упорство 13,8 %, власть и богатство 1,0 %.

- *Главное в жизни*: саморазвитие 47,7 %, семья и дети 32,2 %, совершенствование мира 8,2 %, красота и искусство 5 %, каждый из остальных пунктов анкеты менее 5 %.

- *Отношения*: не женат/не замужем 37,5 %, влюблён/влюблена 19,3 %, женат/замужем 17,1 %, есть друг/есть подруга 11,1 %, в активном поиске, 10,4%, помолвлен/помолвлена 2,9 %, всё сложно 1,4 %.

- *Музыка*: Сплин 9,4 %, Linkin park 8,6 %, Placebo 7,9 %, Muse 7,9 %, System of a down 6,3 %, Three days grace 6,3 %, Rammstein 6,3 %, Arctic monkeys 6,3 %, Depeche mode 5,5 %, Metallica 5,5 %, Nickelback 5,5 %.

- *Фильмы*: Гарри Поттер 7,8 %, Бойцовский клуб 6,1%, Титаник 5,2%, комедии 5,2%, Хоббит 5,2%, Достучаться до небес 5,2 %, Начало 5,2 %, Хатико 4,3 %, Великий Гэтсби 4,3 %, Престиж 4,3 %.

Политические взгляды: умеренные 34,1%, либеральные 23,6%, индифферентные 14,8%, монархические 10,4%, коммунистические 6,0%, социалистические 5,5%, каждое из остальных менее 5%.

Анкеты социальной сети Вконтакте не заполняются полностью по отношению к традиционному анонимному тестированию что, возможно, вызвано определенным скептицизмом вследствие опасения идентификации личности. Обработка результатов проводилась в Excel, были определены общие присущие коммуникантам схожие черты характера, образования, культуры, особенности вкусов, цели, привязанностей, устремлений.

Вероятностный образ КП изучаемого студенческого сегмента ростовских вузов может соответствовать девушке из г. Ростова-на-Дону в возрасте от 18 до 23 лет, разделяющей идеалы справедливости, стремящейся изучать языки, но отдающей предпочтение русскому и английскому языкам, любящей общение и путешествия, увлекающейся музыкой и литературой, ценящей книги Булгакова и Достоевского, а также классическую американскую литературу, предпочитающей зарубежные современные фильмы и музыку и находящейся под определённым влиянием англосаксонской литературы и кинематографа, ценящей в людях доброту, честность, юмор, жизнелюбие и креативность, нацеленной на саморазвитие, не состоящей в браке, но стремящаяся к образованию семьи. Формированием подобного образа квантитативным методом анализа завершается первая часть исследования.

Вторая часть исследования посвящена синтезу коллективной языковой личности. Для этого с помощью парсера собраны все сообщества, на которые подписаны студенты, найдены 7250 сообществ, в которых пересекаются интересы наших участников, и выбраны те, в которых состоят 5 и более человек из нашей группы. Все названия сообществ занесены в один файл и исследованы при помощи анализатора частотности слов. В результате по частотности повторения слов в заголовках получены сегменты интересов нашей группы и выделены определенные исследуемые категории.

Основные черты КП студентов лингвистических специальностей проявляются в особенностях их речевого поведения в электронной форме дискурса, к которым относятся использование специфического студенческого жаргона, обыгрывание иностранных слов, сознательное употребление сниженной лексики, сокращение этикетных формул или пренебрежение ими в процессе общения, элементы агрессивности письменной речи, сленг, демонстрация фамильярности, употребление инвективной лексики, общение посредством изображений, граффити, лайков, комментариев, манифестирующих отношение к окружающему миру. На базе отбора между синонимически возможными средствами общения выявляются конкретные средства, выражающие те или иные коммуникативные интенции, и определяются смыслы аутентичных высказываний. С учетом этих признаков формулируются выводы об основных чертах определённых типов сознания коммуникантов, выяв-

ляются их приоритеты, активность и пассионарность, особенности мышления и коммуникативные способности, с учетом заключенных в них собственных интенций. Если количество привлекаемых текстов и экстралингвистической информации достаточно, то сделанные выводы распространяются на всю группу общения. Предполагается продолжить квантитативное исследование качественного анализа дискурсивной практики коммуникации.

Таким образом, активное и корректное использование социальных сетей создает предпосылки для синтеза коммуникативных портретов и групповых адресатов с учетом атрибутивных характеристик коммуникантов, отражающих их психотипы и уровень компетенций, что позволяет получать достаточно адекватное представление о коллективном коммуникативном портрете студентов, характеризующим относительную общность их сознаний. Результаты исследований дают нам возможность, опираясь на апостериорные знания, эффективно выстраивать и актуализировать вербализованные цели, смыслы и ситуации общения, преодолевать барьеры образовательной коммуникации. Отдельные признаки такого портрета могут быть использованы преподавателями различных специальностей при написании методических и учебных пособий, проведении семинаров, лекций и других форм учебных занятий.

Литература

1. Голуб О.Ю., Тихонова С.В. Теория коммуникации: учебник О.Ю. Голуб, С.В. Тихонова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2012 – 388 с.
2. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности/Социологические исследования, № 4, Апрель 2010, С. 3-12 Автор:.
3. Котельников В.В., Котельникова Е.В. Сетевое продуцирование коммуникативных портретов индивидуальных и групповых адресатов// Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы V международной научно-практической конференции, 20 июня 2017 / отв. редактор С.А. Стройков. – Самара: СГСПУ, 2017. – 144 с.
4. Макаров М.Д. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
5. ВЦИОМ рассказал о популярности социальных сетей в России [Электронный ресурс], URL: <http://r-v-s.su/novosti/2017/vciom-rasskazal-o-populyarnosti-socialnyh-setey-v-rossii#hcq=Usz4Jjq> (дата обращения: 05.05.2017).

© Е.В. Котельникова, В.В. Котельников, 2017

Влияние языковой культуры на языковое сознание

Сегодня термин «языковое сознание» можно встретить в исследованиях по философии, психологии, лингвистике, литературоведению и культурологии. Термин стал активно использоваться в середине XX века в работах по структурной лингвистике. Следует отметить, что до сих пор содержание термина «языковое сознание» не имеет четкого и ясного определения. В одном термине соединяются два самостоятельных понятия – «сознание» и «язык». Но из-за сложности двух явлений довольно трудно понять языковое сознание как цельное явление, образующее новое смысловое поле. Ряд исследователей под термином «языковое сознание» понимают «речевое сознание», «языковое мышление», «вербальное мышление». Согласно А.А. Залевской, «при оперировании этим термином мы попадаем в ловушку магии слов: если нечто *языковое*, то оно должно адекватно передаваться языковыми средствами, которые кажутся самодостаточными, полностью поддающимися анализу и описанию с позиции соответствующей науки – лингвистики; если речь идет о *сознании* то вроде само собой разумеется, что ничего неосознаваемого (к тому же – не вербализованного!) изначально не допускается» [1, 30]. Исследователь подчеркивает, что «языковое сознание» протекает на различных уровнях осознаваемости. В работах А.Н. Леонтьева представлены 4 уровня осознаваемости: актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое.

Интересно мнение А.А. Залевской, что язык не может рассматриваться как самодостаточная сущность, что язык «паразитирует» на невербальных средствах репрезентации мира у человека, он не может ничего значить сам по себе, без опоры на перцептивные и когнитивные процессы и на эмоционально-оценочные переживания индивида [1, 31].

Следует отметить, что важной является роль словесных знаков в языковом сознании. Они находятся в самом ядре языкового сознания. Именно слова определяют основные культурные концепты. Языковые знаки выступают не как внешняя оболочка кон-

цептов, а являются средством их смыслового обогащения. Слова-знаки обозначают предмет и выделяют в нем свойства, помогают отнестись к определенным категориям.

Языковое сознание как результат творчества формируется при овладении языком как инструментом познания. Оно может обладать направляющей силой познания человека, а также определяющей точку зрения на мир.

Основой культуры является язык, и его развитие протекает по мере развития культуры. Языковая культура – это определенный уровень языка, отражающий принятые литературные нормы данного языка, правильное использование грамматических, лексических, фонетических единиц и средств. Языковая культура неразрывно связана с языковым сознанием. Все языковые процессы оказывают влияние на языковое сознание, подвергают изменениям.

Рассмотрим определение понятия «культура языка», которое находится в словаре-справочнике: согласно первому значению – это свойство образцовых текстов, закрепленных в памятниках письменности, выразительные и смысловые возможности языковой системы. По второму значению – это культура речи [2]. Предложенные определения помогают понять смысл и раскрыть понятие «языковой культуры». Язык общества и отдельной личности напрямую отражают уровень культуры всей нации. Благодаря языковой культуре устанавливается место человека в обществе, формируется и организуется его коммуникативный и жизненный опыт. Сегодня велик спрос на профессионалов, владеющих определенным культурным уровнем и лингво-культурной компетенцией. От умений и навыков грамотно владеть языковыми единицами и выразительными средствами зависит успех специалиста в любой сфере. Человек, обладающий высокой языковой культурой, сможет передать всю красоту и многообразие языка, а также достигнет эффективного общения с людьми для решения социальных, экономических, политических и других проблем. От уровня языковой культуры зависит формирование языкового сознания. Эмоциональность восприятия языка, ценностная ориентация, языковая эрудиция находятся под огромным влиянием языкового культурного уровня. Языковое сознание и языковая культура всегда будут находиться в динамике, в постоянном развитии и совершенствовании.

Литература

1. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. №1. С.30-34.
2. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: общее языкознание. Социоллингвистика: словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.

© А.А. Кулыева, 2017

Н.А. Курашкина
БашГУ, г.Уфа, Россия

Современные тенденции в развитии зарубежной эколлингвистики

Эколлингвистика как междисциплинарная область исследования берет начало с работы Э. Хаугена [5], впоследствии разделившись на две генеральные линии: линию экологии языка, представляющую собой развитие идей Э. Хаугена, и линию языковой экологии, внедренной М. Халлидеем [4], где экология воспринимается в биологическом смысле (см. подробнее [1]). В 1995 г. А. Филл [3] впервые использует понятие *эколлингвистика* как единый термин для всех областей исследования, объединяющих экологию и лингвистику.

В XXI веке внутри эколлингвистики сформировалось множество подходов, отчасти обусловленное неоднозначностью трактовки самого понятия *экология*. Следует отметить, что на экологической волне возникли такие направления, как экокритика (*ecocriticism*), экопоэтика (*ecopoetics*), экофеминизм (*ecofeminism*), экопсихология (*ecopsychology*), экосоциология (*ecosociology*), экоистория (*ecohistory*), политическая экология (*political ecology*), инвайроментальная коммуникация (*environmental communication*) и др. [9, 7].

С.В. Стеффенсен и А. Филл отмечают четыре различных интерпретаций экологии (в смысле языкового окружения), лежащих в основе разнообразных эколлингвистических подходов. Язык существует 1) в *символической экологии* (*symbolic ecology*): этот подход позволяет изучать сосуществование языков, или символических систем, в пределах отдельно взятого географического региона

(язык в окружении других языков); 2) в *природной экологии* (*natural ecology*): изучается отношение языка к его биологическому и физическому окружению (топография, климат, фауна, флора); 3) в *социокультурной экологии* (*sociocultural ecology*), где формирует условия для коммуникационных сообществ; 4) в *когнитивной экологии* (*cognitive ecology*): при изучении фокусируется внимание на когнитивных возможностях, обеспечивающих гибкое, адаптивное поведение организмов [8, 7].

А. Стиббе представляет альтернативную *гуманитарную экологию* (*human ecology*), включающую в себя все вышеназванные интерпретации экологии, которые следует рассматривать как факторы, оказывающие влияние на человеческое поведение, а потому воздействующие на экологию взаимодействующих организмов [9, 8].

Проблема сосуществования языков – это одна из важнейших областей исследования на сегодняшний день, которую предпочитают подавать под названием языковой экологии (экологии языка), нежели как эколингвистику. Другая исследовательская линия в рамках языковой экологии включает в себя изучение вопросов языкового сдвига, пиджинизации и креолизации. Еще одна традиция связана с изучением проблемы исчезновения языков, где во главу угла поставлена задача сохранения языкового разнообразия как необходимого условия для создания языковой устойчивости (*linguistic sustainability*). Многие ученые подчеркивают связь символической экологии языка с микро и макро политическими процессами (см. подробнее [8, 8-9]). Фактически экология языка с момента своего появления имеет много точек соприкосновения с социолингвистикой.

Последнее десятилетие отмечено появлением большого количества работ, посвященных экологии изучения языка и языковой социализации (*ecology of language acquisition and language socialization*), ставшими актуальными благодаря процессам глобализации и сформировавшейся в результате мультикультурной модели образования (см. подробнее [6]). Реализуя данную модель, руководствуются тремя аспектами экологической психологии восприятия Дж. Гибсона: 1) при погружении в язык проявляется мультисенсорная природа языкового восприятия, реализуемая в единстве с действием; 2) изучение языка происходит по индивидуальной тра-

ектории, т.е. возможности активного действия варьируются от индивида к индивиду и от ситуации к ситуации; 3) предоставляемые возможности (аффордансы) есть не что иное, как значимые способы соотнесения с окружающей средой через восприятие в действии (L. van Lier – по [8, 13-14]). В конечном итоге, обучение языку оказывается ориентировано на творческий потенциал самого языка как системного процесса (*languageing*), который реализуется в конкретных ситуациях [8, 14-15].

При всем многообразии существующих взглядов прослеживается недостаток интеграции между сложившимися подходами, объединяющими язык и экологию. С.В. Стеффенсен и А. Филл выступают за создание унифицированной эколлингвистической науки (*unified ecological language science*), предлагая натурализованную модель языка (*naturalized model of language*) как один из возможных способов реконцептуализации инвайроментальных проблем [8, 16-20]. В основе натурализованной лингвистики, которая, по признанию С.В. Стеффенсена, должна образовать «золотую середину» между двумя полюсами: сводящим язык к биологии и воспринимающим язык без соотнесения с биологией, лежит неметафорический подход к языку [7, 204]. В свете натурализованной и реалистической философии науки эколлингвистика предстает как область изучения процессов и деятельностной активности, с помощью которых человеческие существа (индивидуумы и группы) используют физическую среду для создания расширенной, наполненной смыслом экологии, которая поддерживает их траектории существования; одновременно это наука о пределах указанных процессов и деятельностной активности (организменных, общественных и экосистемных), т.е. о реализации возможностей поддержания здорового существования как для человека, так и для других уровней жизни [8, 21]. Предлагаемая форма эколлингвистики учитывает то обстоятельство, что человек встраивается в более широкие жизнеобеспечивающие системы.

Подводя итог, необходимо отметить следующие тенденции, прослеживающиеся в зарубежной эколлингвистике: 1) уход от экологических метафор и метафорической концепции самого языка в сторону разумного баланса между его биологической и социокультурной природой; 2) погруженность языка в различные среды (символическую + природную + социокультурную + когнитивную

= гуманитарную) обуславливает его системное, натурализованное, динамическое существование (*naturalized languaging*); 3) некоторые эколлингвистические направления не являются продолжением идей Э. Хаугена, но развиваются с опорой на экологическую психологию восприятия Дж. Гибсона; 4) большинство эколлингвистических направлений демонстрирует единообразное видение взаимоотношения человека с природой, которое характеризуется такими понятиями как системная, синергетическая, холистическая парадигма, что предполагает отказ от дуалистического восприятия этих отношений в пользу восприятия целостного, с одной системой «организм – среда»; 5) в результате лингвистика все в меньшей степени рассматривается как отдельная и независимая наука; она приобретает черты полипарадигмальности, превращаясь в общенаучную дисциплину, т.к. ей отводится главная роль в решении большого спектра общечеловеческих проблем, включая экологические.

В целом эколлингвистика несет в себе черты синергетической (постнеклассической) научной парадигмы, которая направлена на всестороннее и многоаспектное изучение объектов открытой, диссипативной природы (см. подробнее [2]).

Литература

1. Курашкина Н.А. Истоки и пути развития эколлингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. («Современные научные исследования. Выпуск 5»). – С. 246–250. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86950.htm>.
2. Курашкина Н.А. Место эколлингвистики в постнеклассической научной парадигме // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 51–69. – URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kurashkina-N.A.pdf>
3. Fill A. Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 43–53.
4. Halliday M.A.K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics [1990] // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. – London and New York: Continuum, 2001. – P. 175–202.
5. Haugen E.I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. – Stanford, California: Stanford University Press, 1972. – 368 p.

6. Kramersch C., Steffenson S.V. Ecological perspectives on second language acquisition and socialization // Encyclopedia of Language and Education / Ed. by Duff P.A., Hornberger N.H. – Vol. 8: Language Socialization. – Berlin: Springer Science+Business Media LLC, 2008. – P. 17–28.
7. Steffensen S.V. Beyond mind: an extended ecology of languaging // Distributed Language / Ed. by S.J. Cowley. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 185–210.
8. Steffensen S.V., Fill A. Ecolinguistics: the State of the Art and the Future Horizons // Ecolinguistics: The Ecology of Language and Science: Special Issue of Language Sciences, Vol. 41, Part A. – 2014. – P. 6–25.
9. Stibbe A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. – London and New York: Routledge, 2015. – 210 p.

© Н.А. Курашкина, 2017

О.А. Майорова
БГМУ, г. Уфа, Россия

Спациальные аспекты интертекстуальности

Современные высокие технологии развиваются взрывообразно, предоставляя в наше распоряжение новые способы коммуникации, познания, взаимодействия с окружающей реальностью, конструирования концептуальной пространственности, в которых меняется не только наш образ жизни, но и архитектура мозговых структур. Высокие технологии (хай-тек) в виде компьютеров, смартфонов, планшетов, видеоигр, интернет-поисковиков, мобильных телефонов со встроенными объективами и камерами заставляют работать нервные клетки в новых сетевых режимах, вытесняя наработанные эволюцией параметры. Все это дает основание говорить о «цифровой революции», «которая происходит на наших глазах, заставляет мозг эволюционировать прямо сейчас - причем в невиданном прежде темпе» [1, 14]).

Пространственность, в которой мы обитаем, в значительной степени формируется посредством языка в рамках явления интертекстуальности. Статья посвящена исследованию спациальных аспектов названного феномена.

Термин интертекстуальность был введен Ю. Кристевой (Kristeva J.) в ходе анализа динамической модели «межтекстового

диалога»» Михаила Бахтина в работе «Бахтин, слово, диалог и роман» [2].

Выделив идею о том, что «литературное слово» следует рассматривать не как некую статическую точку, но как «место *пересечения* текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма» в трех измерениях (субъект письма, получатель и внеположные им тексты)» [2, 428] Ю. Кристева вводит понятие «текстовое пространство» и категорию «статус слова». В текстовом пространстве и субъект письма, и получатель оказываются включенными в «дискурсный универсум» текста, обретая таким образом свойство текстуальности, практически «сливаясь» с самим текстом и придавая динамизм всей конструкции.

Оценив изложенную идею как «открытие, впервые сделанное Бахтиным в области теории литературы», Ю. Кристева отмечает: «Тем самым на место понятия **интерсубъективности** встает понятие **интертекстуальности**, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» (выделено нами. – О. М.) [2, 429]. Обращаясь к категории статуса, ученый далее пишет: «Итак, статус слова как минимальной единицы текста является не только медиатором, связывающим структурную модель с ее культурным (историческим) окружением, но **и регулятором** (курсив автора. – О. М.), управляющим процессом перехода диахронии в синхронию (в литературную структуру). Само понятие «статус» уже наделяет слово **пространственными характеристиками** (выделено нами. – О. М.)» [там же] в силу включенности в него перечисленных выше трех компонентов.

Далее в своей работе Ю. Кристева подробно анализирует соотношение понятий «слово и диалог», «речь и дискурс», «субъект и письмо», «амбивалентность» и выделяет идею Бахтина о необходимости науки «металингвистики» [там же, 433] и др. Особое внимание обращается на то, что «бахтинский «диалогизм» выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, а лучше сказать, **интертекстовое начало** (выделено нами. – О.М.) [там же, 432].

В настоящее время теория интертекстуальности продолжает активно разрабатываться, обнаруживая множество новых векторов развития. Ей посвящаются труды знаменитых ученых, монографии, кандидатские и докторские диссертации (библиографию но-

вейших работ см. в [3]). К общим характеристикам, выделенным еще Ю. Лотманом, Р. Бартом, Ю. Кристевой и плеядой других выдающихся ученых прошлого и нашего веков (диалогичность, динамичность, наличие авторской интенции и т.д.), сегодня добавляются новые признаки.

Мы бы хотели обратить внимание на некоторые принципиально новые подходы и интерпретации указанного феномена в работах выдающегося исследователя современности М. Н. Эпштейна, рассматривающего текстуальность с позиций трансформации мира и самого человека [4, 293 и сл.].

Для нас особый интерес представляет «специализации» любого литературного (языкового) сегмента и установление его коррелятивных связей, которые находят дальнейшее развитие в работах М. Н. Эпштейна.

Наряду с традиционной наукой о письме - грамматиологией (Ж. Деррида) (от греч. «gramma» (grapho, пишу) - нечто написанное) М. Эпштейн обосновывает необходимость введения новой дисциплины - скрипторики - (от латинского «scriptor» (scribere, писать) — пишущий, писец, переписчик, писатель. Соответственно, грамматиология - наука о письме, о соотношении письма и голоса, устного и письменного языка, о роли письма в культуре. Скрипторика — наука о человеке пишущем, о письменной деятельности как образе жизни и способе отношения к миру. Скрипторика входит в антропологический цикл дисциплин, куда относится и антропологическая лингвистика, изучающая эволюцию человеческого мышления на основе её отражения в соответствующей эволюции языка (Википедия). Вклад скрипторики в антропологию состоит в том, что она представляет «человека как знак Другого в себе - и только поэтому производителя знаков. Вещи становятся знаками только для человека (выделено нами. – О. М.), потому что вступают в отношение с тем знаком, каким является сам человек, исходная точка любого семиозиса. Мир, как писал Л. Витгенштейн, есть все, что имеет место. И лишь человек не имеет своего места, он заместитель, и его «вместо-бытие» запускает ту цепную реакцию замещений, которая превращает мир в семиосферу, в непрестанную взаимоотсылку знаков, в игру значений [4, 301].

Для когнитивной лингвистики интерес представляет антропологическая глубина письма как знака, как текста. Дело в том, что

«человек ощущает себя знаком, посланием, причем письменным, удаленным от своего источника, и принимает и несет это другое дальше, как эстафету» [там же].

Другое инновационное понятие М. Эпштейна – это **Текстоника** (textonics) [4, 310] — новая гуманитарная дисциплина, своего рода «электронная филология, теория и практика работы с сетевыми текстами». В отличие от «дигитальной гуманистики» («digital humanities»), которая занимается аккумуляцией информационных баз гуманитарных наук (гуманитарных знаний), Текстоника использует Интернет, все возможности компьютерной техники с целью создания новых знаковых ансамблей и разработки новых жанров интеллектуального творчества, для реорганизации и переосмысления уже существующих текстуальных массивов.

В рамках названных направлений можно наблюдать известные трансформации Текста как центрального понятия гуманитарных наук. Эпштейн особо выделяет следующие моменты [4, 301-318]:

1) в электронной словесности текст также уступает место свободным конфигурациям знаков, которые подчиняются таким командам, как «вырезать», «скопировать», «вставить», «поиск», «замена» и другим способам ретекстуализации;

2) электронный текст точнее называть «текстоидом», «как бы текстом» (textoid, греч «oid», «наподобие», от «eidos», образ). Он лишен твердой фиксации, свободно меняет свой формат и контекст, переходя от пользователя к пользователю;

3) Текстоиды ближе к тому, что М. Бахтин понимает под «высказыванием», противопоставляя его тексту в традиционном понимании;

4) по сути, текстоиды даже более текучи, подвижны, чем устные высказывания. Бахтин определял границу между высказываниями как смену речевого субъекта. Но текстоид может объединять в себе элементы высказываний самых разных речевых субъектов, свободно их перемешивать операциями «вырезать» и «вставить», что невозможно в устной речи;

5) вводится целый ряд новых терминов типа мегатекст, надтекст, синтекст, унитекст, со-текст, перитекст, стереотекст и др.

С позиций исследуемой нами проблемы особый интерес представляет понятие **Стереотекст** (stereo-text, от греч. stereos —

объемный, пространственный) - текст, параллельно существующих на двух или нескольких языках и позволяющий «объемно» воспринять выраженные в нем смыслы. Эффект двуязычия можно сравнить с эффектом стереомузыки или стереокино, когда звук и изображение вдруг обретают волшебный объем за счет включения режима голографичности.

Ретекстуализация понимается как более радикальный способ работы с текстами, чем то, что Бахтин мыслил как «контекстуализацию» или «диалогизацию» текстов. Ретекстуализация предполагает прямую трансформацию, в процессе которой происходит «своего рода текстуальная эволюция, аналогичная эволюции живых организмов, которые в каждом новом поколении наследуют гены своих предков, смешивают их — и параллельно проходят через естественный отбор, приспособляясь к окружающей среде, к другим текстам» [4, 318].

Понятие текста в наше время обретает специфическую значимость, находя воплощение в концепции «текстуальная империя» (далее ТИ), выдвинутой М. Н. Эпштейном [4, 349-364].

Основными признаками империи выступают обширная территория, сильное единоначалие и разнообразие составляющих ее этносов. По сути, это надэтническое государство, в котором разные, исторически самостоятельные государства связаны и подчинены единой политико-экономической структуре и государственной идее. По форме это могут быть политико-географические, экономические и культурные образования (напр., отдельные государства; бизнес-империи типа Майкрософта и кока-колы; медиаимперии, включающие в себя журналы и газеты, издательства, интернет, коммуникационные сети; империя развлечений Уолта Диснея - тематические парки, киностудии, множество товарных марок и др.).

В этом смысле М. Эпштейн считает уместным говорить о «текстуальных империях, создаваемых писателями, мыслителями, исследователями». <...>Текстуальная империя - это особый тип самоорганизации жизни как непрерывно простирающегося текста, который переступает границы жанров и дисциплин. [4, 349-350].

Понятие территориальности применительно к текстуальным империям, на наш взгляд, адекватно замещается конструктом **пространственность**, формируемая всемирно признанным(и) авто-

ром(ами) в качестве «разветвленной многосоставной структуры, подчиненной единому плану».

К основным признакам ТИ автор относит большой объем и высокое качество написанного, разнообразие тех жанров и/или дисциплин, которое охватывается творчеством данного автора, всемирность и универсальность. Подобную предельную фигуру письменного мира предлагается называть автор-император или импер-автор. К таковым Эпштейн относит, напр., И.В. Гёте, владения которого охватывают разнообразнейшие роды и жанры художественной и нехудожественной словесности: здесь и лирика, и поэма, и драма, и роман; сатира, путешествие, автобиография, литературная теория и критика, эссеистика и афористика, научные труды в области ботаники, оптики и т.д. (например, «К учению о цветке»).

Литература

1. Смолл Г., Ворган Г. Мозг Онлайн. Человек в эпоху Интернета [Текст] / Гэри Смолл, Гиги Ворган [пер. с англ. В. Козловского] М.: Колибри, Азбука-Аттикус. 2011. 352 с. (Galileo).
2. Кристева Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман / Юлия Кристева //Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. - М.: ИГ Прогресс, 2000. - С. 427-457.
3. Харькова Ю.В. Моделирование перевода интертекстуальных смысловых рядов и геральдических конструкций в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20 - Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Уфа, 2017. – 185 с.
4. Эпштейн М. Н. От знания - к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.:СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016. – 480 с. (Серия “Humanitas”).

© О.А. Майорова, 2017

О.И. Максименко
МГОУ, г. Москва, Россия

Вторичная прецедентность в коммерческой номинации

Коммерческая номинация или нейминг – одна из наиболее интересных сфер применения прецедентных имен, поскольку их использование в данной сфере глубоко прагматично и неудачное

использование имени может привести не только к коммуникативной неудаче, но и коммерческому провалу.

Известно, что использование личных имен в коммерческой номинации широко распространено, поскольку считается, что, если разработчик (автор, инженер, изобретатель и пр.) называет созданный им продукт (в широком понимании этого слова) своим именем, это вызывает большее доверие у реципиента. Это явление имеет объяснение с точки зрения психологии – вряд ли кто-то решится назвать некачественный продукт своим именем, подвергнув испытаниям считающееся у многих народов мира сакральным понятие «личное имя».

Одним из ярких примеров номинации подобного рода можно считать коммерческую номинацию (нейминг) в сфере автомобильной промышленности. При появлении первых автомобилей как нового средства передвижения их разработчики давали им свои фамилии (Даймлер, Крайслер, Майбах, Бентли, Феррари и пр.), которые впоследствии сами превращались в прецедентные имена – *Nomen nest omen*.

Вторичная прецедентность или вторичная репрезентация прецедентного имени сопряжена с ситуациями, когда уже закрепившееся в языке и социуме прецедентное имя получает свое дальнейшее развитие, при этом происходит трансформация набора когнитивных признаков, характеризующих исходную номинацию. Одним из наиболее ярких примеров служит появление и развитие имени «Мерседес» в качестве названия класса известной автомобильной марки.

Широко известен факт, что *Mercedes* (милость, дар, награда) – женское имя, которое стало использоваться в качестве названия автомобильной марки. Однако по одной из версий это не известное испанское имя, а изначально одно из имен Богоматери (*Maria de las Mercedes* – Мария Милостивая, букв. «Мария милостей»), использовавшееся как домашнее прозвище Адрианы Еллинек, дочери австрийского дипломата и бизнесмена Э. Еллинека, увлекшегося автомобилями и гонками в самом начале их развития в конце 19 – начале 20 вв. Э. Еллинек сотрудничал с В. Майбахом и Г. Даймлером, и вилла, использовавшаяся в качестве офиса их совместной компании, также носила название *Mercedes*. Сам Э. Еллинек выступал на гонках под псевдонимом *мсье Mercedes*.

Позже, в 1926 г. по коммерческим соображениям компании присвоили имя самой известной ее модели – *Mercedes-Benz*. Таким образом, прежде чем стать прецедентным именем, за которым закрепились такие устойчивые когнитивные характеристики как надежность, высокие технологии, солидность и высокая цена, слово-номинация *Mercedes* имело несколько ипостасей – от домашнего прозвища до названия коммерческой фирмы. При прецедентном использовании в русском языке у этой номинации утратился доминантный семантический компонент – «милость», и были приобретены новые – «высокое качество», «высокая цена» и, что немаловажно, до определенного времени – «престижность». Для России 1990-х гг. название именно этой автомобильной марки превратилось в синоним материального благополучия, причем с оттенком криминального происхождения (знаменитые черные «шестисотые Мерседесы» как символ успеха). Дополнительным семантическим компонентом этой коммерческой номинации стала оценочность, которая вытекает из новых приобретенных семантических компонентов. Нередко можно услышать в адрес не очень качественного или не слишком престижного автомобиля: «Это не *Mercedes!*»

В постсоветской действительности (начало 1990х гг.) номинация *Mercedes* в качестве вторичной прецедентности или вторичной прецедентной номинации возникла в ситуации критической номинации министра обороны РФ Павла Грачева – «Паша-Мерседес». Данная номинация впервые была использована в качестве заголовка в статье зам. главного редактора газеты «МК» В. Поэгли, где министра обороны обвиняли в нецелевом использовании бюджетных средств, а именно в покупке двух «Мерседесов». В данной коммуникативной ситуации также прослеживается имплицитная отрицательная оценочность слова *Mercedes*, как символа коррупционности и криминальности.

Таким образом, на данных примерах можно проследить когнитивные и семантические трансформации, происходящие в процессе развития вторичной прецедентной номинации – от одного из имен Богоматери до имени личного имени далее до коммерческой номинации и инвективы, характеризующиеся сменой доминантных семантических компонентов.

© О.И. Максименко, 2017

Гендерная асимметрия как индикатор культурных стереотипов в прецедентных высказываниях

Как известно, пол является биологической, экзистенциальной характеристикой человека, в то время как гендер отождествляется с социальной ролью (быть мужчиной / женщиной и совершать в связи с этим соответствующие данной культуре действия, в том числе речевые). В этой связи важно учитывать особенности гендерных стереотипов⁶, принятых в изучаемой культуре и находящихся свое отражение в языке.

В рамках данной статьи мы рассмотрим феномен прецедентности (ПФ) как один из аспектов изучения гендерных стереотипов и актуализацию феномена гендерной асимметрии на примере прецедентных высказываний (ПВ).

Прежде нам представляется целесообразным установить сущность ПФ и ПВ.

ПФ, вслед за Ю.Н. Карауловым [4, 216] и Е.А. Нахимовой [9, 172], мы понимаем как известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества и актуальные в когнитивном плане единицы, обращение к которым обнаруживается в речи представителей данного лингвокультурного сообщества. Таким образом, под прецедентностью можно понимать такие свойства феноменов как общеизвестность, их когнитивную значимость для той или иной языковой личности или социума, возобновляемость в речи и реинтерпретируемость в других (невербальных) знаковых системах.

Современными исследователями выделяются различные виды прецедентных феноменов, среди которых особое место занимает прецедентное высказывание. ПВ понимается как репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть преди-

⁶ Под гендерными стереотипами мы понимаем культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [5].

кативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПВ входит в когнитивную базу данного лингво-культурного сообщества и неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка [6].

Знание или незнание ПВ свидетельствует о принадлежности человека к определённой социально-культурной группе, своей нации, эпохе, таким образом, ПВ – это своего рода, признак, характеризующий определённую культуру на конкретном этапе ее развития и представляющий собой материал для изучения особенностей менталитета носителей языка.

Знание специфики их функционирования в речи и сознании является необходимым условием для полноценной коммуникации на языке соответствующего лингво-культурного сообщества.

К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов, афоризмы, крылатые фразы, пословицы, поговорки и др.

На примере приведенных ниже ПВ, представленных пословицами из сборника пословиц и поговорок русского народа В.И. Даля [13], мы можем наблюдать актуализацию гендерных стереотипов, присущих конкретному социуму в рамках определенной культуры:

С бабой не сговоришь. Бабу не переговоришь.

За бабой покидай последнее словцо.

Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей.

Бабий язык, куда ни завались, достанет.

Волос долог, а язык длинней (у бабы).

– как мы можем видеть, в соответствии с приведенными ПВ, женщины представляются излишне разговорчивыми.

Добрая кума живет и без ума.

Собака умней бабы: на хозяина не лает (о брани).

Волос до пят, а ум отнят.

У бабы волос долог да ум короток.

– общий смысл данных ПВ заключается в эксплицитной оценке интеллектуальных способностей женщин. Хотя оценочное суждение может быть и имплицитным [10].

Заметим, что все из приведенных ПВ обладают оценочно-характеризующим значением, при этом очевидно, что оценка негативна и эмоциональна. Все пословицы негативно коннотированы и несут в себе идею «порицания» женской болтливости и умствен-

ной ограниченности, что, безусловно, отражает гендерный стереотип, традиционно присущий русской культуре, в соответствии с которым женщины характеризуются большей разговорчивостью и более низким уровнем интеллекта в сравнении с мужчинами.

Данные характеристики в полной мере коррелируют со стереотипными представлениями, выявленными ранее в ряде экспериментальных исследований. К примеру, в ходе эксперимента, проведенного американскими психологами Дж. Уильямс и Д. Бест [12], было выявлено, что типичный мужчина, в соответствии с распространенными гендерными стереотипами, изобретателен, рационален, убедителен, реалистичен, логичен, в то время как ни одна из приведенных характеристик не была отнесена к женщинам. «Среднестатистическая» женщина была определена участниками эксперимента, в первую очередь, как разговорчивая. Многословность женщин является одним из наиболее устойчивых гендерных стереотипов. В целом, склонность к продолжительному говорению является устойчивой универсальной характеристикой женского речевого поведения, при этом «имидж молчаливой женщины рассматривается в качестве идеала» [8, 14].

Как отмечает Л.М. Бутовская, «во всех культурах женщины более разговорчивы, чем мужчины, и термин *болтушка* прочно закрепился за лицами женского пола» [1, 130].

Подобная дифференциация характеристик, безусловно, свидетельствует об актуализации такого феномена как андроцентричность, в соответствии с которым язык фиксирует «мужскую» картину мира, и, как следствие, обуславливает появление ценностных асимметрий.

Как уже было упомянуто ранее, специфика ПВ как прецедентного феномена заключается в том, что оно имеет «фиксированную» структуру (постоянный состав элементов), не порождается заново в каждом акте коммуникации, но воспроизводится «в готовом виде» в отличие от обычного высказывания со «свободной» структурой. Иначе говоря, обладает свойством клишированности, а именно «воспринимается глобально как существующее в готовом виде конструктивное и семантическое целое, воспроизводимое без существенных изменений в соответствующих коммуникативных ситуациях» [11, 36].

Возобновляемость прецедентных феноменов в речи и их ре-

интерпретируемость в других знаковых системах обусловлена такими их характеристиками, как способность играть роль эталона культуры, функционировать как свернутая метафора и выступать в качестве символа какого-либо феномена или ситуации [7].

Правомерность данного утверждения мы можем проследить на примере реинтерпретируемости такого ПВ как «У бабы волос долог, да ум короток»:

1) *Ум женщины никуда не годится. У нее **волос долог, но ум короток**; у мужчины же наоборот. С женщиной нельзя потолковать ни о политике, ни о состоянии курса, ни о чиншевиках. В то время, когда гимназист III класса решает уже мировые задачи, а коллежские регистраторы изучают книгу «30 000 иностранных слов», умные и взрослые женщины толкуют только о модах и военных. (А.П. Чехов «О женщинах») [16].*

2) *(Говорят о допустимости женщин к государственным должностям) – А пословица? – сказал князь, давно уж прислушиваясь к разговору и блестя своими маленькими насмешливыми глазами, – при дочерях можно: **волос долог...** (Л.Н. Толстой «Анна Каренина») [15].*

3) *«Извините, голубчик, но рисковать нельзя, – отрезал генерал, даже не взглянув на нее. – Еще жених этот. Да и можно ли доверять девчонке? Сами знаете – **коса длинна, да ум короток**». (Борис Акунин «Турецкий гамбит») [14].*

Частотность обращений к данному ПВ при построении новых текстов, на наш взгляд, свидетельствует об его эталонности, оно представляет собой яркую репрезентацию оппозиции, характеризующей мужественность и женственность в данной культуре.

Интересно, что и сами женщины оценивают свои интеллектуальные способности в целом ниже, чем у мужчин:

*Прасковья Ильична не растерялась, оставшись вдовой. "У нас, баб, **волос длинный, да ум короткий**, – говорила она охаживавшим ее дельцам. – Так вот я тебе, батюшка, и скажу коротко: о твоей выгоде мне хлопотать расчету нет, а моя выгода требует следующего..." (К.С. Петров-Водкин «Пространство Эвклида»).*

Феномен определённой предубежденности женщин против самих себя был ранее выявлен и описан в ряде исследований. К примеру, студентки колледжей при оценке статей, написанных мужчинами и женщинами, отдали предпочтение первым [2]. В

эксперименте, в котором испытуемые обоего пола должны были оценить предлагаемые им на обозрение картины, одни из которых были якобы написаны мужчинами, а другие – женщинами, первенство тоже было отдано картинам «мужчин» [2].

К. Гуичи считает, что мужчин и женщин можно рассматривать в целом как социальные группы с различным социальным статусом: выше у мужчин, чем у женщин. Обнаруженные в ряде исследований данные о том, что женщины разделяют с мужчинами тенденцию переоценивать мужские достижения и достоинства и недооценивать свои собственные, исследователь объясняет различиями мужчин и женщин в социальном статусе: женщины как бы перенимают точку зрения высокостатусной группы, т. е. мужчин [2].

Исследуя гендерные стереотипы англичан и американцев, ученые заметили, что характеристики, относящиеся к мужчине, оценивались более положительно, чем те, которые описывали женщину; кроме того, женщина часто описывалась в «терминах» тех мужчин, от которых она была зависима социально. В набор свойств, определяющих тип маскулинности, входили такие адъективы, как «независимый, деятельный, компетентный, уверенный и др.», отсутствие перечисленных качеств было отнесено к стереотипу феминности [3].

Таким образом, на примере приведенных выше ПВ мы можем проследить, что как мужчины, так и женщины демонстрируют наличие в их сознании ценностной асимметрии, в рамках которых женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам.

Литература

1. Бутовская М.Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции – Фрязино: Век 2, 2004. – 368 с.
2. Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.piter.com/book.html>.
3. Кавинкина, И.Н. Проявление гендерного фактора в русском языке [Электронный ресурс] http://envila.by.iatp.org.ua/info_courses/conference99/a2_6.html.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.
5. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

6. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-75.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
8. Мистрюкова Е.В. Средства репрезентации концептов «мужественность» и «женственность» в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Мистрюкова; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2005. – 20 с.
9. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества, Т. 13. – Екатеринбург, 2004. – С. 166-174.
10. Пешкова Н.П. Имплицитность как онтологическое свойство текста // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. Юбилейный сборник в честь почетного академика АН РБ доктора филологических наук профессора Л.М. Васильева / Ответственный редактор: В.Л. Ибрагимова. – Уфа, 2007. – С. 32-37.
11. Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремнологический сборник: Пословица, загадка (структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – С.36.
12. Williams, J.E., Best D.L. Sex and psyche: Gender and self viewed cross-culturally. Beverly Hills, Sage, 1990.
13. <http://hobbitaniya.ru/dal/dal72.php>.
14. <https://books.google.ru/books?isbn=5425020325>.
15. <https://books.google.ru/books?isbn=9660360347>.
16. chehov.niv.ru/chehov/text/o-zhenschinah.html.
17. <https://books.google.ru/books?id=BIYmAQAAIAAJ>.

© И.Х. Мигранова, 2017

А.В. Моисеева
БашГУ, г. Уфа, Россия

Прецедентность как характеристика текста гламурного журнала

Явление прецедентности может по праву считаться неотъемлемой характеристикой современного языка, и, следовательно, всех сфер его функционирования. Язык СМИ обладает особым

воздействующим потенциалом, отражающимся в системе общенационального языка.

Тексты, представленные в средствах массовой информации, как в печатных, так и в электронных [1], [12], характеризуются экспрессивностью образов и максимальной доступностью изложения. Выбор языковых средств направлен на формирование яркого эмоционального воздействия на сознание читателя, чем объясняется высокая степень прецедентности текста глянцевого журнала [7].

Н.В. Немирова определяет прецедентность как «процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [8, 146].

Наряду с прецедентностью, среди текстообразующих категорий употребляют термин интертекстуальность, введенный Ю. Кристевой и подразумевающий «общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [3, 102].

Разнообразие терминологии предполагает более подробное рассмотрение данных понятий. В широком смысле интертекстуальность понимают как «открытость» определенной совокупности текстов в отношении уже существующих текстов [11]. В узком смысле Ю.М. Лотман определяет интертекстуальность как «созданный автором текст, который оказывается включенным в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщенных опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключенную в тексте» [6, 357].

По мнению Н.А. Кузьминой, интертекстуальность принадлежит сфере культуры, несет эстетическую ценность, а также не имеет временных рамок, в отличие от прецедентности, которая принадлежит настоящему моменту [4]. Кроме того, как подчеркивает В.В. Красных, «принципиальные различия касаются в первую очередь объекта исследования»: «теория интертекстуальности анализирует художественный текст», тогда как объектом изучения феномена прецедентности «являются тексты речевые, спонтанные,

импровизационные» [2, 228]. Исследователь убеждена, что невозможно использовать в речи сам прецедентный текст, «так как он «хранится» в когнитивной базе в виде инварианта восприятия, т. е. является феноменом скорее когнитивного, нежели собственно лингвистического характера» [2, 224]. В речи же функционируют такие явления, как прецедентные имена и прецедентные высказывания, выступающие в качестве символов прецедентных текстов.

Анализируя соотношение феноменов интертекстуальности и прецедентности, Н.М. Нестерова приводит мнение Н.А. Кудриной, полагающей, что «прецедентный текст всегда интертекстуален, но интертекст не всегда прецедентен» [9, 304]. Н.М. Нестерова заключает, что интертекст – более широкое понятие, включающее в себя прецедентный текст, который реализуется в интертексте в виде «включения» – прецедентного имени или высказывания [9, 305].

С.Л. Кушнерук интерпретирует проявление прецедентности в рекламном тексте как «актуализацию знаний и представлений, связанных с прошлым культурным опытом языкового сообщества, значимых в интеллектуальном и эмоциональном планах для его представителей» [5, 198].

Данная характеристика ярко представлена в тексте гламурного издания:

«Портрет ДОРНАНА ГРЕЯ» – заголовок статьи, посвященной актеру Джейми Дорнану, сыгравшему миллионера Кристиана Грея в фильме «50 оттенков серого», построен на слиянии фамилии актера и названия произведения О. Уайлда [15, 63];

«Как пройти в библиотеку?» – название статьи о появлении в сети «Л'Этуаль» парфюмерных «корнеров» «Библиотека Ароматов» неизбежно вызовет у российского читателя ассоциацию с фильмом Л. Гайдая «Операция «Ъ» и другие приключения Шурика» [15, 139];

«100 мл сухого шампанского – это 8,8 грамма алкоголя. Получается, почти три бокала в день – не пьянства ради, а здоровья для» – в статье о пользе и вреде шампанского приведен афоризм Петра I [14, 86];

«Мужчина нашего времени» – девиз рекламной кампании туалетной воды Hugo Boss представляет собой аллюзию на произведение М.Ю. Лермонтова [13, 6];

«Подруга познается в беде, радости, декрете...» – в статье, посвященной женской дружбе, используется вариант поговорки «Друг познается в беде» [13, 92];

«На вкус и цвет» – реклама часов Michael Kors представляет собой сокращенную версию поговорки «На вкус и цвет товарищей нет» [13, 49];

«Зима в большом городе» – подзаголовок заметки, посвященной новой коллекции туфель марки Manolo Blahnik отсылает читателя к названию сериала «Секс в большом городе», главная героиня которого предпочитала туфли данной марки [12, 48].

Как видно из примеров, неотъемлемыми характеристиками текста глянцевого журнала являются как прецедентность, так и интертекстуальность, однако феномен прецедентности преобладает.

Текст глянцевого журнала, являясь разновидностью средств массовой коммуникации участвует в производстве и распространении информации с заложенными в ней ценностями, рассчитанными на массовое восприятие. Успех восприятия зависит не только от способности реципиента адекватно интерпретировать сообщение адресанта, но и от особенностей текста. Поскольку языковыми способами реализации категории прецедентности в тексте служат цитаты, аллюзии, афоризмы, можно заключить, что роль данной характеристики текста в процессе понимания текста глянцевого журнала довольно значительна.

Литература

1. Анищенко А.А. Эмпатийная коммуникация в киберпространстве (на материале французского языка)//Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях: сб. статей V Международной научно-практической конференции. – 2017. – С.5–8.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст]/ В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман/ Ю.Кристева // Вестник Московского университета. Серия Филология. –1995. –№1. – С.97–124.
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография/Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 268 с.
5. Кушнерук С.Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе// Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С.198–204.

6. Лотман Ю.М. Знаковый механизм культуры// сб. статей по вторичным моделирующим системам/ под ред. Ю. М. Лотмана. – Тарту, 1973. – С. 195–199.
7. Моисеева А.В. К вопросу о воздействующем потенциале текста гламурного журнала// Исследования по семантике: межвузовский научный сборник с международным участием. Уфа, 2016. С. 148-155.
8. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса// Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2003. – Т.11. – С.146–155.
9. Нестерова Н.М. К проблеме определения основных понятий интертекстуальности// Межкультурная интракультурная коммуникация: теория и практика обучения: материалы IV Международной научно-методической /отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2015. – С. 301–307.
10. Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: теория смысла А.И. Новикова // Языковое бытие человека и этноса психолингвистический и когнитивный аспекты. Институт научной информации по общественным наукам РАН, Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2006. – С. 152-159.
11. Сандалова Т.А. Интертекстуальные включения как средства языковой игры в тексте советского газетного фельетона (на материале центральных газет с 1970 по 1991 гг.): автореф. ...дисс. канд. филол. наук. /Т.А. Сандалова. – Спб., 1998. – 20 с.
12. Титлова А.С. Исследование особенностей понимания текстов микроблога (на материале текста-комментария)//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. № 4. С. 469-472.
13. Cosmopolitan №1 январь 2017.
14. ELLE №1 январь 2017.
15. Marie Claire №1 2017.

© А.В. Моисеева, 2017

Е. А. Морозкина, Ю. В. Харьковца
БашГУ, г. Уфа, Россия

Формирование интертекстуальных смысловых рядов с опорой на прецедентные тексты

Интертекстуальные элементы играют важную роль как в структуре построения, так и в специфике наполнения художественных текстов. В связи с этим несомненной представляется необ-

ходимость исследования феномена интертекстуальности в художественном тексте в рамках сопоставительного языкознания, что делает данную работу актуальной. Интертекстуальные включения в аспекте перевода были исследованы в работах М.В. Игнатович, А.В. Соснина, С.Ю. Булгаковой, А.А. Гусевой, М.Л. Малаховской и некоторых других, однако интертекстуальные элементы при переводе художественного текста до сих пор рассматривались изолировано, как отдельные единицы, а не в их сложном взаимодействии, что определяет новизну проведённого исследования.

Полагаем, что из интертекстуальных элементов художественного текста могут быть сформированы интертекстуальные смысловые ряды, то есть некая совокупность взаимозависимых интертекстуальных включений, связанных общей тематикой или имеющих общий прецедентный текст. Взятое за основу данного термина понятие ряда было введено М.М. Бахтиным в процессе исследования художественного стиля Ф. Рабле в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1975) [2].

Целью статьи является попытка формирования интертекстуальных смысловых рядов с опорой на прецедентные тексты на примере романа Дж. Барнса «Попугай Флобера» (1984) [10] и его русскоязычного перевода, выполненного А. Борисенко и В. Сонькиным (2002) [1].

Понятие «прецедентный текст» было введёно Ю.Н. Карауловым в 1987 г. в работе «Русский язык и языковая личность». Под прецедентным текстом исследователь понимал: «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, 216].

Г.Г. Слышкин даёт следующее определение «под прецедентным текстом <...> будет пониматься любая характеризующая цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Прецедентный текст

может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм)» [9, 29-30].

Источником прецедентных текстов, прежде всего, являются фразеологические единицы, которые могут включать в себя и афоризмы, и названия фильмов, книг, песен, и фрагменты рекламных роликов, и ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее [3].

Следует различать микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие прецедентные тексты. Единственным классом, который необходимо исключить, является класс индивидуальных прецедентных текстов. Такое понятие содержало бы противоречие в самом себе. Текст вполне может служить основой для образования индивидуального концепта, но «прецедентным текст становится лишь в процессе коммуникации, когда носителю концепта удастся добиться того, чтобы текст был включен в систему ценностей какой-либо группы» [4, 30].

Определяющие характеристики прецедентных текстов это: хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональная и познавательная ценность; реинтерпретируемость, т.е. повторение их в других видах текстов. Корпус прецедентных текстов меняется в ходе исторического развития языкового коллектива [5].

Роман «Попугай Флобера» – второй роман Дж. Барнса – посвящен французскому писателю Г. Флоберу, страстным поклонником которого является Дж. Барнс. Уже само название романа, в оригинале «Flaubert's Parrot», предполагает возможность обращения как минимум к двум прецедентным феноменам: к жизни и творчеству Г. Флобера и образа попугая в его произведениях.

«Текст условно можно рассматривать как некое структурное целое, состоящее по семантическому или по формообразующему признаку из отдельных частей» [7, 271]. В своём романе Дж. Барнс ведёт тонкую интертекстуальную игру с фактами из биографии Г. Флобера и многочисленными цитаты из его произведений, частной переписки, дневников. Вообще, роман можно назвать своеобразной художественной биографией французского писателя. Так, например, вторая глава «Хронология» («Chronology») представляет собой три хронологии жизни Г. Флобера: первая включает все его достижения, и здесь писатель представлен как успешный и счастливый человек; вторая – его неудачи, смерти близких и болезни,

Г. Флобер в ней предстаёт пессимистом и неудачником; наконец, третья состоит из выдержек из дневников и писем Г. Флобера о себе и своей жизни, чаще всего в виде метафор, например: «Me and my books, in the same apartment: like a gherkin in its vinegar» [10, 42] («1842 – мои книги и я в одной квартире – это корнишон и уксус» [1, 39]); «I am only a literary lizard basking the day away beneath the great sun of Beauty/ That's all» [10, 44] («1846 – я лишь литературная ящерица, что греется весь день под великим солнцем Красоты. Вот и всё» [1, 41]).

Четвёртая глава «Бестиарий Флобера» («The Flaubert Bestiary») посвящена описанию животных, с которыми сам Г. Флобер или его близкие и друзья сравнивали его. Причём, Дж. Барнс описывает не только, при каких условиях и кем было дано то или иное прозвище, но и даже дату: «an ox, sphinx, bittern, elephant, whale (1841) <...> an oyster in its shell (1851); a hedgehog rolling up to protect itself (1853, 1857) <...>» [10, 68] («<...> бык, сфинкс, выпь, слон, кит (1841) <...> улитка в своём домике (1851); ёж, сворачивающийся для самозащиты (1853, 1857) <...>» [1, 65]).

Глава восьмая «Железнодорожный путеводитель по Флоберу» («The train-spotter's Guide to Flaubert») рассказывает о ненависти французского писателя к железной дороге как символу прогресса. Г. Флобер полагал, что прорыв в науке без прорыва в нравственности не имеет смысла. Дж. Барнс описывает «роль» железной дороги в любовной интриге Г. Флобера и Луизы Коле, приводит его высказывания о вокзалах и метро, а также саркастически отмечает, что дом, в котором жил когда-то Флобер, превратили в фабрику, а недалеко от неё проложили железнодорожные пути, по которым беспрестанно ходят поезда.

Интересной представляется глава «Флоберовские апокрифы» («The Flaubert Apocrypha»), посвященная ненаписанным произведениями французского писателя. Дж. Барнс предлагает читателю познакомиться с задумками и идеями художественных произведений, которые Г. Флобер записывал в дневниках, личных письмах или высказывал в частных беседах. Дж. Барнс полагает, что «<...> perhaps the sweetest moment in writing is the arrival of that idea for a book which never has to be written <...>» [10, 162] («<...> возможно, самый пронзительный миг творчества – это появление той идеи, которая никогда не ляжет в основу книги <...>» [1, 165]).

Глава одиннадцатая «Версия Луиз Коле» («Louise Colet's Version») посвящена роману Г. Флобера с поэтессой Луизой Коле. Если сначала читатель оценивает эти отношения только с точки зрения Г. Флобера (его записи в дневниках и письмах) и они описываются как мучительные для него из-за несносного, ревнивого, жестокого характера Л. Коле, то эта глава представляет собой версию этих отношений, рассказанную Л. Коле, в которой Г. Флобер представляется тщеславным, завистливым, трусливым и не способным на ответственные поступки. Дж. Барнс как бы встаёт на защиту Л. Коле, предлагая читателю взглянуть на эту историю в другом ракурсом.

Двенадцатая глава «Лексикон прописных истин Брэйтуэта» («Braithwaite's Dictionary of Accepted Ideas») отсылает читателя к произведению «Лексикон прописных истин» Г. Флобера и в такой же иронично-юмористической манере предлагает словарные статьи о жизни Г. Флобера в алфавитном порядке. Например: «Normandy. Always wet. Inhabited by a sly, proud, taciturn people. Put your head on one side and remark, "Of course, we must never forget that Flaubert came from Normandy"» [10, 223] (Нормандия. Всегда мокрая. Населена хитрым, самолюбивым, молчаливым народом. Склоните голову набок и произнесите: «Конечно, мы не должны забывать, что Флобер родом из Нормандии» [1, 228]).

Таким образом, перерабатывая и интерпретируя сведения о жизни французского писателя, Дж. Барнс создает портрет сложного, многогранного, противоречивого человека, что отличает эту своего рода литературную биографию Г. Флобера от многих признанных академических биографий, в которых Г. Флобер выглядит плоско, однобоко и безжизненно. Также Дж. Барнс подчёркивает невозможность постижения человека и прошлого, неизбежную субъективность любой попытки запечатлеть и объяснить жизнь, человека или событие.

Второй важнейший прецедентный феномен – это образ попугая в творчестве Г. Флобера. Помимо названия, попугай включен и в сюжетную линию: главный герой ищет чучело попугая, с которого Г. Флобер списывал образ Лулу для повести «Простая душа». Кроме образа Лулу, к которому рассказчик несколько раз возвращается в ходе повествования, в романе упоминается также, что «<...> the trademark of the Carthaginian interpreters in "Salamambo":

each, as a symbol of his profession, has a parrot tattooed on his chest» [10, 27] («<...> символ ремесла карфагенских толмачей в «Саламбо»: у каждого на груди был вытатуирован попугай» [1, 22]).

В четвёртой главе «Бестиарий Флобера» попугаям посвящён целый раздел [1, 74-80]. Дж. Барнс описывает случаи столкновения Г. Флобера с попугаями в реальной жизни, ищет попугаев в произведениях Г. Флобера, отмечая, что «Попугаев нет в «Госпоже Бовари», в «Буваре и Пекюше», в «Лексиконе прописных истин» <...> а в «Искушении святого Антония» о них упоминают лишь вскользь» [1, 79]. А вот в «Святом Юлиане Милостивом» и «Воспитании чувств» они есть. Дж. Барнс сравнивает любого писателя с «a sophisticated parrot» [10, 23] («учёным попугаем» [1, 18]).

Дж. Барнс создаёт многоуровневую метафору «the parrot as an “emblem of the writer’s voice”» [11, 82] (попугай как символ писательского голоса), то есть писатель – это человек, который лишь повторяет автоматически и неосознанно за кем-то. На наш взгляд, тем самым английский писатель соглашается с теоретическими идеями Р. Барта, который также упоминается в тексте романа [1, 115] и может быть включен в данный интертекстуальный смысловой ряд. Постструктуралисты, представителем которых является Р. Барт, говорили о том, что любое произведение – это полотно, сотканное из цитат предшествующих произведений. Ничего нового писатель уже не может сказать, так как всё уже было сказано до него. Такое восприятие Дж. Барнсом роли писателя подтверждают следующие размышления героя романа: «The correct word, the true phrase, the perfect sentence are always “out there” somewhere; the writer’s task is to locate them by whatever means he can» [10, 121] («Верное слово, правдивая фраза, отточенное предложение уже есть «где-то»; задача писателя – найти их, используя все доступные ему средства» [1, 121]).

Русскоязычный вариант перевода, выполненный А. Борисенко и В. Сонькиным, оказался весьма удачным прежде всего потому, что переводчики напрямую консультировались с автором оригинала. Таким образом, они воспользовались одним из наиболее важных инструментов переводчика, а именно: «<...> прежде чем переводить художественный текст, необходимо собрать информа-

цию об истории создания текста и, если возможно, проконсультироваться с самим автором» [6, 453].

Как видно из проведённого анализа, обращение к прецедентным текстам в процессе интерпретации художественного текста значительно обогащают смысловую составляющую произведения. Авторы сознательно используют отсылки к прецедентным текстам в качестве игрового приёма, делая свои произведения многослойными. Формирование интертекстуальных смысловых рядов на основе прецедентных феноменов помогает лучше увидеть сюжетные и «скорректировать имплицитные смыслы» [8, 172].

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00042

Литература

1. Барнс Дж. Попугай Флобера / пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. 320 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
3. Галиева Э.Ю., Зиннатова Р.Р. Прецедентные тексты в публицистике [Текст] // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 239-241.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Кольцова О.Н. Прецедентный текст как концепт // Электронный научно-практический журнал «Филология и литературоведение». 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/687>.
6. Морозкина Е.А., Ахметкужина Д.А. Модификация «герменевтического механизма» Дж. Стайнера в аспекте перевода художественных текстов // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 2. С. 452-456.
7. Морозкина Е.А., Морозкин Ю.Н., Сафина З.М. Пространственные предлоги в свете теории фракталов // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 269-276.
8. Морозкина Е.А., Хамматова С.Р. Выражение эмотивности в художественном тексте (на материале романа У.Г. Симмса «Мартин Фабер») // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 110-114.
9. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.
10. Barnes J. Flaubert's Parrot. New York: Random House, 1990. 274 p.

11. Stott C. "The Sound of Truth". Constructed and Reconstructed Lives in English Novels since J. Barnes's "Flaubert's Parrot". Münster: Tectum Verlag Marburg, 2010. 227 p.

© Е.А. Морозкина, Ю.В. Харькова, 2017

И. Х. Мусин, Г.З. Батырова, М.Р. Нуйкина
БГМУ, г. Уфа, Россия

Социолингвистические факторы, влияющие на речевое поведение студентов-иностранцев, обучающихся в России

Одним из самых распространённых и эффективных приёмов социолингвистического исследования билингвизма остаётся методика анкетирования, позволяющая собрать конкретные факты использования билингвами родного и второго языка. Целью подобного исследования является проведение социолингвистического анализа речевого поведения (далее РП) через заданные в анкете языковые ситуации; выявление связи речевого поведения со структурой социального взаимодействия билингвов, степенью владения русским языком, использованием языков в различных социальных ситуациях, взаимодействием русского и родного языков в условиях одностороннего билингвизма.

Метод индивидуального анкетирования даёт возможность получить ответы на ряд поставленных задач: 1) раскрыть лингвистическую и социальную картину функционирования русского языка среди студентов-иностранцев; 2) установить, в какой степени билингвизм отдельных студентов связан с социальными, возрастными и этнокультурными факторами; 3) установить причинно-следственные связи между социальными и языковыми факторами; 4) проследить функционирование билингвизма в различных сферах общения; 5) изучить воздействие различных социофакторов на выбор языка у билингва.

Решение поставленных задач может осложниться тем, что невозможно свести всех билингвов (и полилингвов) в контингенте студентов-иностранцев (их владение русским языком) к определённому типу билингвизма, так как степень владения языком, место и условия изучения русского языка до поступления в ВУЗы России у разных информантов могут быть совершенно различны-

ми. Основная масса студентов, как правило, владеет русским языком по типу смешанного субординативного продуктивного искусственного одностороннего позднего двуязычия. Однако могут быть и такие случаи, когда они владеют русским языком по типу чисто координативного естественного раннего двуязычия.

Представляется продуктивным проводить подобные социолингвистические исследования в несколько этапов: 1) подготовительный; 2) сбор материала; 3) обработка анкет; 4) статистическая обработка полученных данных; 5) теоретический анализ полученных результатов и 6) обобщение теоретических и экспериментальных данных.

Учитывая всю многоплановость и сложность описания билингвизма, рекомендуется сконцентрировать внимание на двух основных моментах: социологическом и лингвистическом. Социологический блок вопросов предполагает изучение социально-демографических, социально-экономических и этнокультурных характеристик анкетуемого, а также этнического и профессионального состава его семьи. Лингвистический блок вопросов чаще бывает направлен на изучение собственно языковых характеристик студентов-иностранцев, на выявление степени владения языками, на определение роли средств массовой информации в усвоении русского языка, на исследовании РП билингвов в различных языковых ситуациях.

Анкету следует составлять таким образом, чтобы максимально облегчить студентам работу по ответу на содержащиеся в ней вопросы: в языковом блоке вопросов необходимо подчеркнуть один (или несколько) из предложенных ответов. Предлагаемые вопросы с веером ответов значительно ускорят заполнение анкеты, объём которой может быть довольно большим.

До проведения анкетирования было бы полезным провести предварительную подготовительную работу со студентами, в ходе которой указать цель и задачи проводимого исследования, основные требования при заполнении анкет, дать разъяснения по вопросам, вызывающим у них наибольшие затруднения. Нелишним было бы использование и метода опроса студентов (интервьюирование), что несомненно придаст исследованию большую достоверность и объективность.

При социолингвистическом анализе анкет необходимо обобщить полученные данные, освобождая их (по мере возможности) от субъективизма, имеющего место всякий раз при самооценке информации своих знаний (как известно, критерии самооценки у всех разные). Поэтому, помимо самого анкетирования, следует использовать и наблюдение над живой речью анкетированных, данные демографической статистики, сведения о состоянии культуры и образования в странах, откуда прибыли анкетированные, их социальные, национальные и возрастные признаки.

©И.Х. Мусин, Г.З. Батырова, М.Р. Нуйкина, 2017

Е.А. Наугольных
ПГФА, г.Пермь, Россия

К вопросу об интерпретации мультилингвистических девиаций в романе Дж. Джойса «Поминки по Финнегану»

По мнению Ю. Кристевой, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-либо другого текста, тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению [3, 249].

Как отмечает ряд исследователей, «современный автор вводит формы организованного беспорядка в систему своего произведения для увеличения его способности передавать информацию [4, 97]. Структура произведения превращается в зеркало космоса, а универсум, который стремится познать человечество, становится не чем иным как трансцендентной формой языка [6, 83].

Последний роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану» «по своей формальной зыбкости и двусмысленности представляет собой самый ужасный документ из всех нам известных» [5, 315]. Произведение направлено на новый тип читателя, который был емко обозначен В. Изером как «имплицитный» или способный полноценно воспринимать и сопереживать закодированным авторским сообщениям, глубоко запрятанным в произведении, а также реально взаимодействовать с текстом в процессе дешифровки [1, 24]. Такие тексты, как «Поминки по Финнегану» содержат бесчисленное множество потенциальных значений, ни одно из которых

не доминирует, а, следовательно, может подвергаться бесконечно-му лингвистическому анализу.

Первичное исследование романа показало перенасыщенность текста интенционными девиациями на всех уровнях. Следует также учесть усложнение англоязычного художественного дискурса элементами из более чем 65 других языков. Здесь техника «полиглотизма» (термин Э. Кройцера) [8, 82] достигает своей кульминации, а созданные Дж. Джойсом окказиональные гибриды создают невероятный полифонический эффект. Текстовое многоголосие рассматривается В.И. Карасиком как один из типов делинеаризации, наделяет писателя абсолютной свободой, стирает релятивные границы литературных и языковых систем [2].

Замечено, что в тексте присутствует обширный слой славянской лексики, среди которой большая доля приходится на элементы из русского языка (около 1000 единиц). Они выступают в роли «семантических скреп», а, значит, требуют особого внимания со стороны переводчика.

В тексте обнаружены частые случаи языковой омонимии (*bog* – *болото* (анг.), *Бог* (рус.)), а также языковая игра, вовлекающая макаронизацию (механический перенос слов/выражений зачастую с искажением графического облика).

He *gotovit* and me *gotafit*. ...*Povar* old *pitschobed* [7, 339]!

В данном предложении отчетливо прослеживается вхождение в английский язык не только русской лексики (*готовит, обед*), но и украинского слова *піч*.

Мультилингвизм Дж. Джойса особенно активизируется на фонетическом уровне. Необходимо вычленять и правильно интерпретировать интеръязыковые включения, поскольку в звучании часто находится отгадка ребуса автора или скрывается ассоциативный ряд, объединяющий целый отрывок.

Limbers affront of him, *lumpers behund* [7, 339].

Узуальная лексема *affront* (обида) может трактоваться как слияние *a front* (*вперед*), но прежде всего она выстраивает единую ассоциативную цепочку русской военной терминологии (*affront* (*фронт*), *pushkalsson* (*пушка*), *pulversporochs* (*пули, порох*) и т.д.), прослеживающуюся на протяжении всего эпизода о русском генерале.

Интеръязыковые окказиональные лексемы (единицы, образованные Дж. Джойсом с использованием иноязычных морфем) также часто встречаются и отличаются затемненностью смысла, обуславливаемого широкой семантикой. В первом компоненте словосочетания *moriartsky blutcherudd* прослеживается русское слово *морьяк* и английская лексема *sky* (*небо*). Второй компонент позволяет вычленить немецкое слово *Blut* (*кровь*) и английские единицы *Butcher* (*мясник*) и *red* (*красный*). Предположим, что в данном случае речь идет о военном моряке (красноармейце), сражающемся с особой жестокостью.

Стоит отметить стремление Дж. Джойса сопроводить свои лингвистические эксперименты подсказками, ведь нередко семантика иноязычных вкраплений дублируется в единицах английского языка в пределах узкого контекста (*noviny news*).

В целом, особенности включения иноязычных элементов в текст романа «Поминок по Финнегану» можно сформулировать следующим образом. Писатель обыгрывает фонетическое звучание единиц с задействованием двух и более языковых систем, переносит морфологические показатели, характерные для английского языка, на единицу другого языка, дублирует иноязычное слово английской лексемой в ближайшем контексте, создает интеръязыковые окказиональные единицы, состоящие из трех и более корней.

Очевидно, что переводчику необходимо включиться в языковую игру Дж. Джойса и найти особое творческое решение, предоставляющее ключ к ассоциативности, предложенной автором. Писатель стремился преодолеть линейную природу речи и традиционное повествование. Насколько возможен перевод «Поминок по Финнегану» на русский язык покажет наш дальнейший анализ.

Литература

1. Изер В. Вымыслообразующие акты. Глава из книги «Вымышленное и воображаемое: набросок литературной антропологии» // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 27. – С. 23–40.
2. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – М.: Гнозис, 2015. – 384 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.

4. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Мн.: Пропилеи, 2000. – 200 с.
5. Эко У. Поэтики Джойса / Пер. А.Н. Коваля / У. Эко. – СПб.: «Симпозиум», 2003. – 496 с.
6. Eco U. The aesthetic of chaosmos: the middle ages of James Joyce. – London: Hutchinson and Cambridge: Harvard U.P., 1989. – P. 1–93.
7. Joyce J. Finnegans Wake / J. Joyce. – London: Wordsworth classics, 2012. – 628 p.
8. Kreuzer E. Sprache und Spiel im "Ulysses" von James Joyce. – Bonn, 1969. – 148 S.

© Е.А. Наугольных, 2017

Н.М. Нестерова, Ю.К. Попова
ПНИПУ, г.Пермь, Россия

**Прецедентные феномены в постмодернистских
художественных произведениях и их лакуарность:
проблема межъязыковой трансляции
(на материале романа А.Байетт «Детская книга»)**

Как известно, постмодернистские тексты в силу своей интертекстуальности и определенной нарочитой вторичности содержат множество прецедентных имен и высказываний, отсылающих читателя к прецедентным текстам. Прецедентный текст в рамках межкультурной и межъязыковой коммуникации часто выступает в роли лакуны культурного фонда, указывающей на «несовпадение в том комплексе (запасе) знаний, которым владеют "типичные" представители различных лингвокультурных общностей» [3, 62]. Лакуарность прецедентных текстов становится серьезной проблемой при межъязыковом переводе, поскольку возникает проблема элиминирования данных лакун.

Согласно Ю.А. Сорокину и И.Ю. Марковиной, выбор способа элиминирования лакун зависит от цели переноса (знакомство со спецификой лакуны / ее нейтрализация) и степени значимости фрагментов опыта, подлежащих переносу из одной культуры в другую, и осуществляется двумя основными и противоположными по стратегии и результату способами: *заполнением* и *компенсацией*. Заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия

смысла некоторого понятия / слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре. Данный способ элиминирования ведет к выработке нового знания о незнакомой культуре, способствует ее пониманию. Компенсация лакун – введение в текст специфического элемента культуры реципиента для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры реципиента. Таким образом, в тексте некоторой культуры появляются элементы другой культуры – схожие или близкие к элементам исходной культуры, но не совпадающие с ними (возможно также полное элиминирование данных элементов из принимающей культуры). При этом, как правило, облегчается понимание текста инокультурным реципиентом, но в определенной степени утрачивается национально-культурная специфика исходной культуры. Компенсация лакун, следовательно, влечет за собой утрату национальной специфики исходной культуры и обязательно вводит в текст новые элементы, принадлежащие культуре реципиента. Данный прием используется в тех случаях, когда сохранить лакуну нельзя, а заполнить невозможно. Компенсация обеспечивает понимание на уровне функционального аналога и не ведет к выработке нового знания [3, 11].

Совершенно очевидно, что перевод постмодернистских произведений, специально «нагруженных» и даже часто «перегруженных» различными прецедентными феноменами, требует от переводчика, во-первых, их декодирования (т.е. их выявления и атрибутирования), во-вторых, выбора способа их сохранения в тексте перевода

К таким текстам относятся многие произведения А. Байетт, в частности романы «Детская книга», «Обладать», повесть «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”», а также такие произведения П. Акройда, как «Чаттертон», «Лондонские сочинители», «Повесть о Платоне», подробный анализ которых представлен в других наших статьях [4; 5; 6].

В качестве материала для практического анализа, представленного в данной статье, нами был выбран роман А. Байетт «Детская книга» и его перевод на русский язык. Это многослойный роман, насыщенный разного рода реалиями эдвардианской эпохи, в том числе и прецедентными именами и высказываниями. В романе описывается история нескольких связанных между собой семей, начиная с 1895 г. и до конца Первой мировой войны. Главные ге-

рои книги – представители мира искусства, они живут в окружении художников, писателей, артистов, исследуют новые способы самовыражения и отражения окружающего мира в искусстве и литературе. Их жизнь тесно переплетена с историей искусства и жизнью общества. Вместе со всем миром герои романа переживают ужасы и трагедии Первой мировой войны. Критики относят данное произведение к жанру исторического романа, а точнее метаромана.

Нами была сделана попытка вычлнить и классифицировать прецедентные имена и высказывания, содержащиеся в романе А. Байетт. Ниже приведены фрагменты нашего анализа.

В частности, согласно нашим подсчетам, в произведении встречаются имена 66 исторических и политических деятелей, 24 ученых, врачей, психологов, экономистов, журналистов, 17 деятелей культуры и искусства, упоминаются названия свыше 20 произведений искусства и научных трудов [1;7]. Некоторые примеры можно видеть в представленной ниже таблице 1.

Таблица 1.

Имена известных личностей, встречающиеся в романе А. Байетт «Детская книга»

Имена известных личностей	Пример
Имена исторических и политических деятелей	У. Черчилль, Вильгельм V, К. Маркс, А. Дрейфус, Дж. Чемберлен, Э. Пакхерс, А. Крупп, Э. Гольдман, Г. Асквит
Имена ученых, врачей, психологов, экономистов, журналистов	П. Кюри, М. Кюри, М. Вебер, Ч. Дарвин, К. Юнг, З. Фрейд, О. Гросс, Г. Уоллес, Дж. Кейнс, У.Г. Хадсон, Дж. Милль, У. Троттер и пр.
Имена деятелей культуры и искусства	Р. Вагнер, А. Дункан, С. П. Дягилев, М. Рейнхардт, А. Уэбб, У. де Морган, Б. Палисси, У. Летаби, Б. Джоуэтт, С. Бернар
Названия произведений искусства	«Врата ада» О. Роден, «Женщина, присевшая на корточках» А. Майоль, «Погоня за счастьем» Ж. Рошгросс, «Женщина в розовом» Г. Климт, «Сон Ланселота в часовне Святого Грааля» Э. Берн-Джонс, «Электра» Р. Штраус, «Иван Грозный» Ж. Бизе

Другой особенностью романа является его интертекстуальность. Главная героиня Олив – писательница, она пишет сказки для

детей. Судьбы многих героев романа словно воспроизводят пространенные сюжеты фольклорных и литературных сказок, таких как «Золушка» или «Ослиная шкура». Герои романа также становятся зрителями постановок «Питера Пэна» Дж. Барри, «Песочного человека» Э. Гофмана, «Золушка» братьев Гримм, участниками постановки «Сна в летнюю ночь» У. Шекспира. В произведении упоминаются около 20 имен других писателей и поэтов английской и классической литературы. В тексте также встречаются названия 80 художественных произведений. На страницах романа появляется около ста героев художественных произведений английской и мировой литературы, Библии, мифов Древней Греции, скандинавских мифов, легенд и сказок. В ткань произведения искусно вплетено свыше 30 цитат и аллюзий, отсылающих читателей к художественным произведениям различных авторов, Библии, скандинавским мифам и мифам Древней Греции [1], [7]. В таблице 2 приведены примеры различных интекстовых включений, встречающихся в романе А. Байетт «Детская книга».

Таблица 2.

Интексты, встречающиеся в романе А. Байетт «Детская книга»

Тип интекста	Пример
имена писателей и поэтов английской и классической литературы	У. Шекспир, Дж. Рескин, Дж. Свифт, У. Вордсворт, С. Кольридж, Дж. Китс, Овидий, Вергилий, Б. Шоу, О. Уайльд, Дж. Элиот, Э. Спенсер и пр.
названия художественных произведений	«Доктор Фауст» И. Гете, «Дэвид Коперфильд» Ч. Диккенса, «Синяя книга сказок» Э. Лэнга, «Эмма» Дж. Остин, «Совершеннолетие любви» Э. Карпентера, «Путь паломника» Дж. Донна, «Век Золотой» К. Грэма, «Вести ниоткуда» У. Морриса, «Пер Гюнт» Г. Ибсена и пр.)
имена героев художественных произведений английской и мировой литературы, Библии, мифов Древней Греции, скандинавских мифов, легенд и сказок	Миранда, принц Фердинанд, Джульетта, Оберон, малютка Бо-Пип, Джейн Эйр, Элизабет Беннет, Мегг Талливер, Панч и Джуди, Психея, дева Мэриан, Гарет и многие другие
художественные произведения, послужившие ис-	«Генрих V», «Крорль Лир», «Гамлет», Трои и Крессиды», сонеты, У. Шек-

точниками цитат и аллюзий, встретившихся в романе	спир, «Золушка» братья Гримм, «Путь паломника» Дж. Беньян, «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролл, «Свирель» Э. Браунинг, "Жаворонок" П. Шелли, Элегия XVIII Дж. Донн, «Человек и сверхчеловек» Б. Шоу, «Сказки старой Англии» Р. Киплинг и др.
---	--

Важно подчеркнуть, что А. Байетт вводит в текст своего романа прецедентные имена и высказывания с целью характеристики героев. Имена писателей и поэтов, названия художественных произведений и цитаты из них, а также имена героев этих произведений появляются, как правило, в речи персонажей, которые принадлежат миру искусства и литературы.

Кроме того, отметим, что прототипом главной героини Олив Уэллвуд послужили известные английские писатели Д. Г. Лоренс (а также героини его произведений), Э. Аттли, Э. Эсбит и Р. Уэст, прототипом другого героя произведения – Б. Фладда – является архитектор, дизайнер и печатник Э. Гилл, в основе образа одной из дочерей Олив Уэллвуд Гедды лежит образ героини произведения Г. Ибсона «Гедда Габлер».

Очевидно, что процесс перевода такого сложного интертекстуального произведения, изобилующего реалиями и прецедентными текстами, превращается в исследование жизни англичан эдвардианской эпохи, культуры и литературы данного периода, а сам текст перевода требует переводческого **комментария**, содержащего дополнительную фоновую информацию, которая могла бы помочь читателю, принадлежащему иной культуре, лучше ориентироваться в событиях, описанных в книге, а также декодировать вертикальный контекст произведения.

В официальной русскоязычной версии романа приведено 123 сноски, из них 52 сноски отсылают к источникам скрытых в тексте цитат и аллюзий. Большинство сносок содержат перевод встречающихся в тексте фраз на немецком, французском и латинском языках. По мнению русскоязычных читателей романа, количество приведенных в тексте сносок недостаточно. По просьбам читателей переводчица романа Т. Боровикова выложила на своем сайте комментарий к произведению, содержащий 191 сноску, которые не вошли в официальное издание книги на русском языке.

В своем комментарии Т. Боровикова поясняет разного рода реалии, встретившиеся в романе, и приводит источники включенных в текст цитат и аллюзий, а также комментирует скрытые интексты [2]. При сравнении комментария, представленного в официальном переводе книги, и комментария переводчицы Т. Боровиковой можно заметить, что в официальном переводе были добавлены сноски с указанием произведений Вергилия, У. Морриса, В. Гюго, Ветхого Завета и с переводом латинских пословиц, которые отсутствуют в комментарии Т. Боровиковой.

При анализе произведения мы также обнаружили несколько цитат и аллюзий, которые не были ранее прокомментированы переводчиками книги, и заметили неточности в некоторых именах и произведениях, упомянутых в тексте книги (например, произведение Э. Лэнга «Синяя книга сказок» в романе звучит как «Синяя книга фей» Э. Ланга, картина Ж. Рошграсса «Погоня за счастьем» – как «Гонка к счастью», сказка братьев Гримм «Ганс – мой ежик – как «Ханс майн игель», Э. Калверт как – Э. Кэлверт, Ш. Пейн-Таунсенд – как Ш. Пейн-Тауншенд), что свидетельствует о сложности выявления интертекстуальных явлений в тексте оригинала и о необходимости введения в текст перевода переводческого комментария с тем, чтобы помочь читателю, не принадлежащему культуре автора оригинала, увидеть и понять присутствующие в тексте реалии и прецедентные феномены.

Итак, одной из особенностей постмодернистских текстов является наличие в них большого числа прецедентных имен и высказываний. Прецедентные имена и высказывания отражают специфику культуры, которой принадлежит автор произведения, и представляют собой лакуны культурного фонда при переводе произведения. Отсутствие необходимых фоновых знаний у читателя текста перевода препятствует их пониманию, а значит адекватному восприятию постмодернистского произведения в целом. Задача переводчика заключается в том, чтобы обеспечить читателя перевода – носителя иной культуры – фоновыми знаниями, необходимыми для воссоздания вертикального контекста произведения и проникновения в культурное пространство текста оригинала. Из этого следует, что в случае перевода постмодернистских текстов переводческий комментарий является самым «действенным» способом воссоздания вертикального контекста.

Литература

1. Байетт А. Детская книга. – М.: Эксмо, 2012.
2. Комментарий к «Детской книге» А. Байетт [Электронный ресурс] – URL: <https://oryx-and-crake.dreamwidth.org/tag/byatt> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.С. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
4. Папулова Ю.К. Межтекстовые и внутритекстовые отношения и их трансформация при переводе // Межкультурная-интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы III Международной научно-методической конференции (Уфа, 17-18 декабря 2014)/ отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – Т/2/ – С. 85–92.
5. Папулова Ю.К. Прецедентные тексты и переводческий комментарий как способ их экспликации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 61–69.
6. Папулова Ю.К. Специфика перевода постмодернистских текстов (на материале романа П. Акройда «Лондонские сочинители») // Международная научная конференция «Новое и традиционное в переводоведении и в преподавании русского языка как иностранного»: материалы конференции, проведенной в Панъевропейском университете Апеирон (Баня-Лука, Сербия, 06-09 марта 2015). – Баня-Лука: Издание Панъевропейского университета, 2015. – С. 250–264.
7. Wyatt A.S. The Children's Book. – London: Vintage, 2010.
© Н.М. Нестерова, Ю.К. Попова, 2017

О. С. Нечаева
БашГУ, г. Уфа, Россия

Культурология и этнолингвистика

Процесс научной интеграции, характерный для последних десятилетий, породил целую серию направлений, возникших на стыке нескольких дисциплин и превратившихся в самостоятельные науки. В языкознании стали особенно популярны социолингвистические, психолингвистические, юрислингвистические исследования. Большое внимание сегодня уделяется и изысканиям в сфере взаимосвязи языка и этнической идентичности, и языка, как одного из важнейших показателей культуры.

Лингвокультурология – это теоретическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии.

Данное направление сформировалось в российской науке и оформилось в качестве самостоятельной дисциплины на рубеже XX-XXI веков. При этом лингвокультурология достаточно рано отделилась от смежной этнолингвистики. На Западе такого направления, как лингвокультурология, нет, равно как нет и термина, аналогично русскому слову «лингвокультурология». Научная дисциплина, занимающаяся исследованиями взаимосвязи языка и культуры, называется там «этнолингвистика».

Лингвисты зачастую оказываются не в состоянии выйти за рамки взгляда на культуру через призму языка и верно оценить и интерпретировать значение экстралингвистических факторов, а антропологи оказываются в тупике, сталкиваясь с необходимостью объяснить взаимосвязь языка и общественной жизни.

Существуют взаимосвязи между интересами и теоретическими положениями лингвистики и других областей социокультурного знания. Дальнейшее развитие знаний о человеке и языке сковывается недостаточным интересом ученых к смежным дисциплинам. Интересы специалистов антропологии и лингвистики так или иначе оказываются в одной парадигме - колеблющимися между универсализмом партикуляризмом, культурализмом и ментализмом. Среди вопросов, которые требуют совместного междисциплинарного изучения и не могут быть полностью объяснены без привлечения лингвистических и антропологических методов, называются: соотношение языка и мышления, этносемантика, когнитивная антропология, диалог культур и смешение культур.

Этнолингвистические исследования концентрируются на двух основных подходах к взаимосвязям языка и культуры, трак-

товавшихся прежде как антиномичные: язык есть выражение фактов культуры, язык организует факты культуры.

Языковедческая традиция, которая породила этнолингвистику, уходит своими корнями непосредственно в немецкую философию XIX века, а именно - в труды гумбольдтианцев. Появление этнолингвистики было подготовлено также еще и одной интеллектуальной традицией, которая изучала трансформацию и историю языков. Изучение языковых изменений вместе с филологическими дисциплинами, рассматривающими связь языка с идеологией, стало одним из центральных пунктов этнолингвистики. Этнолингвистика является своего рода продолжением классического сравнительно-исторического языкознания.

Одну из главных ролей в формировании и развитии собственно этнолингвистики сыграло появление теории языковой относительности Джона Сепира и Бенджамена Уорфа с ее вниманием к связи языка и культуры, репрезентации и интерпретации и знанию как таковому. Американские этнолингвисты открыли в науке о языке другую перспективу – языковую относительность, выявляющую органическую взаимосвязь между мышлением, языком и культурой.

Этнолингвистика не сосредотачивает своего интереса исключительно на когнитивных аспектах, какими бы – коллективными или индивидуальными – они ни были. Этнолингвистика ставит в центр своих исследований культурные аспекты языковой практики (интерес, который она разделяет с социолингвистикой) в ее отношении к истории и трансформациям, связанным с общественными группами.

В нашей стране этнолингвистические исследования сосредоточены, в основном, на выявлении статичных, находящихся вне языковой динамики, особенностей национальных картин мира и базируются, как правило, на фольклорных и литературных текстах, а лингвокультурология исследует языковое выражение национальной культуры и пытается выявить особенные, неповторимые черты каждой культуры. При этом культура, как правило, понимается сужено, аксиологически, и рассматривается вне взаимодействия с другими языками и культурами.

На Западе же этнолингвистические исследования пользуются более широким набором методов, рассматривая языки в динамиче-

ском аспекте, на фоне всего спектра экстралингвистических факторов, влияющих на язык.

© О.С. Нечаева, 2017

Е.О. Опарина
ИНИОН РАН, г. Москва, Россия

Заимствованная лексическая единица как элемент дискурса и связанных с ним культурных практик: на примере текстов коммерческой рекламы

Заимствованные лексические элементы, как и идиомы, входят в заимствующий язык и закрепляются в нем в разных ипостасях.

Во-первых, они становятся элементами словаря, расширяющими лексический и идиоматический инвентарь воспринимающего языка. С этой точки зрения, необходимость заимствования в языке обычно измеряется спецификой его семантики и его способностью закрывать ту или иную номинативную лауну. Ряд лексикографов рассматривают это свойство иноязычной единицы как главный критерий для введения ее в нормативные словари [3].

Однако лексические единицы реализуют свой смысловой и прагматический потенциал не в словаре. Они "обживают" в заимствующем языке в дискурсах, каждый из которых понимается нами как разновидность речевой практики, обусловленная определенными экстралингвистическими характеристиками - такими как тема и ситуация общения, его цели, а также статусными, возрастными и гендерными характеристиками коммуникантов и их ролями. Именно в дискурсе, в расчете на ситуацию общения и культурно-языковую компетенцию партнера по коммуникации, актуализируется и культурно обусловленный пласт семантики слова, то есть то, что делает его это слово носителем концептуального содержания. Это относится и к новым заимствованиям, которые призваны обозначить "причастность" общающихся к современным тенденциям и к заграничной культуре [1].

Специфика культурного потенциала заимствований в языке рекламы связана с особенностями самой рекламы как явления. Мы говорим здесь о коммерческом рекламном дискурсе, в котором

воздействие на адресата нацелено главным образом на то, чтобы он совершил выгодное адресанту действие - приобретение рекламируемого товара или услуг [2, 5]. Эта интенция не требует активизации глубоких пластов культурно-языковой компетенции реципиента. Излишне "умная" реклама, апеллирующая к глубинным культурным кодам, может вызвать дискомфорт и раздражение у "среднего" носителя языка. Однако рекламное сообщение, чтобы достичь цели, все же должно ориентироваться на имеющиеся у адресата фоновые знания, культурные стереотипы и ценностные образцы.

Принцип неполной культурной компетенции и нацеленность на воздействие "здесь и сейчас" способствуют активному использованию в коммерческом рекламном дискурсе модных в данный период иноязычных заимствований, получивших распространение вследствие массовой популярности обозначаемых ими вещей и явлений. Иностранное происхождение и модность слова должны связываться в системе представлений потребителя рекламы, во всяком случае, по замыслу ее автора и заказчика, с престижностью и качеством рекламируемого товара.

Однако иноязычное заимствование в дискурсах воспринимающего языка не только функционирует как знак культуры исходного языка. Оно также контактирует с единицами заимствующего языка и, соответственно, с культурными значимыми пластами их содержания. Другими словами, заимствованная языковая единица как концепт "чужой" культуры вступает в контакт с культурными концептами, важными для носителей заимствующего языка.

В статье обсуждаются вопросы: 1) каким образом дискурс, построенный на смешении "своего" и "чужого" в культурно значимой информации, достигает цели воздействия на адресата? 2) может ли культурный компонент заимствованного слова, называющего реалию иноязычной культуры, через дискурс и связанную с ним культурную практику повлиять на концептосферу заимствующего языка?

Анализ проводится на примере иноязычных обозначений в рекламных анонсах явлений, которые относятся к сферам праздников и представлений. Исследуемые явления входят в артефактный и акциональный коды культуры [4, 8-9].

Литература

1. Алпатов В.М. Норма и мода // Мода в языке и коммуникации: Сб. статей. - М.: РГГУ, 2014. - С. 37 - 46.
2. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: Лингвистический аспект. - Изд. 2-е, испр. - М.: URSS, 2010. - 255 с.
3. Неология и неография: Современное состояние и перспективы: (К 50-летию науч. направления) / РАН, Ин-т лингв. исслед. - СПб., 2015. - 128 с.
4. Телия В.Н. Предисловие: // Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. - С. 6 - 14.

© Е.О. Опарина, 2017

Н.П. Пешкова
БашГУ, Уфа, Россия

Прецедентный текст как реакция реципиента при понимании письменных речевых произведений различных типов

Следует отметить, что в исследовании, представленном в настоящей статье, прецедентный текст интересует нас с точки зрения особенностей его присутствия во «встречных текстах» испытуемых-реципиентов, отражающих процесс понимания речевых произведений различных типов.

Тем не менее, необходимо сказать несколько слов и об истории проблемы прецедентных явлений в лингвистики. Как полагают исследователи данной проблемы, объем понятия «прецедентный текст», введенного Ю.Н. Карауловым в конце прошлого века, значительно увеличился, и само понятие претерпело ряд изменений.

Прецедентный текст, согласно определению Ю.Н. Караулова, должен отвечать следующим требованиям. Во-первых, он должен быть «значимым» для личности «в познавательном и эмоциональном отношениях»; во-вторых, прецедентный текст должен иметь «сверхличностный характер», иными словами, предполагается, что он «хорошо известен широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников»; в-третьих, «обращение» к текстам такого рода «возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, 216].

Позднее, В.В. Красных модифицировала приведенное выше определение, несколько сместив акценты и включив прецедентный текст, в узком смысле этого термина, в более широкий круг прецедентных феноменов. Исследователь относит к прецедентным явления, прежде всего, «хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); а также «актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; и, наконец, «обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [5, 170]. Нам представляется значимым введенное В.В. Красных понятие «инварианта восприятия» прецедентного феномена как некоторого представления о нем, «общего и обязательного для всех носителей того или иного национального менталитета». Именно он делает все обращения к прецедентному явлению «”прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» [ор. cit].

В трудах В.В. Красных, И.В. Захаренко, В.В. Гудкова, посвященных изучению прецедентных явлений, кроме прецедентного текста выделяются и описываются также прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация [2]. Не будем приводить здесь подробных определений, т.к. они достаточно хорошо известны широкому кругу исследователей. Однако отметим следующее.

Как известно, среди важнейших характеристик прецедентных текстов Ю.Н. Караулов выделил хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональную и познавательную ценность; реинтерпретируемость или воспроизводимость в различного рода текстах и дискурсах. Все это и делает, по его мнению, прецедентные тексты «фактом культуры» [3, 217].

В.В. Красных подчеркивает, что едва ли не главной дифференцирующей характеристикой прецедентных феноменов есть «их способность 1) выполнять роль эталона культуры; 2) функционировать как свернутая метафора; 3) выступать как символ какого-то феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков)» [5, 171].

Таким образом, прецедентный текст не просто принадлежит «фактам культуры», но и выполняет роль «эталона культуры», при этом явление культуры представляет собой знаковую сущность, и

культурные знаки наделены особым значением. Здесь нельзя не упомянуть о постмодернистских представлениях о культуре как особом тексте и, далее, о том, что наш мир в целом является своего рода текстом.

Если все, что существует в нашем мире, есть безграничный и бесконечный текст, и сознание субъекта есть также совокупность текстов, все, что порождает человек, является той или иной разновидностью текста. Таким образом, под текстом подразумеваются не только вербальные, но и невербальные продукты деятельности человека – музыкальные произведения, живопись, скульптуру, архитектуру и т.п.

При таком подходе для определения понятия прецедентности, по сути, нет необходимости в каких-либо иных терминах, кроме термина «прецедентный текст».

Более того, за прецедентным именем изначально, как правило, стоит тот или иной текст, как и за прецедентной ситуацией, прецедентное же высказывание, например, пословицу или цитату, можно рассматривать в качестве текста малого объема.

Тем не менее, мы полагаем, что каждый из этих терминов дополняет и расширяет общее понятие «прецедентный текст», изначально введенное в языкознание, при этом понятие «прецедентный феномен» или «прецедентное явление» может рассматриваться как родовое по отношению ко всем остальным, упоминаем выше терминам.

Критерием дифференциации прецедентных явлений в языке и речи может также служить их «внешний масштаб», «широта охвата» (по мнению В.В. Красных) – от небольшого социума до общечеловеческого сообщества. Вероятно, это можно охарактеризовать и как «уровень прецедентности» и даже «степень прецедентности».

Опираясь на данный критерий, В.В. Красных выделяет три группы явлений «социумно-прецедентные», «национально-прецедентные» и «универсально-прецедентные». Как представляется, названия этих трех групп прецедентных феноменов говорят сами за себя.

Другие исследователи, например, Ю.Е. Прохоров, говорят о четырех группах прецедентных явлений. По мнению последнего, прецедентность характеризуется четырьмя уровнями в соответст-

вии с уровнями сознания языковой личности. Первый уровень, автореферентный, соотносится с отдельной языковой личностью с ее собственным субъективным сознанием, «объемом памяти, лексиконом». Уровень второй, социумно-прецедентный, характеризует языковую личность уже как члена определенного социума (семейного, конфессионального, профессионального и др.). Языковая личность как члена определенного социума имеет «общие знания, представления, ценностные ориентации и средства их семиотизации с другими членами этого социума». Третий уровень, национально-прецедентный, свидетельствует о том, языковая личность сформировалась как член национально-культурного сообщества, она владеет «неким общим для всех включенных в данное сообщество набором “культурных предметов” и их символов». Языковая личность как представитель рода человеческого обладает «общими для всех людей знаниями и представлениями», и это соответствует четвертому уровню [9, 148]. Можно предположить, что четыре уровня сознания языковой личности могут отражать также и уровень ее сформированности как личности в философском смысле, а также уровни ее общей образованности и культуры.

Как отмечалось выше, прецедентный текст является «фактом культуры» и связан с культурными ценностями определенного периода исторического развития социума. Известно, что смена исторических эпох сопровождается изменением Мира Ценностей и их переоценкой. Обычно в этой связи в качестве примера приводят советский период жизни нашей страны, последовавший за революцией 1917 года, повлекший за собой антирелигиозную пропаганду и насильственное внедрение в сознании членов советского общества атеистических принципов. Этот период был связан с запретом на использование Библии в качестве прецедентного текста в литературе, СМИ и т.п. Для большинства, составляющего несколько поколений советского общества, библейские тексты стали недоступны. И, как следствие, большой культурный пласт, представленный в живописи, скульптуре и архитектуре, в литературных и музыкальных произведениях зарубежных и дореволюционных отечественных авторов, содержащих ссылки на Библию, так и остался неосвоенным и непознанным не только поколениями советской молодежи, но и современным молодежным сообществом. Цитаты из Библии не вызывают у большей части представителей этих со-

циумов никаких ассоциаций и не используются ими в устной и письменной речи.

В связи со сказанным выше возникает вопрос об источниках прецедентных текстов, используемых современниками, и о том, какие изменения претерпевают источники прецедентности в настоящее время.

Общеизвестно, что источниками прецедентных текстов являются: афоризмы, крылатые фразы, пословицы, поговорки, фольклор, цитаты из литературных произведений, сами произведения, песни и фильмы, а также их названия и цитаты из них, фрагменты рекламных роликов, высказывания общественных деятелей и политиков, лозунги и библеизмы. Безусловно, тип прецедентных текстов является открытой структурой, их состав постоянно пополняется и будет продолжать пополняться.

В.В. Красных задается вопросом о том, каким образом текст может обрести статус прецедентного, «каков алгоритм становления прецедентного текста?» [5, 194]. Отвечая на этот вопрос, исследователь выделяет несколько путей этого процесса. Первый из них заключается в том, что текст становится «хорошо известным всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (или, как минимум, их подавляющему большинству)» [op.cit.]. Такой путь прошли популярные сказки и стихи, песни и анекдоты. Второй путь предполагает наличие широко известного текста, соответствующего предпочтениям и отвечающего ожиданиям сообщества, что дает ему возможность обрести инвариант своего восприятия и статус эталона. Таков путь поэзии А.С. Пушкина и романов Л.Н. Толстого [op.cit., 195]. Третий путь имеет отношение к реальным фактам и событиям, ставшим хорошо известными, получившими инвариант восприятия, а затем еще и описанным в авторских произведениях. Вероятно, можно вспомнить в этой связи революцию 1917 г., известные битвы второй мировой войны и т.п.

Как справедливо отмечает В.В. Красных, в основе алгоритма становления прецедентного текста лежит алгоритм восприятия, представляющий собой отбор значимых характеристик текста, закрепляющихся в культуре, составляющих ее эталоны, и отбрасывание, отсеивание незначимых [op.cit.]. По сути, этот процесс направляется системой уже существующих в культуре эталонов и базовых ценностей.

Невозможно не согласиться с представлениями о том, что сами источники прецедентных текстов могут указывать на принадлежность языковой личности к определенному типу речевой культуры, что употребление прецедентных текстов является одним из характерных признаков языковой личности, указанием на образование, социальный статус, профессиональную принадлежность, уровень культуры и т.п.

В своем исследовании мы провели количественный и качественный анализ данных, взятых из нашей экспериментальной базы и включающих реакции испытуемых в форме «встречных текстов», полученных при изучении особенностей понимания таких типов текстов, как художественный, научно-популярный, научный, библейский и статей их глянцевого журналов. Анализ осуществлялся с целью выявления всех случаев использования испытуемыми прецедентных текстов в виде реакции, обозначенной автором методики как «интертекст». Участниками экспериментальных исследований являлись студенты, магистранты и аспиранты в возрасте от 18 до 25 лет, гуманитарных, естественнонаучных технических специальностей.

Прежде всего, необходимо отметить, что независимо от воспринимаемого и интерпретируемого типа речевого произведения реакция «интертекст», основанная на использовании прецедентных феноменов, составляет очень небольшой процент от общего количества всех реакций. Самая большая доля реакций «интертекст» приходится на «встречные тексты» реципиентов художественного и научно-популярного текстов, 2,7% и 2,8% соответственно [7]; [4]. При понимании испытуемыми отрывка из Библии реакция «интертекст» составила только 1,8% [1]; при восприятии статей из глянцевого журналов – 1,4% [6]. Наименьший процент использования данной реакции показали реципиенты научного текста – 0,4% [8].

Таким образом, диапазон использования прецедентных текстов испытуемыми, принадлежащими университетскому молодежному социуму, в реакциях, составляющих основу стратегий понимания письменной информации, колеблется от 0,4 до 2,8. Эти количественные данные можно сравнить, например, с количественными показателями реакций «оценки» и «мнения», осуществляемых без ссылок на любые прецедентные источники, они составля-

ют от 12 до 40% от общего количества реакций при восприятии текстов тех же типов.

Что касается источников прецедентных текстов, используемых испытуемыми, можно отметить, что наибольшей популярностью у них пользуются пословицы и поговорки (*Муж да жена – одна сатана. Голь на выдумки хитра*).

Достаточно часто цитируются отрывки из популярных песен, например, В. Высоцкого (*Настоящих буйных мало, Бег на месте общеукрепляющий*) или А. Розенбаума (*Гоп-стоп, мы подошли из-за угла*). Используются цитаты из русских народных сказок (*Дедка за репку, бабка за дедку*).

Среди реакций «интертекста» можно встретить лишь единичные цитаты из классических литературных произведений (*Народ безмолвствовал*), чаще используются ссылки на их названия (*Война и мир. На дне*), а также упоминания прецедентных имен (*Иванушка-дурачок. Ромео и Джульетта*).

Как и можно было ожидать, не используются библеизмы и ссылки на греческую мифологию. Однако и ссылки на современные зарубежные фильмы, компьютерные игры и т.п. можно охарактеризовать как единичные.

Таким образом, если посмотреть на первые результаты нашего анализа с точки зрения четырех уровней языкового сознания, упоминаемых выше, наш материал позволяет проследить «в действии» («in use») в основном три его уровня. Это автопрецедентный уровень, связанный с индивидуальными речевыми особенностями каждого испытуемого; социумно-прецедентный, проявляющийся, главным образом, в использовании молодежного студенческого сленга; и национально-прецедентный, примеры проявления которого мы приводили выше. Проявления универсально-прецедентного уровня практически не встречаются, за очень небольшим исключением. Безусловно, полученные результаты являются предварительными, и мы предполагаем продолжить исследования проблемы, обозначенной в названии нашей статьи.

Литература

1. Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2012. – 19 с.
2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов

- // Язык, сознание, коммуникация. Вып.1. – М.: Филология, 1997. – С. 82-103.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
4. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 21 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2017. – 24 с.
7. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64-76.
8. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных, технических текстов): монография, 2-е изд., доп. и перераб. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 292 с.
9. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.

© Н.П. Пешкова, 2017

В.Н. Попова
БашГУ, г. Уфа, Россия

Распространение сокращений в немецком языке

В современном обществе во всех областях нашей жизни заметно возросло использование сокращения слов и сложносокращенных слов. Для начала рассмотрим отличие чтения в немецком языке сокращений (die Abkürzungen) и сложносокращенных слов (die Kurzwörter). Сокращение записывается с точкой в конце слова, но при чтении и говорении проговаривается в полной форме, например, Dr.(Doktor), usw. (und so weiter), z.B. (zum Beispiel), Abb. (Abbildung). Читающий видит сокращение в тексте, проговаривает слово полностью, учитывая также, что у большинства физических единиц измерения точка в конце слова отсутствует km (Kilometer), w (Watt), MHz (Megahertz).

В настоящее время наблюдается такое лингвистическое явление, как образование сложносокращенных слов от сокращений, что затрудняет разграничение этих терминов в немецком языке. Например, при чтении слова «Kilometer» существует сокращение «km», которое зачастую читают как «ка –em», а не полным словом. В письмах, в сообщениях сокращение MfG (mit freundlichen Grüßen) сегодня чаще всего читают «Em –Ef –Ge», вместо полной фразы. В противоположность сокращённым словам, сокращения не являются самостоятельными, словообразующими единицами, это значит, что от них не могут образовываться новые слова, а также они – не изменяемы. Сложносокращенные же слова в немецком языке являются самостоятельными, словообразующими, изменяемыми единицами.

Интенсивное употребление сокращений, по мнению некоторых лингвистов, вызвано убыстрением темпа современной жизни. Существует еще одна точка зрения на этот вопрос: сокращения возникают из-за небрежности в разговоре, но при этом также не исключается недостаток времени и его экономия. В целях экономии времени допускается использование сокращений, учитывая большое число записей в различной документации.

Следует отметить, что сокращения используются как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни. С различными видами аббревиатур мы сталкиваемся в технических текстах, объявлениях, они используются в средствах массовой информации, рекламе, разговорной речи. Понимание основных сокращений дает возможность быстрее и легче усвоить новую информацию и донести ее до реципиента более простым языком.

Появление сокращений продиктовано стремлением передачи большого потока информации минимальным объемом средств за короткий промежуток времени, что соответствует высокому темпу повседневной общественной жизни. Электронные технологии, Интернет, сотовая связь вносят в нашу жизнь свою специфику и свои сокращения. Колоссальное количество людей использует новейшие виды спутниковой связи, SMS сообщения, осуществляют поиск информации в интернете, что способствует широкому проникновению сокращений в повседневную речь.

По оценке Розен Е.В., тенденция экономии немецких языковых средств соответствует стремлению к сокращению текста в со-

временном обществе. Все краткие формы слов и словосочетаний коллоквиальной лексики можно разделить на три группы: контрактуры, слоговые аббревиатуры и буквенные аббревиатуры. Коллоквиальная лексика включает разговорные слова, которыми пользуются ежедневно, синонимы нейтральных понятий известных каждому носителю языка, активно употребляемые носителем языка в условиях повседневного неформального общения.

Контрактуры возникают путем усечения любой части слова или группы слов и составляют наиболее представительную группу сокращений. Различают инициальные «Kopfwörter»: Midi[kleid], Maxi[rock], Asi[stent] и финальные контрактуры «Schwanzwörter» - [Atom]bombe, [Motor]roller, [Schall]platte, [Ton]band, im [Durch]schnitt.

Инициальные и финальные контрактуры имеют ряд преимуществ перед полными аналогами. Они намного короче и в структурном отношении более удобны, стилистически менее официальные. Поэтому в молодежной лексике их довольно большое количество: Uni[versität], Demo[nstration], Bundes[wehr], Disco[thek].

Слоговые аббревиатуры возникают при одновременном стяжении начального и конечного компонентов слова или каждого компонента словосочетания: Schupo – [Schutzpolizei], Trafo – [Transformator], Stabü – [Staatsbürgerkunde], Mofa – [Motorfahrzeug], Gewi– Gesellschaftswissenschaft].

Буквенные аббревиатуры возникают сокращением буквенной записи до одной или двух начальных букв: F.d.h. = Friss die Halte, F.h.z. = Familie halt zurück, knif = kommt nicht in Frage, Ga-bi-ko = ganz billiger Korn, k.o. = knock out.

Среди контрактур используются усечения с изменением конечной гласной на «-i»: Pulli - Pullover, Trabi – Trabant, Schumi - Schumacher. Относительно стилистической оценки усеченных слов среди лингвистов не существует единого мнения. Тем не менее, аббревиатуры, возникая как коллоквиальные, иногда жаргонные слова, в процессе длительного и регулярного употребления теряют свою первоначальную стилистическую окраску и входят в общеупотребительный язык в качестве нейтральной единицы.

В каждой области и в общепринятой речи происходит международный процесс стандартизации, издаются справочники, происходит взаимообогащение культур. Например, разработанные на

учные технологии в Германии, при наличии стандартных сокращений для названий технологий, при заимствовании другими странами чаще всего сохраняют и свои сокращения для замены длинных объяснений. В своей книге Розен Е.В. указывала на то, что, чем менее понятен морфемный состав слова, тем более заметно его появление в языке. В большинстве случаев, это сложные слова — композиты, и меньшая часть производные-дериваты [3, 78].

Одним из характерных явлений нашего времени являются авторские сокращения, затрудняющие работу переводчика. Чаще всего это узкопрофессиональные сокращения, которые или используются в устной речи, там, где это всем понятно в процессе работы, или в виде сокращенной надписи на чертежах. Для расшифровки таких сокращений во избежание разночтений переводчику необходимо обладать достаточными знаниями в области их перевода или консультироваться со специалистом. Исследователь Акубекова Д.Г. отмечает, что языку научных текстов свойственны логичность, смысловая точность, объективность изложения, стереотипность [1, 66]. Хорошему специалисту следует учитывать все эти моменты, чтобы не исказить информацию, данную в оригинальном тексте.

В Германии существует языковой стандарт DIN - Deutsches Institut für Normung, который регламентирует правила употребления немецких слов, их значений, в том числе и аббревиатуры. ДИН входит в состав ИСО - международной организации, занимающейся выпуском стандартов (ISO). Сфера деятельности ИСО касается стандартизации во всех областях, кроме электротехники и электроники.

Следует заметить, что многие заимствования являются точной калькой, семантическим заимствованием из другого языка путем буквального перевода структуры слова или словосочетания. В современном немецком языке широко используется комбинирование в научно-технической речи исконно немецких слов с английскими сокращениями, получение слова из двух частей: английское сокращение - тире - немецкий термин. Такая комбинация типична для быстро прогрессирующих областей науки и техники, где сокращения-заимствования составляют целый пласт с тенденцией роста. В новых технологиях для точности определения сохраняют понятие языка-источника, ссылку на

английское сокращение. В своих работах А.М. Шахнарович отмечал, что своего рода связующим звеном, организующим этапы освоения языковой структуры, служит языковое значение [4, 191].

Особенностью научно-технического перевода является перевод большого количества буквенных аббревиатур, с помощью которых передаются названия электротехнических машин и приборов, условные обозначения элементов электрических схем, их характеристик. Как правило, в описаниях и инструкциях по эксплуатации электрических приборов и аппаратуры, а также в технической документации эти сокращения приводятся часто без расшифровки, что затрудняет понимание текста, при неправильной расшифровке искажается смысл материала. Психолингвист Н.П. Пешкова также подтверждает, что с помощью экспериментальных данных для большинства реципиентов установлена возможность совпадения понимания некоторых типов научного текста, при отсутствии эмоционально-оценочных элементов, с содержанием текста [2, 109].

В книжных магазинах можно найти: «Немецкие научно-технические сокращения» с более чем 2400 сокращениями-терминами и терминологическими сочетаниями, «Тетради новых терминов», «Немецко-русские термины по дальней и проводной связи», «Немецко-русские термины по автотранспорту и автомобилестроению», каждое из этих изданий содержит главу, включающую сокращения определенного научно-технического характера для частичного снятия трудностей понимания текстов специальной литературы в научно-технических отраслях.

Затронув вопросы образования, перевода и значения сокращений, мы можем отметить, что частотность обращения к аббревиатурам возрастает, они становятся неотъемлемой частью не только специальных областей науки, но и нашей повседневной жизни.

Литература

1. Акубекова Д.Г. Аббревиация в техническом тексте.// Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения: Материалы IV Международной научно-методической конференции. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 472 с.
2. Пешкова Н.П. Особенности стратегий понимания текста социальной направленности.// Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация:

- теория и практика обучения и перевода: Материалы III Международной научно-методической конференции. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2014, т.2 – 372 с.
3. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1991.- 96с.
4. Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С.191

© В.Н. Попова, 2017

М.Б. Раренко
ИНИОН РАН, г. Москва, Россия

К вопросу о переводе рекламы

Рекламные тексты многообразны как по форме, так и по содержанию, по способу представления в них информации и по целевой аудитории. Тем не менее их можно выделить в одну группу и рассматривать эту группу текстов как единое целое на том основании, что любой рекламный текст использует «аппеллятивный язык» и содержит призыв к потенциальному покупателю или клиенту купить данный продукт или воспользоваться данной услугой [Bödeker, 1971; цит. по: 1], а также расширить круг потребителей [1].

Объем когнитивной информации, которую несет реклама, невелик: название фирмы или производителя, предоставляющих услуги или товары, точное наименование товара, его технические характеристики, цена, контактная информация (телефоны, адреса, веб-сайты), указание на условия и сроки поставки, процент скидки. Данная информация предоставляется посредством нейтральной лексики, а также с помощью цифр.

Эмоциональная информация необходима для того, чтобы дать абсолютно положительную оценку рекламируемому товару. Как правило, для этого в тексте рекламы активно используются прилагательные (часто в превосходной степени), наречия и существительные, выполняющие функцию гиперболы, часто иностранные слова и выражения (чаще из английского языка, иногда немецкого), «модные слова». Эмоциональность высказыванию придает использование риторических вопросов и восклицаний, незакон-

ченных предложений, синтаксического параллелизма. Также для передачи эмоциональной информации используются фонетические (аллитерация, ассонанс, рифма) и морфемные (повторы, неологизмы) языковые средства.

В настоящее время научной литературы по проблемам перевода рекламы немного, и этому есть объяснение – говорить о переводе рекламы в привычном значении этого слова вряд ли возможно, на что справедливо указывают разные авторы, в частности И.С. Алексеева: «Чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода». [1, 114], т.е. каждая реклама как бы заново воссоздается в иной культурной среде. А.С. Мамонтов рассматривает рекламный текст как частный случай кросс-культурной коммуникации и объясняет причины непонимания рекламного сообщения следующим образом: «В актах кросс-культурной коммуникации непонимание между представителями различных лингвокультурных общностей часто обусловлено не незнанием языка, а незнанием или же отсутствием фоновых знаний» [4, 63].

Некоторые исследователи говорят о том, что особенности перевода рекламного текста во многом оказываются сходными с особенностями перевода художественного текста, поскольку сам рекламный текст как речевое произведение также оказывается по своим характеристикам схож с текстом художественной литературы [5, 110], другие выделяют рекламный текст как особый вид текста, ориентированный на обращение [7].

Потери при любом переводе неизбежны, и тем более это утверждение относится к переводу рекламы, поэтому проблема выбора того, что доминирует в тексте, становится особенно сложной.

В тексте рекламы имена собственные встречаются достаточно часто, выступая как средство создания яркого рекламного образа. Во-первых, это названия фирмы или производителя и товара (так называемая «когнитивная информация»), во-вторых, при помощи имен собственных могут вводиться другие виды информации – эмоциональная, эстетическая и оперативная [3, 4, 2].

Хотя имена собственные (личные имена, прозвища, апеллятивные имена, географические названия, названия фирм, учреждений, газет, журналов, марки машин, самолетов, пароходов и т.д.)

представляют собой один из наиболее очевидно безэквивалентных разрядов лексики, их перевод далеко не всегда представляет особые сложности, как, например, в первом случае⁷. Имя собственное представляет собой слово или словосочетание, и эквивалентным в данном случае будет считаться перевод посредством передачи звукового состава исходного слова или словосочетания (транскрипции) или (значительно реже) посредством передачи буквенного состава исходной единицы (транслитерации). Так, например, марка известного чая «Earl Grey» для русско-язычного потребителя известна как «Эрл Грей»⁸. Прием транслитерации используется преимущественно тогда, когда имя собственное представляет собой или включает в себя такую единицу, за которой в принимающем языке уже закреплен определенный эквивалент, т.е. имеет место традиция (ср. англ. London - русск. Лондон). Однако не всегда перевод посредством транслитерации или транскрипции оказывается возможным. Дело в том, что привлекательно звучащее имя в одной культуре оказывается нейтральным или даже неприемлемым в другой культуре. Приведем примеры⁹. Американская автомобилестроительная компания Matador призвана своим названием навевать представление о силе и мужестве, но в Пуэрто-Рико этим словом обозначают вульгарного убийцу; дешевый грузовик компании Ford под маркой Fiera не нашел покупателей на рынках некоторых развивающихся стран, поскольку по-испански слово означает «уродливая старуха»; чешский стиральный порошок под названием Polio плохо продавался на американском рынке, поскольку его название ассоцииро-

⁷ Однако стоит иметь в виду ситуацию, которую описал в своей книге «Проколы международного бизнеса» Д. Рикс: специалисты одной компании решили придумать универсальное имя-бренд для нового продукта, который предполагали вывести на международный рынок, - стирального порошка. Придумав имя, они решили провести небольшое исследование и выяснить, что означает это название на пятидесяти основных языках. Оказалось, что по-английски и на подавляющем большинстве западноевропейских языков название обозначало «изысканность», в гэльском – «песня», по-фламандски – «индифферентный», на языке одного из африканских племен – «лошадь», на фарси – «туманный» или «придурковатый», а во всех славянских языках слово оказалось непристойным, оскорбительным ругательством (Рикс Д. Проколы международного бизнеса. - М., 2007. - с. 55-56).

⁸ Широко известна попытка «перевести» название этого чая на русский язык – «Серый граф», вариант, который, к счастью, в русском языке не закрепился.

⁹ Примеры заимствованы из работы: Рикс Д. Проколы международного бизнеса. - М., 2007.

валось с серьезным заболеванием – полиомиелитом (poliomyelitis), которое в США часто сокращают как раз до polio и т.д.

Во втором случае могут возникать определенные сложности, поскольку имя собственное выступает здесь уже не столько как само по себе, а как определенный код, который адресат рекламного текста должен опознать и расшифровать. Если по какой-то причине целевая аудитория не может идентифицировать используемое в рекламном тексте имя собственное и оно «провисает», реклама обречена на провал¹⁰.

Многие имена собственные обладают внутренней формой, однако при переводе рекламных текстов следует помнить о приоритетах. Часто важнее оказывается именно ввести новое имя (название продукта, товара, услуги, производителя), нежели объяснить его происхождение. Так, например, поступили создатели русскоязычного ролика, рекламирующего продукцию компании Schwartzkopf. Сохранив название фирмы, они «пожертвовали» внутренней формой имени - Шварцкопф.

Еще большие сложности вызывают имена собственные, обладающие культурной коннотацией: известные в одной культурной среде, они оказываются абсолютно неизвестными в другой.

Адекватное восприятие имени собственного предполагает наличие у целевой аудитории фоновых знаний общекультурного характера, но известны случаи, когда в одной культуре одно и то же имя воспринимается как коннотирующее, аллюзивное, в другой эта лексическая единица лишена коннотаций или обладает коннотациями вплоть до прямо противоположных, более того, фонд аллюзивных имен собственных очень изменчив – с утратой актуальности по той или иной причине, при переходе имени в разряд историзмов оно лишается коннотаций. Приведем два примера¹¹. Первый пример – реклама настольной лампы фирмы George Kovacs: How can you raise an Einstein if he can't see his homework? (Как можно вырастить Эйнштейна, если он не может разглядеть свое домашнее задание?). В тексте рекламы используется имя Альфреда Эйнштейна в качестве контекстуального имени нарицательного «гениальный ученый, гениальная личность», которое является об-

¹⁰ В отличие от художественного текста рекламный текст не может позволить себе комментарий или ссылки.

¹¹ Примеры заимствованы из работы Никитиной А.А.

щим фоновым знанием любого современного человека. Проблем с «расшифровкой» данного имени собственного у потенциального покупателя (англоязычного или русскоязычного) не возникает¹². Второй пример – реклама ковра Queen Elizabeth: An early Elizabethan treasure, hand-woven by 16th century artisans (Сокровище раннего Елизаветинского периода, сотканное руками мастериц 16 века). Текст данной рекламы уже не так однозначно понятен потенциальному русскоязычному покупателю, хотя в целом информацию он, безусловно, воспримет: речь идет о королеве Елизавете I.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что используемые в оригинальной рекламе аллюзивные имена собственные должны быть знакомы представителям иноязычной культуры, для которых предназначена переводная реклама.

Парадокс перевода рекламы часто заключается в том, что рекламный текст переведен, но тем не менее не понятен, и здесь приходится вспомнить о том, что перевод рекламы заключается не только и не столько в переводе слов и словосочетаний, а в передаче имплицитной культурологической информации, которая воспринимается как сама собой разумеющаяся в рамках одной культуры и может не восприниматься вообще представителями другой культуры.

В каждой культуре есть определенные единицы, которые определяют ее национальные особенности, формируют национальную картину мира. Принадлежность к разным культурно-языковым сообществам является потенциальной причиной непонимания рекламного сообщения, т.е. нарушением коммуникации.

Любопытной представляется реклама донатсов (пончиков), опубликованная на страницах газеты The Moscow Times¹³:

Just imagine that militia will find out it...

Dunkin' Donats¹⁴

Чтобы понять, а, следовательно, и при необходимости перевести данную рекламу, нужно обладать определенными культуроло-

¹² Следует отметить, что имя ученого в русского традиции передается при помощи приема транслитерации.

¹³ Хотя газета выходит на английском языке, надо полагать, что читают ее и те, для которых английский язык не является родным, что создает любопытную культурологическую ситуацию с пониманием рекламного текста.

¹⁴ Пример приводится по работе: Халатян А.А. Национально-культурные компоненты в языке современной рекламы. – М., 1997. – с. 12-13.

логическими знаниями: в США донатсы – любимое лакомство полицейских, что постоянно служит поводом для многочисленных шуток о том, что полицейские слишком поздно прибывают на место преступления из-за того, что задержались в кафе, торгующем пончиками. Имплицидно реклама предостерегает граждан – иностранных и российских – о том, что в скором времени из-за донатсов качество работы сотрудников ОВД может снизиться. Буквальный перевод данной рекламы (Представьте, что об этом узнает милиция. Dunkin' Donats) явно не достаточен.

Прецедентные тексты также часто оказываются задействованными в рекламных целях [6]. Их перевод также бывает сложен. Так, в рекламном тексте компании Beiersdorf AG было использовано название одного из хитов Э. Пресли “Only you” (естественно на английском языке, т.е. языке прецедентного текста), при том что сам рекламный текст был на немецком языке:

Nivea Creme
Was die Haut zum Leben braucht.
Only you¹⁵.

Логично предположить, что при переводе на русский язык английский текст останется неизменным, и тому есть несколько причин: Э. Пресли никогда не пел на русском языке; перевода текста песни на русский язык нет; «прецедентность» текста при его переводе на русский язык пропадет. Но возникает вопрос: а русская аудитория отдает себе отчет, что в рекламном сообщении использован прецедентный текст? К сожалению, ответить на этот вопрос однозначно нельзя, надо провести хотя бы небольшой социальный опрос.

Надо признать, что в большинстве своем прецедентные тексты плохо идентифицируются представителями других культур – счастливое исключение представляют те, которые входят в так называемый общекультурный фонд.

Перевод рекламы в принципе возможен, однако потери, как и при любом переводе, неизбежны, поэтому переводчик должен уметь расставлять приоритеты. Среди доминант перевода рекламного текста приоритетное положение, конечно, занимает лексика, оформляющая когнитивную информацию.

Литература

¹⁵ Пример взят из работы: Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2004.

1. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.
2. Исакова А.А. Имя собственное в производстве: Эволюция прагматического пространства. – Тюмень: Печатник, 2008. – 208 с.
3. Крюкова И.В. Рекламное имя: От изобретения до прецедентности. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.
4. Мамонтов А.С. Кросс-культурный анализ: (Лингвострановедение в сфере рекламы). – М.: МГСА, 2002. – 128 с.
5. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация / Изд. 2-е, испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 280 с.
6. Постнова Т.Е. Прецедентные тексты в рекламе. – М.: Издательство МГОУ, 2007. – 126 с.
7. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1973. - С. 202-228.

© М.Б. Раренко, 2017

А.Ю. Рогачёва

МБОУ СОШ №3, г. Ишимбай, Россия

Морфологические особенности туристической рекламы

Данная статья является актуальной, так как в настоящий момент наблюдается повсеместное развитие туристической сферы, а следовательно и развитие туристической рекламы и языка рекламы.

Мы проанализировали туристическую рекламу с морфологической точки зрения. Рассмотрели особенности употребления в ней имён существительных, имён прилагательных и глаголов.

Имена существительные употребляются здесь как в единственном, так и во множественном числе.

Имена существительные в ед. числе:

Canada is simply amazing in its *diversity* [3].

Имена существительные во множественном числе:

9 wonderful *islands* that combine the very best *views*, culture, heritage and *activities* (The Azores) [1].

Ещё один важный аспект с нашей точки зрения, который требует пристального рассмотрения – это категория определённости и неопределённости.

Данная категория играет в английском языке большую роль. Здесь мы будем говорить об употреблении существительных с определённым и неопределённым артиклем.

С определённым артиклем имена существительные употребляются в следующих предложениях.

The Azores: The Perfect destination for a family holiday [1].

A journey across *the Bolivian* salt flats is an expedition like none other [4].

И предложения, в которых имена существительные употребляются с неопределённым артиклем:

Experience how beautiful *a trip* to North Carolina can be [5].

A country of unexpected contrasts, Portugal is *an* exciting and stimulating *one* to explore [1].

Глаголы играют большую роль, позволяя существительному реализовать свои структурные, семантические и прагматические функции. Специфика морфологии английского языка делает преобладающей номинативную форму английского языка.

Встречаются глагольные формы любого лица, при этом могут быть использованы различные временные формы (прошедшее время, будущее, настоящее).

Настоящее: 47 years later, and *we still love* promoting this enchanting island. (Cyprus) [1].

Прошедшее: Where *has* the ocean *gone*? You wonder as you wander over the sea bed in the Bay of Funday [2].

Основной прагматической функцией глагола в рекламном тексте является склонение адресата к какому-либо действию, поэтому нередко встречаются глаголы в повелительном наклонении:

Come try the floating bed, swaying back and forth as you relax in the sun or under starry skies (Miami Beach-Dorchester) [3].

Discover the rich culture and history of southern Albania on a one week private guided tour [1].

Нередко можно встретить глаголы в инфинитиве:

A truly interesting and picturesque region *to visit*. (Southern Region) [3].

Welcome to New York. Holidays in New York-where *to take* the first bit into the Big Apple? [4].

В туристической рекламе не обходится и без имён прилагательных, которые придают объявлению стилистическую окраску и

служат для создания эмоционального воздействия. Чаще всего встречаются качественные имена прилагательные.

Особенностью качественных имён прилагательных является наличие у них степеней сравнения: положительной, сравнительной и превосходной. И сравнительная, и превосходная степени сравнения имеют 2 способа образования: они образуются от формы в положительной степени синтетически (с помощью суффиксов -er, -est) или аналитически (с помощью more, most). Чаще всего используется именно превосходная степень сравнения:

Walk on the ocean floor-or through north america's *oldest* city. (Atlantic Canada) [2].

National parks are America's *most precious* treasures [3].

The largest system of fresh, surface water on Earth. (Great Lakes Region) [3].

Таким образом, имена существительные, использованные в туристических рекламах на английском языке, служат средством привлечения туристов, в связи с чем стилистически окрашены.

Глаголы представлены во всех формах наклонений и во всех временах. Большое количество глаголов используется в повелительном наклонении.

Имена прилагательные могут быть использованы в трёх степенях сравнения.

Литература

1. Sunvil Company <http://sunvil.co.uk> - (Дата обращения: 08.2017).
2. The Ultimate Travel Company <http://theultimatetravelcompany.co.uk> (Дата обращения: 08.2017)
3. Tour operator TOURS-USA.com <http://tours-usa.com> (Дата обращения: 08.2017)
4. Tour operator Tucan Travel <http://tucantravel.com> (Дата обращения: 08.2017)
5. Visit North Carolina office <http://visitnc.com> (Дата обращения: 08.2017)

©А. Ю. Рогачёва, 2017

Роль интертекста в понимании башкирской поэзии XIX века

Под интертекстом в настоящей работе понимается текст, содержащий моно- и полиреферентные заимствования, складывающиеся в его внутренней структуре в разноуровневые цитатные комплексы, привносящие и соединяющие в его содержательном пространстве сумму референтных смыслов предшествующих текстов. Верификация интертекстуальных связей производится за счёт упоминаний источников скрытого и явного цитирования в широком авторском дискурсе [4, 10]. Под башкирской поэзией XIX века подразумеваются поэтические произведения, созданные в XIX столетии в регионе проживания башкир или за его пределами авторами-башкирами на письменном языке тюрки (старотюркский, чагатайский) в рамках традиционных восточных литературных форм (*касида*, *кит'а*, *маснави* и др.), основанных на классических персидских и арабских образцах, и находящихся в русле непрерывной традиции, восходящей к творчеству авторов XI-XII веков (Йусуфа Баласагуни, Ахмада Йасави, Сулаймана Бакиргани).

Устойчивость этой традиции привела к тому, что ключевую роль в восприятии поэтического текста и возникновении эстетического эффекта стало играть не непосредственное «первичное переживание» от прочитанного, а «переживание культурное», то есть реминисценции из предшествующей литературы, фольклора, источников мистического чувства – Корана и хадисов. Для понимания текста, созданного в рамках мусульманской поэтической традиции, требуется большая работа по её изучению и особая эрудиция. [5, 27-28]. Когда традиция несёт большие потери или оказывается утраченной в результате иноземных влияний, возникновения новых литературных форм, изменения методов обучения в школе или других факторов, понимание её текстов неизбежно оказывается ограниченным. В этом плане показательно восприятие наследия башкирского поэта Мифтах ад-Дина Акмуллы (1831-1895) в советском и современном Башкортостане как некой «вещи в себе», отдельной от предшествующей традиции и как бы не имеющей ин-

тертекстуальных включений, значимых для понимания и интерпретации стихотворений.

Разберём это на примере стихотворения «Я дивана» (дивана – юродивый), впервые опубликованного в 1892 году в качестве последней части «Элегии в память о Шихаб ад-Дине Марджани», изданного башкирской кириллицей в 1981 году и в переводе на русский язык – в 1986 году [1]. В современных публикациях произведение трактуется как передающее «истинное самочувствие в своем обществе и осознание своего положения как независимого творца» и утверждающее «подлинную ценность правдивого поэтического слова» [8].

Интертекст присутствует в стихотворении на трёх уровнях: во-первых, это собственно цитаты, то есть включения в более или менее целостном виде фрагментов из более ранних текстов, во-вторых, аллюзии, отсылающие к претекстам, но не цитирующие их, в-третьих, поэтические фигуры (*истилахаташ-шу'ара*) – символика, религиозно-символическая терминология, понимаемая не на лексическом, а на символическом уровне.

В исследуемом тексте встречаются отсылки к священным текстам мусульман, общему сульманской религиозно-философской и литературной классике, тюркоязычной поэзии предшествующих веков. Так стихи Корана цитируются башкирским поэтом дважды. Первый раз это происходит в седьмой строфе стихотворения, опущенной в советских и постсоветских изданиях. Священный текст (36: 59) представлен на языке оригинала:

*Андан башка бик күб синең начар йерең. * Кәбер чыгар, йокоңны ачар йерең,*

*“Үд-мтазу-л-йәүм” дигән нидә кәндә, * Бәдбәхет! Барма шунда качар йерең?*

*Кроме этого, очень много у тебя дурных черт, * [Когда пора будет] вставать из могилы, пробуждаться от сна,*

*В день **призыва: «Отделитесь сегодня!»**, * О несчастный, есть ли тебе куда убежать?*

Полностью цитируемый аят гласит следующее: «Отделитесь сегодня, грешники!» - и является частью пространного описания Страшного суда, когда праведники будут отделены от «неверных, лицемеров и тех, кто не выполнял божественных предписаний» (разъяснение даётся, согласно распространённым на Урале толко-

ваниям Корана [7, 44]), и последние понесут заслуженное наказание. Характерно, что этот же коранический стих в похожем контексте цитируется в поэме «Сабат ал-аджизин» (Опора слабых) среднеазиатского мистика Суфия Аллахийара, чрезвычайно популярного в Урало-Поволжье [10]:

Йәнә килсә нидә, андин белеңләр: “Йаманлар йахиылардин айрылыңлар!”

*Ещё, если придёт призыв, знайте: * «Дурные от хороших отделитесь».*

Второй раз священное писание мусульман представлено уже на тюркском языке в виде аллюзии в шестой строфе:

*Күкрәгең катуб калган ташдан йаман. * Эшең күб килүшмәгән андан башика.*

*Гибадәт диб азабланган коры гәдәт * Ахирәт эшләренә йарамасдай.*

*Твоя грудь хуже затвердевшего камня. * Неподходящих дел у тебя много и кроме этого.*

*Сухой обычай – мучиться ради поклонения, * Не подобающий делам вечного мира.*

Её претекстом является широко известный стих, обличающий закоренелых противников ислама: «Потом ожесточились сердца ваши после этого: они точно камень или еще более жестокие. Да! И среди камней есть такие, откуда выбиваются источники, и среди них есть то, что рассекается, и оттуда исходит вода, среди них есть то, что повергается от страха перед Аллахом. Аллах не небрежет тем, что вы делаете!» (2: 74), и ставший одним из источников широко распространенной метафоры духовного самосовершенствования как «полировки сердца»[6, 17].

Для переводчика на русский язык религиозная коннотация, за исключением собственно терминов ‘ибада’поклонение’ и ахира’мир вечный’ оказалась недоступной. При переводе была разрушена и устойчивая символика груди-сердца-камня как объекта для очищения и улучшения путём «полировки», ведь гранит – блестящий камень:

Твоя душа – не дух, она гранит.

О сколько грязных дел она хранит.

Молебен твой душе твоей не нужен,

В загробный мир граниту путь закрыт. [1, 147]

Мотив животной души – *нафса*, сбивающего людей с пути истинного, реализуется в четвёртой и пятой строфах стихотворения с опорой на произведения среднеазиатского мистика XII века Ахмада Йасави, стихи которого имели широкое хождение в тюркском мире вплоть до настоящего времени. Так занимающая в стихотворении центральное место восьмая строфа отсылает читателя сразу к нескольким хикметам Ахмада Йасави:

*Борадар! Башдан бәлә без кичүргән, * Күб кайгу тарта-тарта без исергән.*

*Башым хэйран, эшем вэйран, диуанамын. * Ни мэгәнә чыгар, дисез бер исәрдән?*

*О брат! Беду пережившие – мы, * Много горя испив, опын-невшие – мы.*

*Моя голова поражена, мои дела разрушены, я дивана. * Скажите, какой смысл произойдет от дурака? (Акмулла)*

*Эчмеш, йемеш ниғмәтләре – кайгу-михнәт. * Ни йөз берлә Хәзрәтегә баргам мына.*

*Богатства, которые он ест и пьёт, – горе и страдание, * С каким лицом отправлюсь я к Господу? (Йасави, Хикмет 26)*

*Аклым хэйран, күзүм гирийан, ханә вэйран * Хакк йулыны белалмасмын үзүм надан.*

*Мой разум поражён, глаза в слезах, дом разрушен, * Я невежда, не узнаю пути к Истинному (Йасави, Хикмет 65).*

*Хак васлыны эзләб табмай хайранамын * Тынмай йыглаб күңде бозок диуанамын.*

*Я поражённый, не могу найти связи с Истинным, * Я дивана с испорченной душой, плачущий без остановки (Йасави, Хикмет 14)[9, 168, 266, 130].*

Как явствует из примеров, и мотив *питья горя*, и описание эмоций парой *hayrân – veyrân*, и привязка к одному из её компонентов мотива *невежества - юродства*, и ритмическая структура такого описания – всё это является частью традиции, причём имеет явную религиозно-мистическую коннотацию, связанную с духовными исканиями, утраченную при переводе:

Друзья мои, я беды испытал,

От этих бед, я бедный, пьяным стал.

Я пуст, я глуп, я глух, я дивана,

Что толку от меня, коль я устал! [1, 148]

Содержащееся в предпоследней строфе сравнение автора со свиньёй и собакой также является цитатой из широко известной в мусульманском мире поэмы «Илахинаме» (Книга божественного) персидского мистика Фарид ад-Дина Аттара (XIII век), причём речь в цитируемом отрывке идёт о *нафсе* – животной душе человека, воспитание которой является основной заботой мистика:

*Если я побуждаю ко злу, * то я в сто раз хуже, чем свинья или собака*[3, 199].

Таким образом, двестишие

*Үзүмне эт-дуңғызга хисаб итсәм, * Үзүмне ул вақытда мактаганым.*

*Если сочту себя собакой или свиньёй, * Тогда я себя похвалил, -*

оказывается описанием внутренних переживаний лирического героя, а не просто традиционным самоуничижением.

Что касается собственно поэтической терминологии, то она представлена в стихотворении достаточно скромно. Остановимся лишь на образе *сәфәр* путешествие (строфа 2), традиционно трактующемся как жизненный путь или внутреннее развитие личности, антитезе *апельсины – морковь* (строфа 3), первый член которой символизирует в османской поэзии надежду, а второй – способность попадать под внешние влияния, *сорок пять лет* – время принесения покаяний и отказа от прежних ошибок, мотиве *жизнь как сон*, восходящем к хадису повторённым, в частности, Дж. Руми [6, 149].

Таким образом, сравнительно небольшой по объёму текст башкирского поэта XIX века достаточно плотно насыщен прямыми и косвенными отсылками к священному писанию мусульман, хадисам пророка Мухаммада, произведениям персидских и тюркских поэтов-суфиев средневековья, а также образами, которые могут быть трактованы не только в прямом, но и в переносном значении как литературные фигуры, обозначающие внутренние состояния человека.

Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 17-04-00193 «Исторический корпус башкирского языка».

Литература

1. Акмулла М.К. Стихи / перевод с башкирского. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. – 160 с.

2. Акмулла М.К. Элегии в память о Шихаб ад-Дине Марджани и другие стихотворения. – Казань: электротипиграфия «Шараф», 1907. – 24 с. (на тюрки араб. граф.)
3. Лахути Л.Г. Маснави Фарид-ад-Дина'Аттара «Илахи-наме». К проблемам понимания и перевода //Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – №. 2. – С. 180-220.
4. Литвиненко Т.Е. Интертекст и его лингвистические основы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2008. – 28 с.
5. Пригарина Н.И. Мир поэта – мир поэзии. Статьи и эссе. – М.: ИВ РАН, 2012. – 352 с.
6. Руми Джалал ад-Дин Мухаммад. Маснави-йима'нави («Поэма о скрытом смысле»). Четвертый дафтар (бейты 1—3855) / Пер. сперс. Л.Г. Лахути, Н.И. Пригариной, М.А. Русанова, Н.Ю. Чалисовой; Координатор проекта Н. И. Пригарина; Науч. ред. Я. Эшотса, указ. Л. Г. Лахути. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2010. — 496 с.
7. Тадж ад-Дин ибн Йалчигул. Китаб-и шараф-и ма'абхафт-и йактафсири. – Казань, 1865. – 380 с. (на тюрки араб. граф.)
8. Шарипова З.Я. Образ поэта в поэтическом творчестве М. Акмуллы // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.;URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17087> (дата обращения: 01.11.2017).
9. Ahmed Yesevî. Açıklamalı Divân-ı Hikmet. İstanbul, Sağlam Yayınevi, 2016. 656 s.
10. Sofi Olloyor. Sabot ul-ojizin [Elektronresurs]. – URL: http://www.kutubxona.com/So%CA%BBfi_Olloyor._Sabot_ul-Ojizin (Ko'rishsanasi: 1.11.2017).

© И.Р. Сайтбатталов, 2017

Г.В. Салимьянова
БашГУ, г.Уфа, Россия

Реализация категории вежливости в ритуале гостеприимства (на материале английского языка)

Гостеприимство как этическая норма тесно связано с категорией вежливости, которые реализуются в максимах вежливости Дж. Лича. Он в своем исследовании вводит Принцип Вежливости, соблюдение которого, в конечном счете, имеет целью

добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет «соблюдения социального равновесия и дружественных отношений» [9, 82]. В процессе коммуникации принцип вежливости реализуется с помощью нижеперечисленных максим: 1) максима такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому), 2) максима великодушия (оказывай минимум удобств себе и максимум неудобств себе же), 3) максима одобрения (своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других), 4) максима скромности (минимально хвали себя, максимально порицай себя), 5) максима согласия (своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другими), 6) максима симпатии (своди к минимуму антипатию между собой и другим, стремись к максимальной симпатии между собой и другим) [9, 132].

На наш взгляд, ситуацию гостеприимства можно разделить на следующие этапы: предварительный этап организации ситуации гостеприимства и этап пребывания в гостях. *Предварительный этап* организации ситуации гостеприимства состоит преимущественно из речевого акта *приглашение*. Непосредственно на *этапе пребывания в гостях* кроме приглашения в речевом репертуаре хозяина имеет место быть и речевой акт *предложение своих услуг* [2, 262].

Многие авторы (Е.И. Беляева, Н.И. Формановская, Е.А. Филимонова, З.С. Гусейханова) отмечают сходство речевых актов *приглашение* и *предложение своих услуг*, что в рамках нашего исследования позволяет утверждать, что оба речевых акта включают инвитивное побуждение (от латинского *invitare* – приглашать). Понятие *инвитивной побудительности* можно определить как гостеприимное волеизъявление (побуждение) хозяина, бенефактивность которого направлена на гостя [3, 115].

Целью данной статьи является рассмотрение максим принципа вежливости Дж. Лича на предварительном этапе ритуала гостеприимства у англичан.

По Дж. Личу, речевые акты *приглашение* и *предложение своих услуг* относятся к дружественным иллокуциям и, следовательно, являются изначально вежливыми. Однако, если пропозициональное содержание речевого акта предполагает для адресата

беспокойство или ущерб, то необходимо использование косвенных форм иллокуций. Это положение демонстрируется шкалой косвенности: чем более косвенно выражена иллокуция импозитива, тем легче адресату отказаться [9].

Рассмотрим соблюдение/нарушение максим вежливости при использовании инвитивного побуждения *на первоначальном этапе* организации ритуала гостеприимства. Необходимо отметить, что *Максиму Согласия* мы *не рассматриваем* в нашем анализе максим вежливости, так как она реализуется только в ответных высказываниях адресата в качестве *реакции* на высказывание говорящего.

Максима Такта. Рассматриваемая максима реализуется в основном в импозитивах, а именно речевых актах просьбы, совета и *приглашения*. В следующем примере, приглашающий провоцирует адресата на определенные действия, но Максима Такта не нарушается: говорящий учитывает интересы и возможности собеседника. Степень косвенности инвитивного побуждения такова, что адресату дается возможность уклониться от выполнения действия, тем самым сводя к минимуму возможный ущерб для себя: выражая неуверенность в том, что адресат все еще будет на месте и что у него будет возможность встретиться с говорящим, последний обеспечивает для адресата возможность отказа, т.е. в данном случае соблюдается субмаксима а).

(1) “Look here,” I said, “I shall be in Market Chadwall tomorrow. I---I suppose--I don't know whether you'll still be there I mean, would there be any chance of—seeing you? Well, perhaps you'd come and have tea at a cafe? - the Blue Dog I think it's called. It's quite nice,” I said. “I'll be there waiting for you,” I said [5, 43-44].

Если же говорящий уверен в желании адресата осуществить предполагаемое действие, либо говорящий уверен в том, что данное действие полезно/приятно для адресата, то реализуется субмаксима б) польза для собеседника должна быть максимальной.

(2) “Come to chop tonight, Scobie. We've got a bit of real Argentine beef.” It was too much of an effort in this dream world to refuse an invitation [6, 183].

В данном примере использование инвитивного побуждения по отношению к адресату не нарушает субмаксиму б) Максими

Такта, потому что говорящий уверен в том, что собеседнику приглашение будет приятно.

Максима Благородства. Данная максима соблюдается в случае, когда говорящий не указывает на свою роль в оказываемой адресату услуге, что уменьшает пользу для говорящего (1-ая субмаксима).

(3) “Do come — yes, *it would be so nice,*” pleaded Ursula [8, 626].

Максима Благородства нарушается и в тех случаях, когда адресант не пытается скрыть свою заинтересованность в будущем приходе адресата в гости (нарушение 1-ой субмаксимы).

(4) “... But will you and your wife come and dine with me tomorrow night at seven-thirty? *I should love it if you would*” [4, 328].

Соблюдение 2-ой субмаксимы *Максимы Благородства* возможно лишь до определенной степени, так как нестрогое соблюдение субмаксим б) *Максим Благородства и Скромности* – «увеличивай как можно больше ущерб для себя»; «критикуй себя как можно больше» - вынужден был признать и Лич, хотя и не отказался от бинарного принципа в выделении максим и субмаксим [9, 133]. Некоторые авторы, например, Л.А. Азнабаева [1, 80, 138] считают, что субмаксимы б) *Максим Благородства и Скромности* не соответствуют конвенциональному речевому поведению.

Максима Скромности. На первоначальном этапе организации ритуала гостеприимства данная максима чаще всего нарушается, когда говорящий, хвастаясь, указывает на потенциальные достоинства прихода адресата к нему в дом (ресторан, кафе и т.д.), тем самым намекая на свои высокие организаторские способности или финансовые возможности (нарушение 1-ой субмаксимы – хвали себя как можно меньше).

(5) “*You must come out to my camp—that's where my real home is. Nearly a thousand acres.Eight hundred anyway.Some of the best maté in the country. We could drive there now—it's only three quarters of an hour from here. A good night's sleep and afterward—a hair of the dog. I can give you real Scotch.*” “Not tonight. I have patients to see in the morning” [7].

Напротив, сомнения адресанта по поводу своих возможностей обеспечить достойный прием гостя говорят о соблюдении

Максимы Скромности (2-ая субмаксима – критикуй себя как можно больше):

В следующих случаях можно отметить соблюдение Максимы Скромности (*Potluck*), где инвитивное побуждение выступает как средство преуменьшения собственных возможностей (соблюдение 2-ой субмаксимы)

(6) “You must come and have dinner with us one day.” “I’d love to,” Wilson said. “*Just ring us up and take pot luck*” [6, 31].

(7) Then he said: “I’d be very glad if you’d stay and have a bit of dinner with me. *Potluck*” [10, 286]; (Буду рад, если вы останетесь и перекусите со мной, чем бог послал.)

Максима Одобрения. Что касается Максимы Одобрения (а) критикуй другого как можно меньше, б) хвали его как можно больше), которая относится «к другому» (в нашем случае предполагаемому гостю), то на первоначальном этапе организации ритуала гостеприимства ее действие не отмечалось.

Максима Симпатии. Что касается Максимы Симпатии, то для большинства случаев употребления инвитивных высказываний характерно соблюдение 2-ой субмаксимы (увеличивай как можно больше симпатию к другому), так как сам факт приглашения в гости подразумевает наличие симпатии говорящего по отношению к адресату. При реализации речевого акта приглашение на предварительном этапе Максима Такта обычно реализуется параллельно с Максимой Симпатии.

Итак, при реализации инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства соблюдение максим вежливости имеет определенную специфику. В *английском* языке на первоначальном этапе ритуала гостеприимства предпочтение отдается 1-ой субмаксиме (возможный моральный и эстетический ущерб для собеседника должен быть сведен к минимуму). Соблюдение Максимы Скромности было отмечено только на первоначальном этапе ритуала гостеприимства в *английской* лингвокультуре. Однако высокая степень заинтересованности коммуникатора в приходе гостя и поддержании с ним позитивных отношений во время его присутствия в доме может быть существенным основанием для нарушения 1-ой субмаксимы Максимы Скромности (похвала в свой адрес должна быть минимальной). Соблюдение Максимы Благородства (1-ая субмаксима – моральная

и эстетическая выгода для себя должна быть сведена к минимуму) связано с вуалированием роли хозяина в обеспечении приятного времяпровождения гостя и на предварительном этапе ритуала гостеприимства; нарушение данной субмаксимы часто происходит при настойчивом приглашении со стороны хозяина. Вторая субмаксима Максимы Благородства (максимальный ущерб должен относиться к говорящему) в ритуале гостеприимства не отмечена. Анализ примеров показал, что в большинстве случаев употребления инвитивных высказываний характерно соблюдение 2-ой субмаксимы Максимы Симпатии, так как реализация инвитива подразумевает наличие позитивного отношения говорящего по отношению к адресату, в то время как действие Максимы Одобрения не отмечается на предварительном этапе ритуала гостеприимства.

Таким образом, знание принципов или правил конвенциональной коммуникации, национально-культурных особенностей использования вежливости ведет к пониманию коммуникативного поведения англичан, в том числе и в ритуале гостеприимства.

Литература

1. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге. –Уфа: РИО БашГУ, 2005. –198 с.
2. Азнабаева Л.А., Салимьянова Г.В. Речеактовое оформление инвитивной побудительности в ситуации гостеприимства (на материале английского языка). – Вестник БашГУ, 2017. Том 22. № 1. – С. 260-265
3. Салимьянова Г.В. Речеактовый анализ инвитивной побудительности в ситуации гостеприимства (на материале английского языка) // ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ: Мат-лы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 15 декабря 2016 г.). / отв. ред. Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 114-119.
4. Aldington R. All men are enemies. Leipzig, Paris, Bologna: The Albatross Modern Continental Library. – 1938. Vol. 216. – 466 p.
5. Christie. A. Endless night. –СПб.: Антология, 2009. – 256 с.
6. Greene G. The Heart of the Matter. – London: Penguin books, 1962. – 264 p.
7. Greene G. The honorary counsel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3 (дата обращения 15.11.2011.)

8. Lawrence D.H. Selected works of D.H. Lawrence. Wordsworth Editions Limited, 2006. –1353 p.
9. Leech G. Principles of Pragmatics. London - New-York: Longman, 1983. 273 p.
10. Maugham W.S. Red // Английский рассказ 20 века. Сборник 2. на англ. яз. – Составитель Н.А. Самуэльян. – М.: Издательство «Менеджер», 2006. – С. 258-288.

© Г.В. Салимьянова, 2017

З. М. Сафина
БашГУ, г. Уфа, Россия

Семантическая структура пространственных предлогов

Первостепенное значение для выражения пространственных отношений в языке отводится предлогам. Несмотря на то, что изучение семантики лексических единиц всегда было в приоритете у исследователей, предлогам долгое время уделялось достаточно внимания в семантических исследованиях, и часто они рассматривались лишь в качестве грамматических средств языка. Цель данного исследования вызвана необходимостью выработать четкое определение лексического значения предлогов, а также выявить случаи их многозначности и синонимичности.

За последние несколько лет опубликовано огромное количество работ, в центре внимания которых стоят как отдельные предлоги, так и целые их группы. В ряде работ высказывается мнение о том, что определенную трудность представляет понимание самого понятия «значение предлога», так как долгое время оно отождествлялось только с грамматическим значением предлога [4, 135]. Тем не менее, часть исследователей считает, что предлоги не лишены лексического значения и характеризуются сложной семантической структурой. В трудах зарубежных и отечественных лингвистов всё чаще звучит мысль о многозначности предлогов. Например, О.Н. Селиверстова полагает, что лексическим значениям предлогов соответствуют некоторые общие понятия, такие как пространство, время, причина и т.д., которые в комбинации с грамматическим значением предлога представляются как отношения с распределёнными актантными ролями, приписываемыми денотатам знаменательных слов [9].

Исследователи придерживаются различных взглядов на место предлогов и послелогов в классификации частей речи. Так, отечественные лингвисты придерживаются традиционных взглядов на классификацию частей речи и относят наречия к знаменательным частям речи, а предлоги и частицы - к служебным [3] [6]. А.И. Смирницкий рассматривает предлоги не как отдельную часть речи, а как группу слов внутри наречия [10, 376]. Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская относят предлоги к полужнаменательным частям речи, которые обладают помимо грамматического еще и определенным лексическим значением [12, 207]. М.А. Ганшина и Н.М. Василевская утверждают, что предлоги не имеют независимого лексического значения, а служат в современном английском языке, потерявшем почти все падежные формы, для указания на различные связи существительных с другими словами в предложении. Предлоги могут показывать отношения существительного к существительному, существительного к прилагательному, существительного к глаголу [5, 307]. И.Е. Аничков считает, что предлоги, прежде всего, указывают на пространственные отношения существительного к другим знаменательным частям речи [2, 3]. Б.Н. Аксененко, напротив, полагает, что предлоги не только указывают на наличие определенных отношений между знаменательными словами в предложении, но при помощи своих значений раскрывают и уточняют содержание и характер этих отношений [1, 37].

Ряд зарубежных ученых считают нецелесообразным терминологическое различие между предлогом и послелогом, объясняя это слишком незначительным отличием между ними. Дж. Лайонз полагает, что в традиционной теории частей речи, разработанной для описания классических европейских языков, термин «предлог» использовался для обозначения класса неизменяемых слов с грамматическими или локальными функциями, которые, как правило, располагались непосредственно перед определяемым существительным (предлог по латыни *praepositio*, *prae-neped*, *positus положенный*, *поставленный*, отсюда французское *préposition*, английское *preposition*, немецкое *Präposition* [2, 3]). На самом же деле, считает Дж. Лайонз, положение этих слов до или после существительного не представляет собой значительного вопроса для грамматической теории в целом [16, 302]. С точки зрения О. Йесперсена, различия между наречиями, предлогами, союзами и междоме-

тиями, которые рассматриваются как четыре разные части речи почти во всех грамматиках, слишком преувеличены, что позволяет объединить их в один класс частиц. Разница в значении состоит лишь в том, полагает ученый, что в некоторых случаях данные частицы являются полнозначными, как, например, в *he climbs up* и *he falls down*, а в других они осложнены дополнением, например, в *he climbs up a tree*, *he falls down the stairs* [15, 87]. В задачи нашего исследования не входит вопрос о терминологическом разграничении данных классов слов, поэтому мы используем термин «предлог» по отношению ко всем случаям употребления *up* и *down*.

В словарях английского языка представлено значительное число глаголов и сочетаний с частицами, которые, по определению Ф. Палмера, являются словами, употребляющимися в функции как предлога, так и наречия. Эти частицы чрезвычайно распространены, особенно в разговорном английском. Наиболее часто употребляемыми являются *down*, *in*, *off*, *on*, *out*, *up*, в сочетании с глаголами *put*, *take*, *get*, *make* [17, 215]. Предлоги образовались из наречий, имен существительных (реже прилагательных) или из причастий, и могут быть разделены на наречные, отыменные, отглагольные или причастные. Наречные предлоги, такие как *up* и *down*, могут быть подразделены на простые, или первичные, образовавшиеся в глубокой древности из наречий места, и сложные, образовавшиеся из двух наречий или предлогов [2, 6]. Предлоги являются словами, выражающими важные грамматические отношения, которые сохраняются в течение ряда эпох. Так, предлог *up* засвидетельствован в литературных памятниках периода от 1000 до 1200 г., *down* вошел в словарь английского языка с XIV в. [1, 19]. Содержание и характер семантики предлогов чрезвычайно разнообразны. По мнению Б.Н. Аксененко, смысловое содержание и смысловый объем отдельного предлога могут быть весьма широкими, и отдельные значения такого предлога располагаются между полюсами (наиболее конкретным и самым абстрактным значениями) [1, 39]. С. Линднер полагает, что данные предлоги должны рассматриваться как сети, состоящие из набора конкретных смыслов и их обобщений [7, 58]. А. Тайлер и В. Иванс предполагают, что значения *up* связаны с положительной оценкой, а *down* - с отрицательной [18, 137]. По мнению Г. Кларка, положительная оценка обычно связана с наличием чего-то, а отрицательная - с отсутствием. Поскольку

все, что находится выше уровня земли, видимо, а находящееся ниже - невидимо, то и направление *up* воспринимается как положительное, а *down* - как отрицательное [13, 33].

В целях проведения означенного исследования нами сделана выборка предлогов *up* и *down* из произведения Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» (книга первая) [14] и его перевода на русский язык, выполненного Т. Краснолуцкой [11]. В анализируемом отрывке нами выявлено 154 случая использования предлога *up* и 69 применений *down*. При этом *up* только в 13 примерах употребляется самостоятельно, не в сочетании с глаголом, а *down* - в 9. Такое незначительное количество случаев изолированного употребления данных предлогов свидетельствует об их тесной связи с глаголами, что затрудняет как определение их значений, так и их перевод [8, 272]. Как свидетельствует наше исследование, не представляется возможной точная передача на русский язык всех оттенков значений исследуемых предлогов.

В целом, проблема определения термина «предлог» и исследование структуры значений предлогов как в английском, так и в русском языках требует дальнейшего изучения. Проведенный нами анализ практического материала показал, что наблюдаются случаи, когда предлоги дублируют свои значения или служат для расширения значений глаголов и наречий. Данные настоящего исследования позволяют использовать их при переводе художественного текста.

Литература

1. Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1956. 320 с.
2. Аничков И.Е. Вступительная статья // Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1956. С. 3 - 16.
3. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М.: Издательство Литературы на иностранных языках, 1960. 424 с.
4. Бороздина И.С. Предлоги как специфическое средство вербализации пространственных отношений // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск: Курский государственный университет, 2010. С. 134 – 138.
5. Ганшина М.А., Василевская Н.М. Практическая грамматика английского языка. М.: Изд-во "Высшая школа", 1964. 548 с.
6. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. Ленинград: Издательство «Просвещение», 1971. 366 с.

7. Линднер С. То, что движется вверх (up), не обязательно может следовать вниз (down): сопоставление in и out // Исследования по семантике предлогов: Сб. статей. М.: Русские словари, 2000. С. 55 - 82.
8. Морозкина Е.А., Морозкин Ю.Н., Сафина З.М. Пространственные предлоги в свете теории фракталов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. № 2. 2017. С. 269 – 276.
9. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
10. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
11. Фицджеральд Ф.С. Ночь нежна // <http://fitzgerald.narod.ru/tend/nochalt01.html>
12. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Издательство «Высшая школа», 1987. 298 с.
13. Clark H. Space, time, semantics, and the child // Cognitive development and the acquisition of language. Edited by Timothy E. Moore. Toronto: Academic Press, 1973. P. 27 - 63.
14. Fitzgerald F.S. Tender is the Night // http://fitzgerald.narod.ru/tend/orig_tender_01.html
15. Jespersen O. The philosophy of grammar. London: Unwin Brothers LTD., 1958. 359 p.
16. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Great Britain: Cambridge University Press. 1995. 519 p.
17. Palmer F.R. The English Verb. New York: Longman, 1987. 268 p.
18. Tyler A., Evans V. The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition. New York: Cambridge University Press, 2003. 254 p.

© З.М. Сафина, 2017

О.О. Тимирбаева
БашГУ, г.Уфа, Россия

Способы перевода прецедентных феноменов в художественном тексте (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и англоязычных версий его перевода)

Несмотря на значительный научный интерес к проблемам прецедентности среди отечественных и зарубежных лингвистов, в настоящее время наблюдается недостаток исследований, посвященных изучению прецедентных феноменов как объектов перево-

да с русского на английский язык, что определяет актуальность данной статьи.

В связи с этим, целью данной работы является анализ способов перевода прецедентных феноменов в оригинале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и англоязычных версиях его переводов, созданных М. Паркером (1947), Дж. Уиздомом и М. Мюрреем (1924). Поставленная цель предполагает решение следующих задач: рассмотреть теоретические основы понятия «прецедентный феномен» и его классификацию, выявить прецедентные феномены в прозе М.Ю. Лермонтова и проанализировать способы их перевода с точки зрения адекватности переводческих решений.

Теория прецедентных феноменов зародилась в русле лингвокультурологии, сторонники которой подчеркивают когнитивный характер функционирования прецедентных феноменов [3, 46] и определяют их как «феномены, которые хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, актуальны в когнитивном плане и постоянно возобновляются в речи представителей данного лингвокультурного сообщества» [4, 12]. Прецедентные феномены могут быть представлены однокомпонентными единицами (имена собственные), многокомпонентными единицами (фразеологизмы), а также предикативными или полипредикативными единицами (паремии, цитаты, детские стихи, крылатые слова). Интересно, что со временем их состав меняется, так как устаревшие выпадают из употребления, но в то же время другие приобретают новые окраски и смыслы, тем самым приводя к появлению новых прецедентных феноменов. Например, раньше прецедентными становились имена, выражения, ситуации, связанные с учеными, художественными произведениями и историческими событиями, сегодня - названия фильмов, заглавия книг, имена политиков и общественных деятелей (Чубайс, Жириновский, Садам Хусейн, Дональд Трамп).

Основываясь на степени освоенности и частоты обращения к прецедентным феноменам, лингвисты выделяют несколько уровней прецедентности: социумно-прецедентный, национально-прецедентный, универсально-прецедентный. Социумно-прецедентные феномены – это феномены, известные любому представителю социума (профессионального, генерационного и т.д.).

Национально-прецедентные феномены известны любому члену национальной лингвокультурной общности и входят в национальное когнитивное пространство. Универсально-прецедентные феномены знакомы любому современному человеку благодаря глобализации культуры.

В основу классификации прецедентных феноменов могут быть положены разные критерии: уровень известности, распространенности (социумно-прецедентные, универсально-прецедентные, национально-прецедентные), вербальность или невербальность, соотнесенность с исходным текстом [2, 3]. Отечественные лингвисты классифицируют прецедентные феномены по их отнесенности к исходному тексту, и выделяют прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации.

Вильгельм фон Гумбольдт определяет перевод текста или сообщения с одного языка на другой как важнейшую проблему соотношения языка и мышления, которые, «находясь в нерасторжимом единстве», одновременно содержат внутреннюю противоречивость, что, естественно, затрудняет процесс понимания и интерпретации сообщения [8, 111]. Кроме того, «понимание текста часто усложняется временным, культурным и языковым разрывом между автором текста и его интерпретатором, который в нашем случае выступает в роли переводчика» [7, 86]. Поэтому для современного читателя прецедентные феномены, употребленные в тексте художественного произведения, созданного в XIX или первой половине XX столетия, могут затруднить адекватное восприятие и понимание художественного текста. Причины этих затруднений могут заключаться в глобальных культурно-исторических изменениях, произошедших от момента написания текста до момента его восприятия и интерпретации. Среди подходов к переводу прецедентных феноменов в художественном тексте лингвисты выделяют адаптацию и комментирование, которые, в свою очередь, осуществляются при помощи ряда переводческих приемов: 1) транскрипция/транслитерация; 2) введение неологизма; 3) приблизительный перевод; 4) принцип родовидовой замены; 5) описательный перевод; 6) дословный перевод или калькирование; 7) контекстуальная замена.

Анализ прецедентных феноменов, обнаруженных в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», позволяет выделить их основные уровни и типы: национально-прецедентные феномены, введенные в текст как аллюзии на исторические личности и художественные произведения русских писателей (А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов), и универсально-прецедентные феномены, представленные, прежде всего, отсылками к классической европейской литературе. Примечателен тот факт, что литературные критики находят «истоки «странностей и загадок» романа в его связях с европейской литературной традицией, называя «Героя нашего времени» «самым европейским из классических русских романов XIX века» [6, 81].

Переходя к анализу языковых способов передачи прецедентных феноменов при переводе романа на английский язык, отметим, что «собственно перевод прецедентных имен, высказываний, аллюзивных и интертекстуальных включений может не представлять особых трудностей и выполняется по общим правилам перевода, включая этапы словарного и контекстного анализа единицы и поиска эквивалентного (адекватного) соответствия в переводящем языке, сопровождающийся применением различных лексико-грамматических (реже стилистических) трансформаций» [1, 135]. Например, при передаче универсальных прецедентов, выраженных прецедентными именами, переводчики М. Паркер, Дж. Уиздом и М. Мюррей использовали готовые соответствия в английском языке: *Пушкин – Pushkin, Ватерлоо – Waterloo, лорд Байрон – Lord Byron, Александр Великий – Alexander the Great, Архимед – Archimedes, Мефистофель – Mephistopheles, Юлий Цезарь – Julius Caesar, Нерон – Nero.*

Если же речь идет о национально-прецедентных феноменах, слабо освоенных принимающей языковой системой и культурой, то оптимальным способом перевода в этом случае является адаптация в форме комментария либо через описательный или приближенный перевод. Адаптивный перевод часто используется в совокупности с такими приемами, как транскрипция, транслитерация и калькирование, широко применяющимися для передачи культурно-коннотированных единиц [1, 135], например:

Оригинал	Перевод
«... в костюмах, составляющих смесь <i>черкесского с нижегородским</i> » [5, 112].	“there was a mixture of <i>Cherkess and Nizhni-Novgorod</i> ” [10, 112]. “in costumes which formed a medley of <i>the Circassian and Nizhegorodian</i> ” [11, 89].

Первоначальным источником прецедентного выражения «черкесского с нижегородским» является крылатое выражение «смесь французского с нижегородским» из комедии в стихах А.С. Грибоедова «Горе от ума», под которым подразумевается смесь различных, весьма противоположных по духу и не особо совместимых компонентов. Переводчики не идентифицировали данное прецедентное выражение, об этом можно судить по комментарию, данному Дж. Уиздомом и М. Мюрреем, «Nizhegorodian is the “government” of which Nizhnii Novgorod is the capital”. Следовательно, при дословном переводе была утеряна образность выражения, тонкая игра со смыслами и авторская ирония.

Рассмотрим еще один пример прецедентного феномена, выраженного высказыванием:

Оригинал	Перевод
«Натура — дура, <i>судьба</i> — <i>индейка</i> , а жизнь — копейка» [5, 173].	“Nature, fate, life itself, all are but worthless pelf!” [10, 169]. “Nature is a fool, <i>fate a turkeyhen</i> , and life a copeck!” [11, 115].

Данный пример содержит устоявшуюся для русского языка фразу «судьба – индейка», которая означает неразумную и непостижимую predeterminedness событий и поступков человека. Переводчик М. Паркер не стал переводить данную фразу дословно, а использовал опущение, тем самым он полностью передал смысл для англоговорящих читателей. В свою очередь, Дж. Уиздом и М. Мюррей использовали дословный перевод с комментарием, где был приведен английский эквивалент: “Men are fools, fortune is blind, and life is not worth a straw”, а также такой прием как калькирование «индейка – turkeyhen» и «копейка – copeck».

Национально-специфичные выражения передаются на основе готовых соответствий, приводимых из ранее выполненных переводов, при условии, что данные соответствия хорошо узнаваемы

носителями переводящего языка, например, строки из произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин», переведенного на английский язык:

Оригинал	Перевод
«Ума холодных наблюдений И сердца горестных замет» [5, 146]	“The mind’s reflections coldly noted, The bitter insights of the heart” [10, 143]. “A wind which coldly bath observed, A heart which bears the stamp of woe” [11, 115].

В этом случае переводчики внесли затекстовую сноску, указав, чьими переводами они воспользовались, тем самым акцентировав внимание читателей на прецедентном характере включения. Следует отметить, что при отсутствии готовых соответствий в переводящей литературе или, если существующие переводы не удовлетворяют требования нового контекста, переводчик вынужден выполнять перевод самостоятельно.

Таким образом, при переводе прецедентных феноменов переводчики М. Паркер, Дж. Уиздом и М. Мюррей использовали либо метод комментирования, либо адаптирования в зависимости от значимости прецедента в контексте, от характера самого прецедентного феномена, его места в лексических системах языков оригинала и перевода, от словообразовательных возможностей языков и от реципиента перевода (по сравнению с реципиентом оригинала). Следует отметить, что в художественном тексте прецедентные феномены приобретают особую ценность и значимость, которую необходимо сохранить при переводе текста на иностранный язык, особенно это актуально при переводе с русского на английский язык, поскольку прецедентные феномены содержат двойной смысл и «представляют собой своеобразный «след культуры» в художественном произведении» [9, 66].

Литература

1. Воронцова И.А. Прецедентные феномены в художественном тексте: проблема интерпретации и перевода (на материале романов Дж. Фаулза «Коллекционер» и «Любовница французского лейтенанта») // Вестник КГУ. 2015. №3.
2. Должикова С.Н. Прецедентные феномены в английском языке // Сфера услуг: инновации и качество. – Краснодар, 2011. – № 2. – С. 213–222.

3. Завьялова Г.А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков): дисс. канд. филол. Наук / Г.А. Завьялова. – Кемерово, 2014. – 185 с.
4. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований [Текст] / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог - МГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 5-12.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Изд-во АСТ, 2015. 281с.
6. Морозкина Е.А., Зарипова Р.Р. Универсальность мотива игры в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Наследие М.Ю. Лермонтова и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции (29 мая 2004 г.). – Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 81 – 84.
7. Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р. Отражение национальной языковой картины мира в герменевтическом круге в процессе перевода: учебное пособие / Е.А. Морозкина, Э.Р. Насанбаева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 84 с.
8. Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А. Лингвистическая система Вильгельма фон Гумбольдта у истоков герменевтической модели перевода // Вестник БашГУ. Т. 19, №1. С. 110–114.
9. Папулова, Ю.К. Прецедентные тексты в художественном дискурсе постмодернизма и переводческий комментарий как способ их экспликации [Электронный ресурс] / Папулова Ю.К. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. - Электрон. дан. - 2014. - № 10. - С. 61-68.
10. Lermontov M. Y. A hero of our time / Translated by Martin Parker. Moscow: Foreign languages publ. house, 1947. 224 p.
11. Lermontov M. Y. A hero of our time / Translated by J. H. Wisdom and Marr Murray. N. Y.: Knopf, 1924. 265 p.

© О.О. Тимирбаева, 2017

А.С. Титлова
БашГУ, г. Уфа, Россия

Прецедентность текста микроблога

В классификационной схеме текстовых характеристик существует два основных уровня: внутренний и внешний. При этом характеристики внутренней структуры текста принадлежат содержа-

нию этого текста, в то время как внешняя организация произведения связана с внешней структурой и поддается непосредственному наблюдению [8].

Одной из характеристик внешней структуры текста является прецедентность.

В.П. Белянин определяет прецедентность как «наличие в тексте отсылок к другим текстам» [3, 108]. Н.В. Немирова говорит о данном критерии как о «процессе отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [7, 146].

В.В. Красных в качестве объекта изучения феномена прецедентности предлагает выделять «тексты речевые, спонтанные, импровизационные» [5, 228]. Исследователь полагает, что собственно прецедентный текст не используется в речи, поскольку такой текст находится в когнитивной базе реципиента, т.е. в сознании конкретного представителя конкретного национально-лингвокультурного сообщества в виде инварианта восприятия, а значит, представляет собой феномен когнитивного, а не лингвистического характера. Поэтому в речи могут использоваться «феномены иного плана: прецедентные имена и прецедентные высказывания, которые могут выступать в качестве символов прецедентных текстов» [5, 224].

Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Ю.Н. Карауловым. Автор определяет прецедентные тексты как тексты, которые значимы для человека с познавательной или эмоциональной точки зрения; тексты, хорошо известные окружению данного человека, в том числе предшественникам и современникам; тексты, к которым неоднократно возвращаются «в дискурсе данной языковой личности» [4, 216].

Среди признаков прецедентного текста Ю.Н. Караулов отмечает их «хрестоматийность»: это тексты, о которых «говорящие так или иначе знают» [4, 216].

Как следствие хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов появляется их «реинтерпретируемость», благодаря которой такие тексты «перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств» [4, 217].

Таким образом, среди характеристик прецедентных текстов выделяются хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональная и познавательная ценность; реинтерпретируемость. Совокупность этих характеристик приводит к тому, что прецедентные тексты становятся «фактом культуры» [4, 217].

Е.А. Баженова выделяет схожие характеристики прецедентного текста – признаки «автосемантической, дейктивности и реинтерпретируемости, т.е. многократной повторяемости в интертекстуальном ряду». Автор полагает, что прецедентный текст может быть извлечен из текста-источника «без потери познавательно-эстетической ценности и использован как самостоятельное утверждение в виде отдельного мини-текста или в других текстах» [2, 107].

Согласно Ю.Е. Прохорову, прецедентный текст – это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [10].

Прецедентность как характеристика внешней структуры текста представлена в текстах современных печатных [6] и электронных [1] изданий, в том числе и в тексте микроблога. Приведем следующие примеры:

«На основании «показаний» говорящего попугая американку признали виновной в убийстве. Да здравствует американский суд, самый гуманный суд в мире!» – интерпретация фразы из знаменитого фильма Леонида Гайдая «Кавказская пленница», которая в оригинале звучит как «Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!»

«На Западном фронте без перемен: обстрелы окраин Донецка продолжают» – в тексте твита используется название произведения Эриха Марии Ремарка.

«Москва пока повременит с «дачным ответом»» – аллюзия на популярную передачу канала НТВ «Дачный ответ».

«Работа на лето для подростков: Я в промоутеры пойду, пусть меня научат» – интерпретация строк из стихотворения Вла-

мира Маяковского «Кем быть?»; в авторском варианте – «Я б в рабочие пошел, пусть меня научат».

При семиотическом подходе понятие «прецедентный текст» также получает широкую трактовку. В.В. Красных, например, считает, что в систему прецедентных текстов входят не только вербальные, но невербальные прецеденты (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и т.д.) [5].

Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова определяют прецедентный текст как «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы». По мнению авторов, прецедентный текст может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм) [11, 45]. Последние известны также под термином «креолизованные прецедентные тексты» [9, 5].

В качестве примера можно привести следующие креолизованные прецедентные твиты, содержащие не только вербальный прецедентный текст, но и прецедентный изобразительный компонент: твит «Свежо предание, но верится с трудом» сопровождается двумя фотографиями: на первой изображен представитель США в ООН Колин Пауэл с пробиркой, якобы являющейся доказательством наличия химического оружия в Ираке. На второй – Петр Порошенко, по его утверждению, с паспортами российских военнослужащих, воюющих на Донбассе. Здесь, по нашему мнению, можно вести речь о прецедентной ситуации: Колин Пауэл с пробиркой стал для русскоязычного сегмента интернет-пользователей символом лжи на высшем уровне, поскольку позднее США признали, что доказательств наличия химического оружия у Ирака у них не имелось.

Еще один пример поликодового прецедентного текста – твит «Хрущев, ботинок и «Кузькина мать»», содержащий не только прецедентное высказывание Н.С. Хрущева, но и всем известную фотографию лидера СССР, стучащего ботинком по трибуне во время выступления в ООН.

Литература

1. Анищенко А.А. Эмпатийная коммуникация в киберпространстве (на материале французского языка). Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учрежде-

- ниях: сборник статей 5 международной научно-практической конференции. – Астрахань, 2017. – С. 5-8.
2. Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта: Наука, 2006. – С. 104–108.
 3. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник. – 2-е изд. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 232 с.
 4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 6-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
 5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
 6. Моисеева А.В. К вопросу о воздействующем потенциале текста гламурного журнала. Исследования по семантике: межвузовский научный сборник с международным участием. – Уфа, 2016. – С. 148-155.
 7. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса// Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2003. – Т.11. – С.146–155.
 8. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных и технических текстов) / Монография. – Уфа, 2015. (2-е издание, дополненное и переработанное). – 292 с.
 9. Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004.
 10. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2004.
 11. Слышкин Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004.

© А.С. Титлова, 2017

Н.Н. Трошина
ИНИОН РАН, Москва, Россия

**Прецедентный текст в переломную эпоху
(на материале немецкого языка периода
объединения Германии)**

Особенности устной и письменной речевой коммуникации, протекающей в форме текстов, могут быть адекватно истолкованы и описаны только на фоне синхронных им исторических изменений, т.е. с учетом реальной ситуации функционирования языка.

Различная скорость и интенсивность появления языковых новаций в различные исторические периоды существования языкового коллектива обуславливает дифференциацию языковых изменений, с одной стороны, и языкового перелома, – с другой. Языковые изменения протекают, как правило, медленно, в течение длительного периода и поэтому незаметно для рядовых участников коммуникации. Специалисты фиксируют отдельные, но не масштабные факты изменений в использовании языка, сравнивая дистанцированные хронологические срезы. В переломные же периоды в истории общества языковые новации появляются, накапливаются и сменяют друг друга с такой быстротой и непредсказуемостью, что приходится говорить о языковом переломе, который может повлечь за собой долговременный процесс языковых изменений [5, 431]. Языковой перелом происходит в условиях бурного развития и перестройки общественно-политического дискурса, в котором отражается восприятие времени участниками событий. Как подчеркивает Х. Кемпер, «именно в переломное время в обществе формируются специфические модели интерпретации (Deutungsmuster)» [5, 429], а именно: 1) модели интерпретации прошлого (о чем и как вспоминают люди, переживая переломные годы); 2) модели интерпретации настоящего (как общество воспринимает самое себя на данном переломном этапе); 3) модели интерпретации будущего (какие сценарии будущего формируются в общественном сознании в переломную эпоху). В процессе реализации этих интерпретационных моделей большим языковым коллективом протекает речевая коммуникация на злободневные общественно-политические темы.

Интерпретационная деятельность как отдельного человека, так и целого языкового коллектива осуществляется с опорой на национально-культурную текстовую концептосферу, «включающую в себя фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителя языка с известными ему текстами» [1, 27]. К таким текстам относятся тексты известных литературных произведений, сказок, песен, рекламные тексты, а также утилитарные тексты (Sachtexte), построенные по определенным моделям, используемым в соответствующих сферах коммуникации: заявления, жалобы, обращения в суд и т.д. Такие тексты, называемые в современной лингвистике

текста прецедентными, вписаны в контекст эпохи, и корпус этих текстов, а также их стилистические и семантические особенности меняются под влиянием изменений в жизни нации [1, 31]. Эти изменения диктуются необходимостью подчеркнуть концепты, важные для формирующегося нового дискурса. Следует отметить, что концепт может быть вербализован в языковых единицах различного объема – от слова до прецедентного текста.

Это теоретическое положение подтверждается при анализе прецедентных текстов, активно использовавшихся на различных этапах процесса объединения Германии в 80-90-х гг. 20 в., когда остроактуальными стали для публичного дискурса концепты СВОБОДА, ДЕМОКРАТИЯ, ДИАЛОГ С ОБЩЕСТВОМ, ЕДИНСТВО НЕМЕЦКОГО НАРОДА, ОБНОВЛЕНИЕ, ОППОЗИЦИЯ, СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ.

В переломное время появляются и новые тексты, которые, отражая изменения в речевом поведении носителей языка, также быстро становятся прецедентными. В ГДР 80-90-х гг. эти изменения отчетливо осознавались участниками коммуникации, так как воспринимались на фоне еще не забытых текстов, характерных для прежнего общественно-политического дискурса и прежней языковой практики.

При всей скорости развития событий в ГДР осенью 1989 г. в публичном дискурсе этой страны различаются два этапа [4].

Первый этап приходится на конец сентября - начало октября 1989 г., когда сначала в Лейпциге, а затем и в других городах ГДР проходили массовые «демонстрации по понедельникам» (*Montagsdemonstrationen des Herbstes 1989*). В это время преобладали «речёвки» (*Demo-Sprüche*) – новые краткие устные тексты, скандировавшиеся демонстрантами, например: *Genug mit Betrug* «Хватит лжи!». Речёвки резко контрастировали с теми текстами-лозунгами, которые традиционно публиковались в официальной прессе ГДР (например, к 1 мая: *Je stärker der Sozialismus, um so sicherer der Frieden!* «Чем сильнее социализм, тем крепче мир!») и которые еще сохранились в памяти населения. Это важно иметь в виду, анализируя использование прецедентных текстов в Германии в период, предшествовавший ее объединению, поскольку построение любого текста и, тем более, использование прецедентных текстов в изменившихся условиях коммуникации, основано на обра-

щении (пусть и неосознаваемом обычным человеком – нелингвистом) к трем аспектам текстовых моделей. Эвристически ценную модель построения текста предложила немецкая исследовательница У. Фикс .

Изложим кратко суть этой модели. Она состоит из следующих трех основных компонентов: 1) пропозиционального (*propositionales Grundelement*), т.е. типичного содержания (например, в типе текста «автобиография» – это важнейшие даты жизни, сведения об образовании, социальном статусе семьи); 2) иллокутивного (*illokutives Grundelement*), т.е. главной функции текста (например, для типа текста «автобиография» это – информирование; 3) локутивного (*lokutives Grundelement*), т.е. языкового оформления текста, связанного с использованием языковых средств, типичных для данного текста (например, для типа текста «автобиография» – «Я, ..., родился в ... году в семье ...») [3, 25-26], [2].

Речёвки отличались от прежних лозунгов по всем названным аспектам использованных текстовых моделей:

1) Изменения в пропозициональном аспекте диктовались самой политической ситуацией и ее задачами, ср. лозунг к 1 Мая *Mit dem Blick auf den XII. Parteitag der SED lösen wir die Aufgaben der Gegenwart!* «В духе XII съезда СЕПГ решим задачи современности!» и речёвку *Stasi raus!* «Штази¹⁶ вон!».

2) Изменения в иллокутивном аспекте были обусловлены новыми коммуникативными заданиями речёвок: НЕ призывы (*Sportlerinnen und Sportler! Strebt nach hohen Leistungen in der „Sportstafette DDR 40!“* «Спортсмены и спортсменки! Стремитесь к высоким достижениям в ‘Эстафете 40 лет ГДР’!»), НЕ приветствия (*Solidarische Kampfesgrüße den kommunistischen und Arbeiterparteien in aller Welt!* «Приветствуем коммунистические и рабочие партии во всем мире – соратников по борьбе!»), НЕ выражение поддержки (*Feste Solidarität mit dem Volk von Nicaragua!* «Прочная солидарность с народом Никарагуа!»), а заявление своих позиций (*SED – nein, danke!* «СЕПГ – нет, спасибо!») и требований (*Neues Forum zu lassen!* «Создать новый форум!»).

3) Изменения в локутивном аспекте текстовых моделей проявились в упрощении грамматической структуры предложения,

¹⁶ Stasi «штази» – *Ministerium für Staatssicherheit* «Министерство государственной безопасности» - *H.T.*

отказе от абстрактной и высокопарной лексики (типа *Banner* «стяг»), а также от стереотипных словосочетаний (типа *unverbrüchliche Freundschaft* «нерушимая дружба»).

Для демократических речёвок характерно использование прецедентных текстов предшествующей эпохи. Так, например, гэдээровский лозунг *So wie wir heute arbeiten, werden wir morgen leben!* «Как мы сегодня работаем, так будем жить завтра!» был переформулирован в лозунг *So wie wir heute demonstrieren, werden wir morgen leben!* «Как мы сегодня демонстрируем, так будем жить завтра!». Знаменитый призыв Карла Маркса *Proletarier aller Länder, vereinigt euch!* «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» звучал как *Proletarier aller Länder, verzeiht mir!* «Пролетарии всех стран, извините меня!».

Второй этап развития публичного дискурса начался с середины октября 1989 г., когда во время массовых демонстраций стали активно использоваться транспаранты, например: *Neue Männer braucht das Land!* «Новые люди нужны стране!», *40 Jahre sind genug!* «40 лет – хватит!». Начиная с этого времени, прежние руководители страны пытались адаптироваться в своих публичных выступлениях к требованиям переломного периода. Это приспособленчество очень ярко проявилось в насыщении ими старых текстовых моделей новой актуальной лексикой. Авторы таких текстов получили саркастическое прозвище *Wendehals* (букв. «птица-вертишейка»). Особенно известны в этом плане были Эгон Кренц (Egon Krenz) и Гюнтер Шабовский (Günter Schabowski), которые пытались создать некий «измененный дискурс» (*gewendeter Diskurs*), насыщая свои выступления словами, называвшими остро востребованные концепты, например, ОБНОВЛЕНИЕ, ОППОЗИЦИЯ, СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ. Но особенно часто в их выступлениях встречалось слово *Dialog* «диалог»: *Über den Dialog verwirklicht die Partei ihre führende Rolle in der Gesellschaft* «Через диалог партия осуществляет свою руководящую роль в обществе» (Г. Шабовски). Это слово должно было охарактеризовать новые качества общественной коммуникации и в этом плане противопоставить ее прежней коммуникации. Для характеристики последней использовались слова *Sprachlosigkeit* «бессловесность» и *Schweigen* «молчание». Перечисленные лексемы образовали в выступлениях

бывших лидеров ГДР два языковых полюса, в пространстве между которыми и существовал этот «измененный дискурс».

Демократическая оппозиция создавала новый публичный дискурс, в котором активно использовался фразеологический материал устного народного творчества и речевого наследия эпохи социализма. При этом фразеологизмы претерпевали в новых текстах, немедленно становившихся прецедентными, различные изменения, например: 1) заменялись отдельные элементы (буквы, слова, морфемы); этот способ интертекстуализации наиболее часто использовался в целях пародирования стереотипов ГДР, ее лозунгов, тезисов, а также для высмеивания широко известных политических деятелей: ZK (прежде это означало *Zentralkomitee* «Центральный комитет (СЕПГ – Н.Трошина)» → *Schluss mit Zirkus Krenz!* «Долой цирк Кренца!»); 2) лексически изменялась структура фразеологизма: *Wölfe im Reformerschapspelz* «волки в овечьей шкуре реформаторов» <*der Wolf im Schafspelz* «волк в овечьей шкуре».

Поразительная креативность новых текстов, отмечаемая всеми исследователями этого материала, обусловлена многочисленными аллюзиями, основанными на отсылках к прецедентным текстам, например: *Vergiß¹⁷ die sieben Geißlein nicht, wenn Egon von Reformen spricht* «Не забывай о семерых козлятах, когда Эгон говорит о реформах» (аллюзия к сказке «Волк и семеро козлят»). В качестве прецедентных текстов использовались также пословицы, причем нередко в одном тексте на транспаранте были связаны две пословицы, например: *Es ist schwierig, Menschen hinters Licht zu führen, wenn ihnen eins aufgegangen ist* «Трудно втереть очки человеку, если у него уже открылись глаза» (обыгрываются два фразеологизма: *j-n hinters Licht führen* «обмануть к.-л.» и *j-m ist Licht aufgegangen* «у к.-л. открылись глаза».

4 ноября 1989 г., т.е. за пять дней до падения Берлинской стены, на площади Александерплац в Берлине перед огромной массой людей выступила Криста Вольф – известная в ГДР писательница. Ее краткая речь сразу же стала широко известной, т.е. приобрела статус прецедентного текста. Его отдельные фрагменты часто цитировались, аллюзии к нему стали признаком более поздних текстов. Особенно часто цитировалось начало этой речи:

¹⁷Сохранена орфография оригинала. – Н.Т.

Jede revolutionäre Bewegung befreit auch die Sprache. Was bisher so schwer auszusprechen war, geht uns einmal frei über die Lippen. Wir staunen, was wir offenbar schon lange gedacht haben und was wir jetzt uns laut zurufen: Demokratie – jetzt oder nie! «Каждое революционное движение освобождает также и язык «То, что прежде было так трудно произнести, вдруг стало легко произносимым. Мы удивляемся тому, что мы уже давно думали и что сейчас говорим друг другу: Демократия – сейчас или никогда!» [8, 297].

Роль языка в переломную эпоху очень точно определил Г. Штётцель: «В 1989 г. (осенние события) и в 1990 г. (год объединения) язык оказался симптомом и действенным фактором революции» [7, 9].

После 3 октября 1990 г., т.е. после объединения Германии, начался новый – общегерманский этап развития коммуникации, который охарактеризовался переходом от проблем общеполитических к проблемам повседневности. Среди них существенное место заняли проблемы речевого общения на работе, в сфере обслуживания, в учебных заведениях. Выяснилось, что многие трудности речевой коммуникации в современной Германии связаны с различиями в коммуникативных нормах и, соответственно, в текстовых моделях, используемых в процессе общения [6]. Многие прецедентные тексты, используемые в аналогичных сферах на востоке и западе страны (доверенности, заявления, характеристики и т.д.) были построены по-разному. Сосредоточение внимания исследователей на этих проблемах позволило перейти от изучения отдельных языковых фактов к изучению коммуникации как таковой в сложном контексте переломной эпохи.

Прецедентные тексты являются языковыми «свидетелями» событий, и на показаниях этих «свидетелей» может быть адекватно воссоздана история общества на самых трудных этапах его существования.

Литература

1. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 125 с.
2. Трошина Н.Н. Смешение текстовых моделей как прием в рекламном дискурсе // Ежегодник Росс. союза германистов. – Т. V: Типология текстов Нового времени. – М.: ЯСК, 2009. – С. 334-339.
3. Fix U., Poethe H., Yos G. Textlinguistik für Einsteiger: Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Unter Mitarbeit von Geier G. – Frankfurt a.M., 2001. – 236 S.

4. Fraas C., Steyer K. Sprache der Wende – Wende der Sprache? Beharrungsvermögen und Dynamik von Strukturen im öffentlichen Sprachgebrauch // Germanistische Linguistik. – Göttingen, 2008. – H. 192-194: Sprache und Kommunikation in Deutschland Ost und West. – S. 299-316.
5. Kämper H. Linguistik als Kulturwissenschaft: Am Beispiel einer Geschichte des sprachlichen Umbruchs im 20. Jahrhundert // Studien zur deutschen Sprache. – Bd. 40: Sprachperspektiven. Germanistische Linguistik und das Institut für deutsche Sprache. – Tübingen, 2007. – S. 419-434.
6. Mit gespaltener Zunge? Die deutsche Sprache nach dem Fall der Mauer. Hrsg. von Reiher R., Baumann A. – Berlin, 2000. – 277 S.
7. Stötzel G. Entzweiung und Vereinigung: Antworten der Sprache auf die deutsche Frage // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. Berlin, 1991. – Bd. 67. – S. 2-20.
8. Wolf Chr. Sprache der Wende: Rede auf dem Alexanderplatz // Germanistische Linguistik. – Göttingen, 2008. – H. 192-194: Sprache und Kommunikation in Deutschland Ost und West. – S. 297-298.

© Н.Н. Трошина, 2017

К.Б. Уразаева

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

**Методика изучения прецедентного текста как претекста
при восприятии актуального текста в школе
с нерусским языком обучения**

Современную ситуацию школьного образования в Казахстане, сопровождающуюся реализацией реформы и разработкой учебников с обновленным содержанием, особенно по русскому языку, характеризует высокая степень общественного интереса, корреспондирующего с наиболее острыми социальными проблемами. Так, дискуссия вокруг учебников для 5 и 7 классов издательства «Мектеп», для 5 класса АО Назарбаев интеллектуальных школ (НИШ) [1], [2], учебников для школ с нерусским языком обучения, написанных по технологии коммуникативно-деятельностного подхода, отразившая сомнение в оправданности реформы в образовании в данное время [3], [4], особенно в приграничных с Россией областях вызвала волну общественных слушаний с участием учителей, местных департаментов образования, представителей Министерства образования и науки РК, Национальной Академии об-

разования им. И. Алтынсарина, Центра образовательных программ (ЦОП) АО НИШ. Опасения общественности прогностического плана: о девальвации образования, об угрозе массовой безграмотности, неприятие новых подходов к обучению русскому языку, вплоть до даже конспирологических версий о заговоре против народа и будущего стали перерастать в требования о необходимости моратория на проведение реформы образования, о неготовности школ к переносу модели, апробированной в НИШ и показывающей высокие результаты по итогам PISA (для сравнения: Казахстан, по исследованиям 2010 года, занял 59-е место из 65 стран в рейтинге международного исследования PISA – Programme for international Student assessment) [5].

Дискуссии вылились в слушания в парламенте страны. В результате МОН РК были инициированы, и с 13 ноября по 16 регионам страны проходят встречи авторов учебников с обновленным содержанием для 3, 6 и 8 классов с учителями страны. Эти мероприятия квалифицируются как практическая оценка учебников и предполагают объективную и прозрачную систему оценивания качества учебной литературы. Параллельно идет обсуждение учебников на сайте Республиканского научно-практического центра «Учебник» МОН РК с 1 октября с.г. [6]. Это общественная экспертиза. Предстоят и иные ступени критериального оценивания учебников.

Реформа в образовании и конкретно – в преподавании русского языка как неродного – ставит перед обществом проблему эффективности коммуникативно-деятельностного подхода с точки зрения результативности реформы образования. Настоящая статья иллюстрирует основные положения коммуникативно-деятельностного подхода на материале УМК «Русский язык и литература» для 6 класса общеобразовательных школ с нерусским языком обучения [7], проходящего апробацию в стране, разработанного для 2017-2018 учебного года. Это учебник фиксированного формата, созданный с использованием разворотного принципа.

Рассмотрим методические аспекты изучения прецедентного текста как претекста при восприятии актуального текста. Рассмотрим три урока, касающиеся одного басенного сюжета: это притча Эзопа «Ворон и Лисица» (в переложении М.Л. Гаспарова), басня

Жана де Лафонтена «Ворон и Лис», И.А. Крылова «Ворона и Лисица».

Предварим рассмотрение изложения модели обучения прецедентному тексту пониманием результативности современного урока. Это не только результативность усвоения темы, рассмотренной на уроке: «Результативность современного урока стратегична – это вклад в долгосрочный банк формирования у учащихся умений работать не на уровне действий и операций (когда цель задана и обсуждению не подлежит), а на уровне деятельности (когда цель освещается смыслом и у человека возникает возможность выбора способов деятельности) [8, 70].

Современное общество нуждается в человеке, обладающем навыками свободного говорения, грамотного и свободного письма, адекватно понимающего смысл прочитанного или услышанного («чужого» текста), а также основное содержание собственного текста и способы донесения его до адресата. Практическая значимость таких умений обусловлена достижением взаимопонимания в общении. Отсюда такая тенденция в школьном и вузовском образовании, как риторизация. В основе реформы в обучении русскому языку как неродному лежит понимание коммуникативной личности как личности в ее способности и готовности к общению. При этом на смену прежнему преподаванию приходит практическая цель – формирование навыков общения. Так, в рассматриваемом учебнике – в соответствии с долгосрочной программой – авторы предлагают ситуативные (коммуникативные) задания: написать поздравление, объяснительную записку, расписку, создать рекламу. При этом используются и методы стратегии «учебы с улыбкой».

Смещение центра обучения с предметного содержания на метапредметный результат обусловило в долгосрочной программе (и учебнике соответственно) структурирование содержания по таким разделам – «Мир вокруг нас», «Древние и современные цивилизации», «Астрономия. Планеты и звезды», что не означает изучения на уроках русского языка и литературы биологии, истории, астрономии.

Расширение словарного фонда ученика за счет работы по пониманию и применению фразеологических оборотов, паронимов, заимствованных слов и т.д. позволяет обеспечивать мотива-

цию школьников как важный элемент организации учебной деятельности, определяет как необходимость общения, так и потребность в нём. При выполнении заданий в школе с нерусским языком обучения очень важна работа учащихся, связанная с прослушиванием текста.

Если при традиционном подходе изучение правил и норм русского языка обеспечивало формирование навыков одного только вида речевой деятельности – письма, то сейчас обучение речевой деятельности предполагает комплексный подход, охват четырех видов речевой деятельности – чтения, говорения, письма, аудирования (слушанием) – как необходимого условия общения и формирования коммуникативной личности. Специфика обучения русскому языку как неродному обусловлена ориентацией программы на обучение школьников единицам языкового общения.

Новое понимание целеполагания реализуется в сообщении названиям заданий побуждения к действию: «Напишите в блог», «Сочините историю», «Обсудите картину». Используются приемы педагогики сотрудничества: «Сделаем вместе», используется национальный компонент: «Переиграй Алдара», «Стань Жиренше». С помощью заданий «За и против», «Истина рождается в споре», «Мозговой штурм» и т.д. реализуется формирование критического и креативного мышления.

Реализация межпредметных связей и текстоцентрического обучения сочетается с индивидуально-дифференцированным подходом, при котором учитывается степень сложности заданий и она варьируется, сочетаются разные виды речевой деятельности (С¹⁸+Г+Ч; С+Г+П), соблюдается принцип организации учебной деятельности в разноуровневых группах. Понятие «хай-хьюм» (high-hum – высокие гуманитарные технологии) как «совокупность знаний, духовных и культурных ценностей, а также методов передачи информации, организующих людей и побуждающих их к определённой коллективной деятельности» [9] определяет моделирование разных видов учебной деятельности на уроке, таких как индивидуальная, парная, групповая, коллективная работа для создания для учащихся коллоборативной и безопасной среды, при которой они шлифуют навыки работы в команде.

¹⁸ Буквы означают виды речевой деятельности: С – слушание, Ч – чтение, Г – говорение, П – письмо.

Дифференциация и прогрессия осуществляются и по преобладающему типу восприятия информации – аудиальному и визуальному каналам и склонности к кинестетическому типу. Необходимость развития разных каналов восприятия информации объясняет включение в уроки аудиозаписей, репродукций классической живописи и работ современных художников Казахстана – И. Яремы, М. Ведерникова и др. Важно отметить новую, самостоятельную методическую роль иллюстрации на уроке обучения русскому языку как неродному. Это следующие функции: показать; объяснить; проверить понимание; продемонстрировать процесс; начать размышлять; начать дискуссию; стимулировать письмо; представить контекст. Дифференциация деятельности и дифференцируемые результаты обеспечивают достижимость целей обучения за счет измеримости результатов.

Урок 7 «Эх, Ворон, кабы у тебя ещё и ум был в голове ...», посвященный притче Эзопа, предполагает достижение следующих целей на протяжении урока – сформулировать тему и идею басни; сочинить басню; сочинить расписку. Задание «Case studies» предполагает развитие следующих исследовательских навыков. Изучение басни как аллегории помогает – в соответствии с темой раздела («Характер и внешность человека») – описать по речи Лисицы характер и внешность Ворона – царя над птицами и понять значение термина «перифраз». При этом материал учебника на форзаце содержит рубрики-подмости для выполнения задания. Необходимость домыслить вслед за Лисицей внешность Ворона, что подразумевается под его красотой, мотивирует учеников к использованию эпитетов, которые можно применить к образу царя птиц. Аналогичным образом ученики поставлены перед задачей выразить понимание: в чем заключается величие царя. Комический характер басни помогает понять выполнение задания – ответ на вопрос: «Какая черта характера Лисицы проявляется, когда она употребляет перифраз?». Ученики могут использовать ключевые слова к уроку, что создает предпосылки для правильных ответов и проведения работы по снятию семантических и лингвистических трудностей.

Рубрика «Возьмите на заметку» помогает понять значение выражения «эзопов язык», запомнить его и использовать в дальнейшем.

Задание «Учеба с улыбкой» приходит на помощь 6-класснику в деле составления официально-деловых бумаг. Перед учениками стоит задача сочинить расписку от Лисицы о том, что она получила мясо от Вороны. Соблюдение структуры расписки, графических требований к документу сопровождаются и закреплением содержания басни Эзопа. Эти детали (Ворон, а не Ворона, мясо, а не сыр) пригодятся на одном из следующих уроков, формируя внимательность чтения.

Задание «Рассуждаем» предваряется работой с рубрикой «Словарь терминов» о прямом и переносном значении слов. Помимо лексической работы, достигается понимание стилистической роли тропа, углубляется понимание образа Ворона. Обогащение словарного запаса и понимание афористической природы басни обусловлено введением в речевой оборот фразеологизма «накаркать беду».

Каждый урок в учебнике заканчивается созданием продукта – определенной рефлексией. Как подчеркивает И. Милославский: «Способность моделировать возможные события и их последствия – очень нужный аспект совершенствования интеллекта» [10]. Так, задание «Сравните» представляет создание продукта через активизацию воображения на основе сравнения притчи и рисунка художника. А на рисунке лиса изображена некрасивой и с расплывчатыми очертаниями, в то время как Ворон красив и обольстителен. Проверка и выработка навыков внимательного чтения осуществляется путём нахождения трех отличий. Так создаются предпосылки для сочинения новой басни – с измененным финалом. Понимание жанровых особенностей достигается задачей – сформулировать мораль сочиненной басни.

Урок 8 «Вот урок вам, а урок стоит сыра» предполагает достижение таких целей – понимать и использовать фразеологические обороты, заимствованные слова; понимать и использовать риторические формулы прошедших эпох; сочинить басню с изменённым финалом на основе рисунка.

Задание «Медленное чтение» направлено на формирование навыков квалифицированного, или компетентного чтения. Метод оправдан при изучении текстов, представляющих сложность для восприятия при изучении неродного языка. Изучение басни Ж. де Лафонтена осложняется не только её переводным характером, но и

принадлежностью к классицизму, применением автором книжного стиля. Отсюда и особая этикетность в диалоге героев. Понять специфику стиля Лафонтена, необходимого (в общем виде) для сочинения клятвы Ворона, ученики смогут, описав характер и внешность Ворона и Лиса в начале и конце басни. Для передачи аллегорического характера басни ученики применяют полученные разные знания, активизируя лексический запас. Для этого они выполняют задание «Сравните».

При обучении русскому языку как неродному усиливается роль формирования риторической компетенции ученика. Формирование знаний о стиле эпохи классицизма формируется посредством работы с иллюстрацией, где изображен молодой дворянин времен Лафонтена. Связь в воображении учащихся знаний о стиле одежды и стиле речи способствует формированию целостного образа об эпохе и является почвой, подготавливающей к выполнению следующего задания – сочинения клятвы «смущённого» Ворона. Нахождение в стиле речи Лиса риторических формул, соответствующих времени Жана де Лафонтена, определяет модели имитации клятвы Ворона (отсутствующей в басне). Новая роль оценки как элемента обучения реализуется в коллективном оценивании самой остроумной клятвы Ворона. При этом четкая формулировка учителем при помощи учебника критериев оценки, таких как соблюдение формул этикета, имитация стиля автора, способствует развитию риторической культуры учащихся.

Два предыдущих урока были почвой для восприятия урока 9 «И в сердце льстец всегда отыщет уголок». Углубление знаний о баснописце И.А. Крылове и пробуждение интереса к его творчеству можно активизировать при помощи дополнительного материала историко-культурного характера и таких заданий, как «Литературная экскурсия». Ученики рассматривают фотографии известных памятников в Москве и Санкт-Петербурге скульптора П. Клодта. Можно использовать знаменитые слова автора из басни «Орёл и Пчела»: «И моего хоть капля мёду есть». Важно обратить внимание на то, что эти слова И.А. Крылова стали употребляться в случаях, когда говорится о личном вкладе в какое-либо общее дело.

Активизация знаний учащихся на стадии «вызова» может быть обеспечена заданием «Угадайте». Это связано с элементами скульптурной композиции П. Клодта и возможностью привести

примеры аллегии. Можно спросить, как в скульптуре во внешности переданы особенности характера человека.

Этот урок как своего рода итоговый по отношению к притче Эзопа и басне Лафонтена построен с применением таксономии Блума. Так, уровень «Знать» достигается выполнением задания «Проверим себя». Оно предлагает ученикам показать стрелками соответствие 1 и 2 граф таблицы. Это задание на соотнесение наиболее известных строк с названиями басен.

Уровень понимания и применения содержит «Творческая лаборатория», которая предполагает работу с разговорной лексикой, которая также входит в круг изучаемых теоретических понятий в области языка. Помимо выработки навыков работы с толковыми словарями, может быть задействована и работа со знакомыми ключевыми словами предыдущих уроков, характеризующих героев басни Эзопа и Ж. де Лафонтена. Так, учащиеся выписывают из словарей значения слов: *близёхонько*, *плутовка*, *вещунья*. Они находят и выделяют в словах уменьшительно-ласкательные суффиксы, объясняют их роль в басне для создания характера Лисицы. Выполнение задания поможет учащимся на основе рисунка изложить монолог Лисицы к Вороне в прозе, заменив слова «плутовки» синонимами – словами без уменьшительно-ласкательных суффиксов. Ученики замечают, как изменился образ Лисицы.

Для изучения русского языка как неродного важно выполнение заданий на развитие воображения. Это уровень «Анализировать». В басне есть две Вороны: одна – виртуальная – в речи лъстивой Лисицы, другая – реальная. Объединив учащихся в две группы, учитель предлагает отразить на ментальной карте характер и внешность двух Ворон с помощью цитат. Соответственно, появляется возможность сравнения басни с рисунком и ответить на вопрос: «Какую Ворону, виртуальную или реальную, он отражает?». Так достигается понимание отличий Вороны И.А. Крылова от Ворона Эзопа и Ворона Ж. де Лафонтена.

Уровень «Оценивать» достигается с помощью задания «Сравните». В басне Крылова не только 2 вороны, но и две Лисицы. Объединив в другие две группы класс, учитель рекомендует прикрепить на ментальной карте примеры, рисующие походку, голос Лисицы, и описать характер и внешность Лисицы.

Обратив внимание на рисунок, можно спросить, какую Лисицу, виртуальную или реальную, отражает иллюстрация. Так достигается понимание отличия Лисицы И.А. Крылова от Лисицы Эзопа и лиса Ж. де Лафонтена. Подведение итогов теоретического обучения можно осуществить при помощи задания – найти «спрятавшегося» автора, мораль И.А. Крылова. Какой приём (троп) использовал И.А. Крылов, применив выражение «царь-птица»? Какие выражения из басни вам понравились? Будете ли вы использовать их в своей речи? Такие вопросы, направленные на личностное восприятие, формируют мотивацию к обучению.

Рефлексия может представлять собой сочинение креативной рекламы с помощью памятки о структуре и основных правилах составления рекламы. Ученики сочиняют рекламу сыра, используя сюжет басни И.А. Крылова, применяя одну из цитат басни или фразеологический оборот.

Рефлексия может апеллировать к применению современного формата выполнения задания. Так, можно предложить написать в блог эзоповым языком краткую нравоучительную басню (в стихах или прозе), используя одно из крылатых слов или афоризм. Такое творческое задание способствует выработке собственного стиля учащихся и помогает выявить склонность учащихся к сочинению. В завершение можно спросить учащихся, понятно ли, почему урок получил название по цитате из басни И.А. Крылова и как это можно связать с эзоповым языком как жанровым признаком басни.

Итак, предложенная серия коммуникативных заданий иллюстрирует приемы формирования коммуникативной компетенции с применением методики самодетерминации личности (А. Асмолов), движущейся в образовательной траектории от объяснения учителя к пониманию и применению знаний, в том числе и в социальной действительности [11].

Литература

1. Загрибельный А. Шутингом – по мундиалю // <http://www.time.kz/articles/ugol/2017/10/02/sutingom-po-mundialju>. 2 октября 2017, 21:30
2. Загрибельный А. Учить нельзя помиловать! // https://i-news.kz/news/2017/10/03/8628911-aleksandr_zagribelnyi_uchit_nelzya_pomil.html Дата: 03 октября 2017, 22:59

3. Боранбаева З.И. Что не так с новыми учебниками по русской литературе для казахских школ? // <https://informburo.kz/stati/chto-ne-tak-s-novymi-uchebnikami-po-russkomu-yazyku-dlya-kazahskih-shkol.html>
4. Боранбаева З.И. Что не так в учебниках русской литературы для казахских школ? https://total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya/chto_ne_tak_v_uchebnikah_russkoi_literaturi_dlya_kazahskih_shkol_date_2017_10
5. Казахстан занял 59 место из 65 стран по оценке грамотности школьников // https://www.kt.kz/rus/education/kazakhstan_zanjal_59_mesto_iz_65_stran_po_ocenke_gramotnosti_shkolnikov_1153529071.html
6. Сайт Республиканского научно-практического центра «Учебник» МОН РК // <http://expert.okulyk-edu.kz/>
7. Нуртазина Р., Сулейменова Э., Уразаева К. Русский язык и литература для 6 класса общеобразовательных школ с нерусским языком обучения. УМК. – Алматы: Білім, 2017: Учебник в 2 частях (134 с. и 172 с.), «Рабочая тетрадь» в 2 частях (98 с. и 160 с.), «Книга для учителя» – 82 с.
8. Методика преподавания русского языка в вопросах и ответах. Методика преподавания русского языка в вопросах и ответах: справочное пособие / авт.-сост. Г.В. Писарук. – Брест: Академия, 2008. – 101 с.
9. Сергеев Ю. Образование – это образ будущего». // Интервью с экспертом. <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/30/obrazovanie-eto-obraz-budushchego-intervyu-s-ekspertom>. 30 сентября 2017, 14:55
10. Милославский И.Г. Правила вместо смысла. – Знамя. – 2011. – № 12. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/12/mi14.html>).
11. Локомотивом российского образования стали колледжи // <http://www.mk.ru/social/2017/11/12/lokomotivom-rossiyskogo-obrazovaniya-stali-kolledzhi.html>.

© К.Б. Уразаева, 2017

Ф.Г. Фаткуллина
БашГУ, г. Уфа, Россия

Прецедентные имена в структуре медиатекста

В последние десятилетия газетные статьи и телевизионные сюжеты средств массовой информации Республики Башкортостан зачастую оказываются насыщенными элементами интертекстуальности: пословицами, высказываниями известных людей, метафорами, жаргонизмами. Особенно ярко в этом ряду выделяются прецедентные феномены, которые наиболее актуальны в журналистике [11].

Употребление прецедентных феноменов в СМИ Республики Башкортостан объясняется возможностью насыщения текста новым смыслом, желанием журналиста сделать свой материал интереснее, провести сравнительно-исторический анализ между различными мероприятиями, эпохами и событиями. Кроме того, употребление прецедентных феноменов в текстах и телевизионных сюжетах привносит в материал экспрессивность образов, и позволяет наиболее доступно и эмоционально воздействовать на аудиторию. Добавим, что воздействие на аудиторию реализуется в публикациях за счет выражения авторского отношения и убеждения. Иначе говоря, убедительными аргументами, в пользу той или иной позиции автора, могут выступать именно прецедентные феномены. Использование прецедентных феноменов в тексте зависит от самого журналиста: его эрудиции, жизненного и профессионального опыта, речевого мастерства.

Объективную действительность люди видят в призме конкретных национальных языков, которые, как отмечают В.Г.Костомаров и О.Д. Митрофанова, «весьма различно членят действительность, накладывая на общечеловеческие процессы мышления и особенно вербального оформления мыслей свой специфический отпечаток» [6, 42]. Лингвистика как наука, изучающая общие процессы языка, вполне закономерно и традиционно обращается к вопросам культуры как вспомогательному материалу для более глубокого проникновения в суть языковых явлений.

В современных условиях параллельно с динамическими изменениями образа жизни людей меняется и языковой вкус. И публицистика, и живая речь насыщены новыми словами, номинациями, новым контекстом; значительно количество лексики с национально-культурной оценочностью – пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые слова и прецедентные феномены (имена и тексты).

Прецедентными, как известно, называются феномены, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [7, 205].

Прецедентные феномены играют огромную роль в межкультурной коммуникации и для эффективного коммуникативного акта между людьми, принадлежащими к разным национальным культурам, необходимо понимать их значение, знать контекст сообщения. При несовпадении национальных инвариантов восприятия прецедентных феноменов случаются коммуникативные неудачи межкультурные конфликты, как комического, так и трагического характера. Избежать их можно, изучив особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи конкретного носителя языка или конкретной территории. Знание национально-культурных реалий облегчает правильное понимание явлений и фактов повседневной жизни народов, говорящих на данном языке и населяющих определённый регион.

Изучение механизмов, приемов и средств языковой манипуляции для понимания логики их воздействия на сознание представляется необходимым для рассмотрения «национального менталитета и языковой картины мира как факторов, моделирующих базу манипуляционного процесса» [4, 226]. При этом национальный менталитет каждого человека обусловлен его одновременным нахождением в культурно-образовательном пространстве разных уровней: первый уровень связан с ближним кругом – индивид и его профессиональное, конфессиональное, этнокультурное окружение, второй – с региональным сообществом как целостным субъектом, третий – с общенациональным гражданским обществом, в которое региональное входит составным компонентом и общемировой цивилизационный уровень. Нас в данной статье интересует, как происходит идентификация на втором уровне. Региональное сообщество как субъект «второго уровня» формируется через местные нормативные документы, образовательные программы, культурные мероприятия, в основе которых лежит презентация образов и смыслов региональной субкультуры, которые формируют как имидж самой территории, так и проживающего там населения.

«Имидж территории – это существующая в сознании совокупность устойчивых (но необязательно системных и верных) представлений о территории. Он складывается из трёх составляющих – одной объективной (характеристики территории, отражаю-

щие объективную действительность) и двух субъективных (личный опыт, личное представление о территории, с одной стороны, и чужие мнения, стереотипы и слухи о территории – с другой)» [3, 49]. Имидж места – очень разноплановый, эмоционально-окрашенный, иногда искусственно создаваемый, зачастую поверхностный его образ, который складывается в сознании людей [3, 82]. Формирование имиджа при этом происходит средствами языка через разные каналы: фольклор, художественную литературу, кинематограф, справочники и учебники (включая карты, глобусы, «желтые страницы», энциклопедии, путеводители), реклама и СМИ (включая социальные медиа и блогосферу).

Эти каналы, как воспроизводят, так и участвуют в создании образов, маркирующих территорию (брендов). Если следовать классификации Д.В. Визгалова, бренды делятся на визуальные и виртуальные. К визуальным он относит: символику города, архитектурные сооружения, знаменитых жителей данной местности, продукцию местных предприятий, представления о местности в СМИ, литературе и кинематографе. Виртуальными брендами, составляющими имидж конкретной территории, признаются: девизы, слоганы, риторика; события, мероприятия, информационные поводы; участие данной территории на выставках и конференциях; имидж администрации территории, качество управления.

При формировании визуальных и виртуальных брендов территории, а также их массовом тиражировании, широко используется весь арсенал лингвистических средств, среди них важная роль отводится культурно-специфической лексике. Рассмотрим некоторые популярные в региональных СМИ слова и выражения, маркирующие Республику Башкортостан [8, 375]. Самое большое количество упоминаний в СМИ принадлежит национальному символу Башкортостана – слову *курай*: *Здесь слышно, как поёт курай* [Веч. Уфа, 2012. 12.04]. *Популярность курая в Башкортостане так велика, что на нем играет и «стар», и «млад»* [Республика Башкортостан, 05.11. 2015]. *Курай – не просто музыкальный инструмент, но и один из национальных символов башкирского народа. Курай стал неотъемлемой принадлежностью любого башкира, увлекающегося музыкой* [Уфимские ведомости, 2016] .

Курай – башкирский духовой инструмент, который традиционно изготавливают из стебля растения (уральский реброплодник).

Соцветие курая есть на гербе, флаге РБ, семь его лепестков, расположенных в центре белой полосы, символизируют семь родов, положивших начало единению народов, проживающих на территории Республики Башкортостан.

Следующее по популярности прецедентное имя – Салават Юлаев – национальный герой, один из руководителей Крестьянской войны 1773-1775 гг., поэт-импровизатор (сэсэн) – символ доблести и мужества. Например: *При въезде в Уфу возвышается памятник Салавату Юлаеву, конная статуя со всадником, возведенная в честь национального героя* [Молодежная газета, 2013]. Использование подобных прецедентных имен и текстов объясняется тем, что национальные прецедентные имена характеризуются большей эмоциональной насыщенностью и сильной степенью мифологизированности, и что немаловажно – способностью читателя распознать отсылку к данным прецедентным феноменам.

Одним из популярных типов прецедентных феноменов являются прецедентные тексты и прецедентные имена. К числу прецедентных текстов относятся в основном произведения художественной литературы («Гамлет», «Мёртвые души», «Страна Айгуль»), тексты песен («All You Need is Love», «Смуглянка», «Беспечный ангел»), реклама («Adidas», «Nike»), высказывания известных спортсменов («Рубашка номер 7 - честь и ответственность», «Joga Bonito! Играйте красиво!»). Часто на страницах региональных СМИ встречаются и имена знаменитых жителей Башкортостана: *Рудольф Нуреев, Земфира, Юрий Шевчук, братья Абдразаковы* и др. Национальный колорит создается и при помощи наименований местной продукции: *кумыс, мед, корот, казылык: Башкирский мед признается одним из лучших в мире по своим вкусовым качествам, экспортируется во многие страны мира* [ВЯ, 2015].

Для каждой территории прецедентные имена и тексты будут уникальны; опираясь на прецедентные феномены, бытующие на определенной территории, проще выстраивать речевую коммуникацию. Учет языковых особенностей, сформированных на данной территории, специфических языковых кодов, отраженных в лексике, фразеологии, прецедентных именах и ситуациях, позволяет лучше понимать национальные, политические, культурные и другие, присущие определенной местности, приоритеты [10]. Это усиливает эффект воздействия на реципиента, который, декодируя

информацию, получаемую от адресата, опирается на привычный для его мышления «код» – сложную комбинацию рационального и эмоционального опыта, расшифровать который можно только обладая необходимыми знаниями обычаев, традиций, менталитета объекта манипуляции.

Отсутствие принципиальной разницы между собственной мыслью индивида и чужим высказыванием существенно способствует языковой манипуляции, поскольку при отсутствии усилий для дешифровки внешних сообщений восприятие происходит на более уязвимом интуитивном уровне без активной работы сознания и критического осмысления информации. Срабатывает в данном случае и другой психологический момент, если собственное мнение и привнесенное схожи, то со временем отложившаяся в сознании чужая речь и вложенные в нее идеи начинают восприниматься как собственные. Подобное явление описывает Э. Ноэль-Нойман, по мнению которой, люди усваивают опосредованно узнанное, согласовывая его со своими представлениями, таким образом, что все спрессовывается в нечто неразделимое и оказываются в ситуации, когда «влияние средств массовой информации становится также неосознаваемым» [9, 207]. Именно поэтому СМИ играют важную роль в формировании идентичности, создавая и тиражируя свою картину мира, диктуя обществу в целом и отдельному индивиду вкусы, жизненные приоритеты, нормы поведения, в том числе и речевые. Они внушают нам, как мы должны выглядеть, одеваться, вести себя в разных ситуациях, как и что говорить в соответствии с гендерными и ситуативными различиями. СМИ призывают присоединяться к различным группам и сообществам: за или против гей браков, за или против войны, за или против абортот и т. д. [12].

Согласно теории М.М. Бахтина, любой «познавательный акт находит действительность, уже обработанной в понятиях донаучного мышления, но, главное, уже оцененной и упорядоченной этическим поступком: практически-житейским, социальным, политическим», «и познавательный акт повсюду должен занимать по отношению к этой действительности существенную позицию». А это означает, что «та или иная возможная или фактически наличная творческая точка зрения становится убедительно нужной и необходимой лишь в соотношении с другими творческими точками зрения: лишь там, где на их границах рождается существенная ну-

жда в ней, в ее творческом своеобразии, находит она свое прочное обоснование и оправдание; изнутри же ее самой, вне ее причастности единству культуры, она только голофактична, а ее своеобразие может представиться просто произволом и капризом» [1, 24].

Таким образом, сегодня весь корпус медиаречи является важнейшим компонентом современной культуры, а медиатексты насыщены национально и культурно-специфическими элементами, включая прецедентные феномены и ситуации. Чаще всего прецедентные феномены используются журналистами коммерческих и молодежных изданий для привлечения внимания читателей, и в качестве доводов, для поддержки той или иной точки зрения.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Важенина И.С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. №6.
3. Визгалов Д. Маркетинг города. М., 2008. 144 с.
4. Гронская Н.Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2003. – № 1. – С. 220-231.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000.–452 с.
6. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка как иностранного. – М., 1984.- 158 с.
7. Крысько, В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии [Текст] / В. Г. Крысько. – СПб. : Питер, 2003. – 416 с.
8. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Стилистические особенности языка региональных СМИ Материалы XLIV Международной филологической конференции, 10 по 15 марта 2015 года. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2015 С.374-376.
9. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
10. Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: монография. Книга 2.– Одесса: Куприенко С.В., 2012.– 119 с.
11. Фаткуллина Ф.Г., Хабиров Р.Р. Медиатекст в современном коммуникационном пространстве //Современные проблемы науки и образования/ URL: 2015, №1, с.885 <http://www.science-education.ru/121-18258> (дата обращения: 03.04.2015).
12. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие/Фаткуллина Ф.Г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. – 127 с.

© Ф.Г.Фаткуллина , 2017

Ф.Г. Фаткуллина, Ю.А. Саитбатталова
БашГУ, г. Уфа, Россия

«Redrum» С. Кинга как пример прецедентного словообразования в мировой культуре

Прецедентные тексты – весьма интересное явление с позиций лингвокультурологии. Они, как известно, могут играть большую роль как в культуре одного народа/языка/государства, так и в мировой. Вокруг них неизменно много споров, над их трактовкой зачастую бьются годами, а элементы их либо аллюзии к ним можно встретить в сотнях других произведений литературы, кинематографа, живописи. Однако не меньший интерес вызывает такой аспект, как прецедентное словообразование. Оно-то и интересует нас в рамках данного исследования, а точнее – конкретное «прецедентное слово».

В 1977 году американским издательством «Doubleday» был впервые опубликован готический роман Стивена Кинга «The Shining», известный русскоязычному читателю как «Сияние». Именно в этом произведении впервые появляется слово, ставшее впоследствии прецедентным для англоязычной (и не только) культуры. В первый раз читатель встречается с ним в главе четвертой – «Shadowland»: «*Across the room was a mirror, and deep down in its silver bubble a single word appeared in green fire and that word was: REDRUM*» [2, 46]. В дальнейшем вокруг этого слова «redrum», которое нельзя было найти ни в одном словаре английского языка, вращается практически все повествование. Это странное слово и станет впоследствии таким символическим в мировой (и, разумеется, англоязычной особенно) культуре.

Что же такое redrum? Изначально это слово было только лишь анаграммой другого слова, вполне привычного и обыкновенного murder – «убийство». По сюжету романа, мальчик Дэнни Торренса, не умеющий толком читать, видит его написанным на зеркале – и не более. Но в контексте «The Shining» по мере движения повествования смысл этого redrum незаметно расширяется и углубляется, и вот оно уже не анаграмма, а вполне самостоятельное

слово. Происходит это, в частности, из-за многогранности толкования как литературными критиками, так и читателями-обывателями. Но что значит это новое слово? Итак, прежде всего, redrum – это red gum, то есть «красный ром» или кровь. Это отсылка к алкоголизму Джека Торренса, отца мальчика, приведшему его семью к столь страшному финалу. Кроме того, redrum – это red room, «красная комната». Таинственная и пугающая комната, которую представляет себе маленький мальчик, а потому нюансы грамматики и фонетики здесь нивелируются. Так, по прошествии времени анаграмма redrum стала нарицательным. Оно означает «резню», «кровопролитие», и вот что пишут об этом пользователи англоязычного интернета: *«Also works on many other levels, being suggestive of bloodshed, wrath, inebriation, violence, a force that consumes people's lives like some satisfying drink, and something used to subdue the Native American tribes that form a subtext of the film»* [3]. Подтверждение этому мы находим в текстах многих песен на английском языке, к примеру, у Era Istrefi в песне «Redrum»: *«Chew you like a cannibal / Red red rum»* [4]. Также слово redrum можно встретить в кинематографе и современной массовой культуре в целом.

К слову, что наиболее интересно: для читателей, воспринимавших текст в переводе на русский язык (в частности, перевод Е. Александровой), вся «прелесть» слова redrum была потеряна, как и вся игра слов, о которой мы говорили выше. Осталась лишь «страшная» анаграмма. В русскоязычном тексте мальчик Дэнни видит на зеркале слово «смерть»: «На другой стороне комнаты было зеркало, в его дутой серебряной глубине зеленым пламенем запылало одно-единственное слово, и слово это было – ТРЕМС» [1, 25]. В свою очередь в русскоязычной озвучке фильма С. Кубрика «Сияние» (1980) redrum превратилось в «янзер» – резню, что, на наш взгляд, вполне созвучно с современным дискурсом слова в английском языке (и культуре).

Литература

1. Кинг С. Сияние – М.: Полиграфиздат, Астрель, 2012. – 416 с.
2. King, S. The Shining – NY: Pocket books, 2001. – 386 p.
3. Redrum definitions [Электронный ресурс]: Urban dictionary. Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=redrum>
4. Redrum [Электронный ресурс]: Амальгама. Режим доступа: https://www.amalgama-lab.com/songs/e/era_istrefi/redrum.html

3.3. Чанышева
БашГУ, г.Уфа, Россия

Роль прецедентности в лингвополитическом моделировании действительности в медийной коммуникации

Практика использования прецедентных явлений, рассматриваемых как разновидность текстовых реминисценций [7], насчитывает не одно тысячелетие, начиная с древних текстов, что не могло не привлечь внимания учёных к этому феномену с позиций разных научных парадигм. Одним из первых к прецедентности обратился Н.А. Рубакин, создатель науки о восприятии текста – библиопсихологии, в рамках которой он разработал понятия *мнема* (социальная память), *связь времён*, сформулировал *закон сохранения социальной памяти*. Ему принадлежит заслуга выяснения механизма прецедентности, которую он назвал «экфорией», означающей оживление записей раздражения из внешней среды посредством вынесения их в сознание [6, 61]. Кроме того, предложив подход дифференцированного описания состава социальной памяти, Н.А. Рубакин сделал принципиально важный вывод о её зависимости от расы, окружающей среды, личного опыта, или другими словами, от наследственного, социального и личностного фактора [8].

Развивая идею экфории как «оживление накопленного опыта по одной детали», В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвилова представляют эту деталь как результат свёртывания: «прецедентная фраза – это осколок прекрасной вазы, имя которой текст...<.>... это брызги нахлынувшей волны, имя которой текст» [4, 76]. Самым главным свойством прецедентной фразы, по мнению авторов, является смысл, «который не всегда выводится из суммы смыслов составляющих её слов» [4, 76]. Для практики идентификации прецедентного высказывания в речи чрезвычайно важным был вывод учёных о том, что оно может быть связано с текстом только по смыслу, будучи автосемантическим по структуре.

В последние годы прецедентность выдвигается в фокус исследования в большинстве смежных с лингвистикой дисциплин, высвечивая в схожей проблематике новые ипостаси объекта изуче-

ния. В предлагаемой статье прецедентность исследуется под углом зрения лингвокультурологии и лингвополитики с использованием инструментов анализа этих наук на разных этапах работы. Цель совмещения двух подходов заключается в выявлении роли прецедентности в создании смыслового каркаса в процессе лингвополитического моделирования реалий современности. В результате политическая реальность вытесняется ангажированным вариантом её языкового моделирования, отражая, по словам французского социолога П. Бурдьё, «триумф информации, которая ведёт к гибели политики» [2, 16].

Судя по имеющейся литературе, прецедентность прочно закрепились в лингвокультурологических исследованиях, получив статус знака лингвокультуры, семантика которого формируется в границах и под воздействием определённой национальной культуры и является важной составляющей ценностно-культурного смыслового пространства [3]. История разработки определения прецедентных явлений отражает понимание их информативно-ценностной и когнитивной природы в связи с языковой личностью (Ю.Н. Караулов), позже в связи с любым средним представителем лингвокультурного сообщества (В.В. Красных), далее – представителем определённой языковой группы (Г.Г. Слышкин) и наконец в связи с их известностью большей части сообщества (Е.А. Нахимова). Таким образом, вектор развития взглядов на прецедентность отразил динамику изменений, коснувшихся уточнения границ предмета лингвокультурологии. Не вдаваясь в детальное обсуждение расхождений в определениях прецедентных феноменов, сошлёмся на толкование, которое отвечает целям настоящего исследования: они образуют «важную часть национальной языковой картины мира, ...<...>...задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя "своих" и противопоставляя их "чужим" [5, 179].

Внимание к прецедентным именам в массовой политической коммуникации международного формата позволяет подключить в исследование категории лингвополитики: политика, власть и асимметрия властных отношений во внутрикультурном и межкультурном пространстве, гегемония, доминантная политическая культура и др. Лингвополитика зародилась относительно недавно и

занимается исследованием роли лингвистики в политическом моделировании действительности[1; 9]. Проблематика создания языковой модели приобрела особую актуальность в условиях конфронтации политических оппонентов и активно использует все современные технологии в создании аксиологической картины мира, оторванной от реалий политической жизни. Понятие *политика языка*, используемое как синоним лингвополитики, тесным образом связано с ключевой категорией *власть* и может быть определено как практики использования языка с целью создания, отражения, поддержания, изменения отношений власти в обществе[12; 13]. В процессе анализа прецедентных средств, предназначенных для выполнения этих задач в массовой коммуникации, нами выделено три уровня:

1) уровень прецедентных номинаций, устанавливаемый для языковых практик, диктующих выбор средств, наиболее пригодных для реализации политического моделирования;

2) категориальный уровень, определяющий лингвокультурологическую базу для объединения средств в процессе лингвополитического моделирования действительности;

3) дискурсивный уровень выражения мировоззренческой и идеологической модальности как смыслового каркаса политического моделирования.

На указанных уровнях значительная нагрузка падает на явления прецедентности, которые позволяют в ходе политического программирования расставлять необходимые смысловые акценты в описании персоналий, действий и событий. В основу функционирования прецедентных явлений в качестве важных средств моделирования политической реальности положена их способность сопрягаться с базовой категорией «свои» / «чужие», реализуя свой ценностно-смысловой потенциал.

Исследование прецедентных явлений на уровне номинативных знаков выдвигает проблему их идентификации, поскольку до сих пор не разработаны для этой задачи надёжные критерии. Распознавание прецедентных имён в процессе лингвополитического моделирования может успешно осуществляться с опорой на ролевую структуру культурно-политического контекста, в которой с позиций лингвополитики на первый план выходят носители неравных властных отношений. В качестве примера сошлёмся на много-

численные примеры прецедентных феноменов в выступлении американского президента Д. Трампа на 72-й сессии Генассамблеи ООН. В приведённом ниже примере в структуру предложения встроена прецедентная фраза *America First*, которая использовалась как ключевой лозунг в инаугурационной речи избранного президента, “*As President of the United States, I will always put **America first**, just like you, as the leaders of your countries will always put your countries first*” [14].

В американской лингвокультуре эта фраза актуализирует разные ценностные культурно-национальные смыслы: в контексте политического призыва Ч. Линдберга, возражавшего против вступления США во вторую мировую войну, в культурно-экономическом контексте администрации 29-го президента США У. Гардинга, в культурном контексте известной песни. Новый смысл вложил в эту фразу Д. Трамп, поставив перед собой задачу возродить и укрепить гегемонию страны, вернув ей былую роль в однополярном мире. Эта мысль неоднократно усиливается в тексте благодаря иным прецедентным явлениям, среди которых не последнюю роль играет апелляция к конституции США *The greatest in the United States Constitution is its first three beautiful words. They are: “We the people”* [14]. По убеждению Д. Трампа, этот старейший в мире документ является символом ведущей в мире державы, поэтому он призван закрепить диктуемый им порядок мироустройства.

Репертуар американских прецедентных явлений пополнился в 2013 году выражением *fiscal cliff*. На самом деле, это явление стало приспособленной к современному состоянию экономики США фразой, главную часть которой в американской политической культуре ассоциируют с высказыванием знаменитого политического публициста Н. Хомского “*Humanity Once Came to the Cliff’s Edge of Total Self-Annihilation – Let’s Make Sure It Never Happens Again*” [10], вскрывающим в образе «балансирования на краю обрыва» смертельную опасность противостояния США и СССР во время Карибского кризиса в октябре 1962 г. Прецедентное выражение *fiscal cliff*, выдвинутое на получение статуса слова года Oxford Dictionaries в 2012 году, стало обозначением серьёзного испытания экономической и политической политики Барака Обамы. Однако, по настоянию Бена Бернанке, тогдашнего главы Федре-

зерва, эта фраза была признана опасной и подверглась смягчающей картину трансформации в массовой коммуникации, породив множество узнаваемых по смыслу эвфемизмов *fiscal fast*, *fiscal curb*, *fiscal slope*, *fiscal obstacle course*, переводящих обозначенное ими явление в разряд обычных и легко преодолеваемых экономических трудностей. Появление подобных эвфемизмов свидетельствует о способности прецедентных выражений использоваться в качестве производящей лингвокогнитивной базы для производства соотносимых по смыслу фраз.

На уровне лингвокультурологических категорий прецедентность нередко реализуется в оппозиции «свой» / «чужие», с позиций которой оцениваются участники конструируемой политической реальности. Покажем этот функциональный аспект на примере американского литературного и кинематографического выражения “*Evil empire*”, наделённого в культурно-политическом контексте противостояния сверхдержав новым смыслом в очередном выпаде против СССР («Империя зла»). Это выражение стало в 1983 году политическим клише с подачи американского президента Р. Рейгана. В 2002 году перекликающаяся с этим выражением фраза “*axis of evil*” *countries* (страны «оси зла») была запущена в оборот президентом США Дж. Бушем-старшим, направленная против ряда стран, не готовых слепо подчиняться диктату США и представляющих конкурентов в идеологической, энергетической и военной областях. Несмотря на частичное формальное отличие, эти фразы сохранили общее смысловое ядро, нацеленное на моделирование миропорядка, поделённого, по американскому сценарию, навечно на «своих» и «чужих».

На дискурсивном уровне анализа устанавливается роль прецедентности в лингвополитическом моделировании действительности в границах интертекста. Эта задача осуществляется в широком культурно-политическом пространстве, включающем производимый текст в вертикальный контекст интертекстового универсума (ср. с [7]). Идеологическое противопоставление является основным интертекстуальным инструментом в создании ценностно-смыслового коннотативного поля, отражающего основу конфронтации между оппонентами. В американской политической лингвокультуре статус прецедентности приобрели возникшие в разное время эвфемистические выражения, камуфлирующие истинные

цели внешней агрессивной политики администрации. В медийном политическом дискурсе чрезвычайно популярны воззвания к миру для маскировки американской военной интервенции в разных регионах. Хорошо известны авторы таких прецедентных эвфемистических формулировок, созданных в период обострения конфликтов в последнее время. Американская военно-политическая доктрина *peace through strength* (мир с позиции силы) принимала разные формы в разные периоды, но суть её сводилась к демонстрации силы или её использованию для оказания давления на неугодные страны. В XIX веке эта политика приняла форму *gunboat policy* (дипломатия канонерок), демонстрировавшей «железный кулак угрозы силой в бархатной перчатке дипломатических отношений» (William Safire). Бомбардировки мирной Югославии в 1999 году породили новые прецедентные варианты этой политики *force enforcement*, *humanitarian bombing*, а в 2011 году произошли акты международной агрессии *humanitarian intervention* (гуманитарная интервенция) со стороны международной коалиции на территории Ливии. Наконец, демонстрация силы показана в речи Трампа на Генассамблее ООН в сентябре 2017 года, изобилующей средствами военной риторики, на фоне которой не менее зловеще звучит типичная манипулятивная фраза *peaceful engagement*, допускающая применение силы в определённых обстоятельствах.

Таким образом, исследование показало использование продуманных тактик и приёмов подключения прецедентных явлений на разных уровнях организации дискурса в массовой коммуникации как надёжного средства лингвополитического моделирования действительности по своему усмотрению и развития событий по собственному заданному сценарию. Как правило, в основе предвзятого моделирования лежит постправда [11], ставшая в последние годы базовым принципом в процессе освещения событий, искажающего факты, вызывающего эмоции, создающего в итоге печатный продукт в форме фейка. В создании виртуальной картины действительности в информационной войне прецедентным явлениям, активно участвующим в использовании «языка против реальности», отводится значительная роль.

Литература

1. Блинова Н.В. Лингвистическое измерение мировой политики: испанофобия в контексте глобализации: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб. 2009. 24 с.
2. Бурдые П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. Отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 105-141.
3. Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая культурный универсум // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 20. № 2. С. 9-16.
4. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Рус. язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73-76.
5. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: Монография. Екатеринбург: Урал.гос.пед.унив-т, 2007. 207 с.
6. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. С.47-66.
7. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17-29.
8. Харьковская Е.В., Заманова И.Ф., Фоменко И.Г. Н.А. Рубакин о понятии «социальная память» применительно к книжной и библиотечной культуре // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 12. С. 269-272.
9. Щипков А.В. Феномен лингвополитического и реальная политика // Научно-информационный журнал «Армия и общество». М.: Научно-исследовательский центр «Наука-XXI». 2014. № 6 (43). С. 18-21.
10. Chomsky N. Revisiting the Catastrophe that Almost Was: URL: <https://www.alternet.org/world/chomsky-humanity-once-came-cliffs-edge-total-self-annihilation-lets-make-sure-it-never-happens> (дата обращения: 12.08.2017)
11. Mearsheimer J.J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics Электронный ресурс: Режим доступа URL:<http://www.ebooks-share.net/why-leaders-lie-the-truth-about-lying-in-international-politics/> (дата обращения: 10.09.2016)
12. Meyerhoff M. Introducing Sociolinguistics. London, New York: Routledge, 2006. 320 p.
13. Spolsky B. The Cambridge Handbook of Language Policy. Cambridge Univ. Press, 2012. 756p.
14. Trump's Speech at UNGA URL: <http://www.firstpost.com/world/donald-trump-at-unga-full-text-of-us-presidents-speech-threatening-total-destruction-of-north-korea-4061249.html> (дата обращения 02.10.2017).

© 3.3. Чанышева, 2017

К вопросу об общности сознания коммуникантов в процессе межкультурной коммуникации

В условиях современности межкультурные контакты играют все большую роль в экономической, политической, культурной и других областях жизни государств. Сложно представить себе государство, не участвующее в межкультурной коммуникации, в связи с чем лингвистика, как и такие науки как социология, психология, культурология, столкнулась с необходимостью решения проблемы выработки навыков межкультурного общения. В ходе исследования процесса межкультурного общения необходимо проведение анализа понятия языкового сознания как в рамках сознания отдельных носителей культуры, так и языкового сознания нации в целом. Согласно точке зрения Б.А. Успенского лингвистика рассматривает понятие языкового сознания как рефлексию над языком и модусами его существования [6, 110]. О.С. Каспранский отмечает, что в широком смысле языковое сознание представляет собой отражение объективного мира, а в узком смысле-это способность правильного употребления языковых средств носителем языка в процессе коммуникации [2]. По мнению Е.Ф. Тарасова, единицей сознания являются вербальные значения, составляющие единую систему, а также система разноуровневых коммуникативных средств, обслуживающих эти значения [4].

Процесс межкультурного взаимодействия можно рассматривать как общение носителей разных национальных культур и разных языков. Ряд зарубежных лингвистов подразумевает под понятием носителя национальной культуры качества сознания при постижении им определенной культуры, которые включают в себя знания перцептивные (сформированные в результате обработки данных, полученных от органов чувств), концептуальные (получаемые как результат мыслительной деятельности), процедурные (представляющие собой описание способов использования перцептивных и концептуальных данных) [7; 8; 9; 10]. Такие знания, представляющие собой образы сознания в психологии, а в лингвистике - значение слова, ассоциируются со словами и использу-

ются коммуникантами для построения и понимания речевых сообщений. Данной позиции придерживается, например, Е.Ф. Тарасов [5, 10]. При рассмотрении понятия языкового сознания в свете межкультурного общения важным является тот факт, что межкультурное общение представляет собой не что иное, как процесс функционирования сознания в аномальных условиях в силу отсутствия оптимальной общности сознания коммуникантов. Сознание представителя одной культуры воспринимает явления чужой культуры как отклонение от нормы, а нормой считается явление собственной культуры. Процесс познания чужой культуры осуществляется посредством приведения чужих образов сознания к образам своей культуры [1, 22]. Представляя собой коммуникативное взаимодействие представителей разных национальных культур, межкультурное общение подразумевает неполную общность языковых сознаний партнеров, что зачастую приводит к коммуникативным конфликтам. Коммуникативные недопонимания возникают также в процессе деловых переговоров представителей различных национальных культур и, как следствие, носителей различных языковых сознаний.

Каковы же способы преодоления рассмотренных коммуникативных проблем? В соответствии с позицией отечественного лингвиста Тарасова Е.Ф. для достижения взаимопонимания между коммуникантами представляется целесообразным соблюдение двух условий. Во-первых, коммуниканты должны обладать общностью знаний о языке, на котором происходит общение, а также не менее важным фактором является общность образов сознания как знаний об окружающем мире. Исследователь иллюстрирует феномен языкового сознания на примере восприятия в процессе коммуникации слова «дом» в русском языке и слова «house» в английском представителями различных языковых культур - англичанином и русским. Он пишет о том, что в процессе общения на одном и том же языке, к примеру, на английском, англичанин и русский будут использовать в своем сознании образ дома, бытующий в их собственной культуре, а не в культуре языка, на котором происходит общение в данный момент. Однако при более глубоком знакомстве с культурой оппонента изменится и образная ассоциация при употреблении слова на языке оппонента. Другими словами, после познания русским человеком явлений английской культуры

со словом «house» будет ассоциироваться уже образ, сходный с образом английской культуры [5].

Из сказанного можно сделать вывод, что взаимопонимание между партнерами в процессе межкультурной коммуникации достижимо в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются, а основной причиной непониманий при межкультурном общении являются не языковые различия, а различия в национальных сознаниях коммуникантов. Проблему «общения носителей разных национальных культур» целесообразно понимать как проблему «общения носителей разных национальных сознаний». Вместе с тем, межкультурное общение невозможно без достижения взаимопонимания. Процесс постижения чужой культуры возможен двумя путями. Первый способ заключается в поиске внутри своей культуры «эквивалентного» образа и в перенесении знания о чувственной и умственной части данного образа на объект чужой культуры. Поиск различий, рефлексия над ними и, как следствие, получение нового знания составляют содержание второго пути понимания национальных особенностей культуры собеседника [5].

Подводя итоги анализа особенностей языкового сознания коммуникантов в процессе межкультурного общения, необходимо отметить, что коммуникация может быть как успешной, так и не успешной. Основной причиной возникновения коммуникативных проблем в процессе межкультурного взаимодействия является неполная общность языкового сознания коммуникантов как результат различий в их национальном сознании, так как представитель одной национальной культуры воспринимает познаваемый образ другой культуры как чужой, сохраняющий нечто непознанное. Бесспорно то, что для успешной коммуникации необходимым условием будет являться достижение достаточного, более или менее полного взаимопонимания между коммуникантами, то есть общности их сознания, которое включает в себя общность социального опыта и фонда знаний. Зоны индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов должны пересекаться настолько, чтобы возможно было достичь успешного результата общения. К такому выводу приходит в результате исследования Е.А. Климов [3, 173]. В противном случае может наблюдаться коммуникативный сбой (недостаточно адекватная коммуникация), либо коммуникативный провал (в случае неадекватной коммуникации). Таким образом,

осведомленность о культурологических особенностях друг друга является необходимой предпосылкой для оперирования образами языкового сознания, что позволит достичь адекватной коммуникации. Следовательно, для достижения общности сознания коммуникантов в процессе межкультурного общения необходимо получение новых знаний о чужой культуре, которые формируются в сознании как результат поиска и выяснения различий между образами своей и чужой культур.

Литература

1. Ахиджак Б.Н., Ахиджакова М.П. Парадигмы языкового сознания в межкультурном общении. Майкоп. Вестник АГУ. Выпуск 2, 2014, с. 21-25.
2. Каспранский О.С. Языковые представления и языковое сознание. Москва. Языковое сознание: тез IX Всесоюз. Симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, ин-т языкознания АН СССР, 1988, с. 84-85.
3. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. Москва, изд. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995, 224 с.
4. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения. Москва. Языковое сознание: формирование и функционирование, 1998, с. 30-34.
5. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. Москва, ИЯ РАН. Этнокультурная специфика языкового сознания, 1996, с. 7–22.
6. Успенский Б. А. Ego Loquens: язык и коммуникационное пространство. Москва, РГГУ, 2007, 320 с.
7. Felix SW.W., KanngieBer S., Rickheit G. (Hrsg) Sprache und Wissen. Studien zur Kognitiven Linguistik. Westdeutscher Verlag, Opladen, 1990, s. 15-23.
8. Maturana H.R. Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeiten. Ausgewählte Arbeiten zur biologischen Epistemologie. Friedr. Vieweg & Sohn, Braunschweig, Wiesbaden, 1982. 411 s.
9. Seel N.M. Weltwissen und mentale Modelle. Hogrefe. Verlag für Psychologie, Göttingen, Toronto, Zürich, 1991, 246 s.
10. Spinner H.F. Die Wissensordnung: Ein Leitkonzept für die dritte Grundsordnung des Informationszeitalters. Liaske u. Budrich, Opladen 1994, 273 s.

© Т.Д. Шабанова, К.Р. Валиева, 2017

Прецедентные феномены и приращение новых смыслов в переводе

Прецедентные феномены, как известно, содержатся в когнитивной базе человека и представляют собой инварианты восприятия, которые при необходимости актуализируются. Передача подобных феноменов при переводе текста с одного языка на другой представляет собой интересную проблему, решение которой зависит от многих факторов: характера прецедентных феноменов, типа текста, а также квалификации человека, воспринимающего и переводящего данный текст.

В проведенном нами эксперименте [1] студенты, выступившие в роли испытуемых, перевели научно-популярный текст на тему виртуальной реальности с английского языка на русский. При этом они создали 2 варианта перевода – черновой и белой. В качестве элементов для исследования были выбраны фрагменты текста, носящие универсально-прецедентный характер.

Анализ переводов этих элементов в черновых вариантах показывает, что на первом этапе реализации перевода ии. (большинство из них) наглядно демонстрируют ориентацию на внешнюю языковую форму текста, что проявляется в использовании так называемой условной *эндо-лексики* (термин А.И. Новикова). Иными словами, здесь «имеет место своего рода «извлечение» и использование для этой цели тех лексических средств, которые содержатся непосредственно в самом тексте» оригинала [2, 44].

Таб. 1.

Оригинал	Черновик	Кол-во
<i>developers</i>	<i>развиватели</i>	39%
<i>simulated car</i>	<i>симулированная машина</i>	66%
<i>the latest thing</i>	<i>поздняя вещь</i>	52%
<i>radiographer</i>	<i>радиограф</i>	72%
<i>X-rays</i>	<i>икс-лучи</i>	40%
<i>exotic locations</i>	<i>экзотические локации</i>	30%
<i>training</i>	<i>тренинг</i>	42%
<i>without damaging</i>	<i>без повреждения</i>	73%
<i>in the wrong hands</i>	<i>в неправильных руках</i>	54%

<i>generated</i>	<i>сгенерированный</i>	41%
<i>examine</i>	<i>экзаменовать</i>	13%
<i>manipulate</i>	<i>манипулировать</i>	38%

Стратегии, к которым ии. прибегли на данной стадии, соотносятся с формальной эквивалентностью, выделяемой Ю. Найдой (которая характеризуется сохранением внешней структуры оригинала, буквальным переводом, калькированием идиом и т.д.) [3]. Реципиенты ориентировались, главным образом, на внешнюю эксплицитную сторону текста. Ошибки, допущенные на этой стадии, носят в значительной степени языковой характер.

При создании белого варианта характерно увеличение числа вариантов перевода практически для всех выбранных для анализа элементов текста. Если при создании черного наброска реципиенты предпочитали, как правило, буквальный перевод, то затем происходит интерпретация черного варианта с учетом осмысления всей ситуации. Имплицитная информация, которую сложно было актуализировать на первом этапе, «проявляется» и заставляет менять созданную черновую проекцию. Этим объясняется увеличение количества разных вариантов перевода одного и того же слова или выражения.

Таб. 2

Оригинал	Беловой вариант	Кол-во
<i>The latest thing</i>	<i>последнее изобретение</i>	13%
	<i>последняя новинка</i>	23%
	<i>новшество нашего времени</i>	11%
<i>developers</i>	<i>авторы</i>	15%
<i>without damaging body</i>	<i>без хирургического вмешательства</i>	13%
	<i>без операции</i>	21%
	<i>без использования скальпеля</i>	8%
<i>to improve X-rays</i>	<i>для улучшения рентгеновских снимков</i>	34%
	<i>чтобы усовершенствовать технологию применения рентгеновского оборудования</i>	7%
<i>Simulated car</i>	<i>тренажер</i>	31%
<i>police training school</i>	<i>полицейская академия</i>	13 %
	<i>курсы повышения квалификации для полицейских</i>	8%
<i>radiographers</i>	<i>врачи, проводящие обследования с</i>	10%

	<i>помощью рентгенаппарата</i>	
<i>In the wrong hands</i>	<i>в руках преступников</i> <i>в преступных руках</i> <i>в плохих руках</i> <i>в корыстных целях</i>	15% 16% 18% 4%
<i>emergency re- sponse driving</i>	<i>выезд на экстренные (срочные) вы- зовы</i> <i>вождение в аварийных условиях</i> <i>экстремальные гонки</i>	14% 11% 6%
<i>by travelling through brain, heart or lungs</i>	<i>сначала проводят операцию вирту- ально</i> <i>проводят предварительную трени- ровку операции на компьютере</i>	6% 5%
<i>flight simulation</i>	<i>учебный тренажер для тренировки полета</i> <i>иллюзия полета</i>	4% 3%
<i>simulated world</i>	<i>мир иллюзий</i> <i>фантастический мир</i> <i>искусственно созданный мир</i>	18% 13% 7%

Анализ проведенного исследования позволяет сделать следующие выводы. Сравнение черновых и беловых вариантов демонстрирует количественную неравнозначность реакций на первой и второй стадиях перевода. Результаты психологических исследований свидетельствуют, что, несмотря на универсальный характер выбранных прецедентных феноменов, мы наблюдаем довольно широкое разнообразие интерпретаций.

Реципиенты, имеющие более-менее сходную проекцию на отдельные слова и словосочетания, в контексте ситуации или целого текста создавали совершенно разные варианты переводов тех же самых слов и словосочетаний, и, в конечном счете – разные тексты. Это объясняется тем, что реципиент не просто воспринимает информацию, но и участвует в создании новых смыслов через призму своей идентификации прецедентных феноменов. При этом смысловое приращение происходит в основном на этапе создания белого перевода, т.к. полное раскрытие смысла, извлечение имплицитной информации, привлечение прагматических, эмоционально-оценочных компонентов возможно только на фоне всего текста. Связи, установленные между прецедентными феноменами и вновь образованными контекстами, порождают новые смыслы.

Литература

1. Авакян А.А. Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста: на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке: дисс. канд.филол. наук.- Уфа: БашГУ, 2008. - 194 с.
2. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. - 213 с.
3. Nida E.A. A Science of Translation. "Language", v. 45. N 3, 1969, 483-498.

© А.А. Шияпова, 2017

Т.В. Шпар, М.В. Семенова
БашГАУ, г.Уфа, Россия

Использование прецедентных текстов в немецких футбольных кричалках

Прецедентный текст является сложным и многогранным явлением. Наряду с произведениями художественной литературы, рекламой, политическими текстами и т.д. к прецедентным текстам относят также и тексты песен [4, 83]. В данной статье изучается явление прецедентности в текстах немецких футбольных кричалок.

Болельщики футбольных клубов создали традицию поддерживать свою команду при помощи скандирования кричалок, речевок. В западных странах, таких как Англия и Германия, футбольные кричалки часто принимают форму песен. На известную мелодию накладываются новые слова, адресованные игрокам своей команды или соперникам, отражающие определенную ситуацию игры. «Новые» песни разучиваются болельщиками и исполняются хором во время матчей.

Среди рассмотренных нами кричалок мы выделяем следующие возможности использования прецедентных текстов.

1) Оригинал текста используется без изменений, модифицируется только финальная часть. Сравните:

- Heißer Sand und ein verlorenes Land

Und ein Leben in Gefahr, in Gefahr,

Heißer Sand und die Erinnerung daran,

Daß es einmal schöner war [3]. (Оригинал). (Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источников примеров).

- *Heißer Sand und ein verlorenes Land
Und ein Leben in Gefahr, in Gefahr,
Heißer Sand und die Erinnerung daran,
Wie's in München einmal war* [1]. (Кричалка футбольного клуба «Бавария (Мюнхен)»).

2) В кричалке частично сохраняются слова оригинала, частично заменяются на лексику, соответствующую интенции текста:

- *Ein Schiff wird kommen, und das bringt mir den einen,
Den ich so lieb wie keinen, und der mich glücklich macht* [3].

(Оригинал)

- *Ein Bus wird kommen, und der bringt euch den einen,
Den ihr so hasst wie keinen, das ist der FC Bayern* [1]. (Кричалка)

ка)

3) Футбольная кричалка содержит ключевые слова и фразы оригинального текста, образуя «рамочную конструкцию»: первые и последние слова известной песни сохраняют структуру произведения, делают его узнаваемым, одновременно вкладывая новый смысл в общее содержание:

- *Was wollen wir trinken 7 Tage lang,
Was wollen wir trinken – so ein Durst.
Es wird genug für alle sein.
Wir trinken zusammen – roll das Faß mal rein,
Wir trinken zusammen, nicht allein* [3]. (Оригинал)

- *Wen wollen wir feiern unser Leben lang,
Den FC Bayern schließ euch an.*

*Wir werden Deutscher Meister sein,
wir feiern zusammen, keiner singt allein.*

Wir feiern zusammen, nicht allein [1]. (Кричалка)

4) В тексте фанатской кричалки оригинальными остаются только первые несколько слов, «зачин», который и осуществляет связь с прецедентным текстом:

- *Leise rieselt der Schnee.
Still und starr ruht der See.
Weihnachtlich glänzet der Wald.
Freu dich, Christkind kommt bald* [3]. (Оригинал)

- *Leise rieselt das Spiel.
Vom Gegner hört man nicht viel,
Denn es hat wieder gekracht:*

Die Amateure ham`s g`macht [1]. (Кричалка)

Замена «*Leise rieselt der Schnee*» (Тихо сыпется, метет снег) на «*Leise rieselt das Spiel*» (Тихо сыпется игра) приводит к утрате смысла, к абсурдности высказывания. Однако такой прием оправдан имплицитными коммуникативными целями.

5) В кричалке болельщиков весь текст полностью изменен. Благодаря музыкальной основе в кричалке остаются прецедентными мелодические, ритмические и интонационные особенности оригинала. Феномен такого рода можно отнести к невербальной прецедентности. Независимо от содержательного наполнения, такие кричалки легко узнаваемы среди болельщиков различных клубов, в разных странах, они легко трансформируются и наполняются новым контентом, находя широкое применение в противоположных «лагерях».

Примером универсальной кричалки этого типа может служить мотив песни «Биттлз» «*Yellow Submarine*». Кричалка может быть направлена против ФК «Бавария», нести оскорбительный посыл по отношению к клубу-противнику:

- *Zieht den Bayern die Lederhosen aus, Lederhosen aus, Lederhosen aus!* [2].

Этот же мотив служит основой кричалки-ответа болельщиков ФК «Бавария» фанатам «вражеских» команд:

- *Uns zieht keiner die Lederhosen aus, Lederhosen aus, Lederhosen aus!* [1].

Та же мелодия используется для прославления капитана ФК «Бавария» Филиппа Лама или всего футбольного клуба:

- *Philipp Lahm ist unser Kapitän! Unser Kapitän, unser Kapitän!* [1].

- *Bayern München Ole ole ole! Ole ole ole! Ole ole ole!* [1]

Музыкальная основа «*Yellow Submarine*» исполняется также болельщиками других немецких футбольных клубов, либо по отношению к другим клубам:

- *Ihr seid nur ein Autolieferant! Autolieferant! Autolieferant!* [2].

- *Ihr seid nur ein Karnevalsverein! Karnevalsverein! Karnevalsverein!* [2].

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В кричалках футбольных болельщиков используются прецедентные тексты и мелодии немецких народных песен, хитов поп- и рок-

музыки. Нами выделяются пять видов структур прецедентных текстов футбольных кричалок. Особенностью пятого вида является невербальный характер прецедентного феномена. Все вышеописанные характеристики удовлетворяют термину «претендентность», понимаемому как «система определенных ассоциаций и чувств, вызываемых в сознании представителей определенного сообщества <...> и побуждающих к их использованию в коммуникации» [5, 335]. В данном случае кричалки способствуют сплочению внутри коллектива футбольных болельщиков, формируют систему маркеров «свой – чужой», отражают ассоциативную картину футбольного мира.

Литература

1. Dapper В. Fangesänge und Vereinslieder [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bjoern-dapper.de/Fangesaenge%20und%20Vereinslieder.htm> (дата обращения: 05.07.2017).
2. Nerver sing alone: Wissenschaftler untersuchen Fangesang [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bild.de/sport/fussball/never-sing-alone-wissenschaftler-untersuchen-46367068.bild.html> (дата обращения: 05.07.2017).
3. Songtexte [Электронный ресурс]. URL: www.songtexte.com (дата обращения: 07.11.2017)
4. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева В.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – С. 82-103.
5. Куликова Е.В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 6. – С. 334-340.

© Т.В. Шпар, М.В. Семенова, 2017

Д.Ш. Юзликбаева
БашГУ, г.Уфа, Россия

Развитие грамматических умений и навыков при коммуникативном подходе к обучению устной речи

В контексте коммуникативного обучения формирование грамматических умений и навыков приобретает особое значение. Благодаря такому подходу обучаемые осознают тот факт, что

грамматика является одним из важнейших средств, обеспечивающих коммуникацию.

В процессе говорения очень важна способность говорящего выбрать модель, адекватную речевой задаче, и оформить ее соответственно нормам данного языка. Следовательно, грамматическая форма и речевая задача должны иметь ассоциативную связь друг с другом. Выработка таких связей и является главной задачей в формировании грамматических навыков.

Процесс овладения грамматическими умениями можно разделить на 3 этапа:

1. Ознакомительно-подготовительный этап. Ознакомление с новым материалом, включая показ и объяснение, осуществляется путем его предъявления в различных речевых ситуациях общения.

2. Этап автоматизации, в ходе которого широко используются тренировочные упражнения различного типа, имеющие коммуникативную направленность.

3. Ситуативный этап. Поскольку общение всегда ситуативно, то очень важно обучать использованию иноязычных речевых средств для решения неречевых задач в типичных ситуациях общения. Ситуация есть такая динамическая система взаимоотношений, которая порождает потребность в решении речемыслительной задачи. Такое понимание речевой ситуации должно послужить основой организации речевого материала в зависимости от нужд говорящего для речевого высказывания в данной ситуации. На данном этапе обучаемый пользуется приобретенными навыками и умениями при аудировании, чтении и говорении. Ведущую роль при этом играет овладение речевыми грамматическими умениями. Среди них мы можем выделить: 1) частичные, когда перенос грамматических умений осуществляется в рамках одного грамматического явления; 2) групповые, когда перенос происходит в пределах определенной группы явлений; 3) общеграмматические, когда перенос охватывает все случаи грамматического аспекта речи. Каждая ситуация имеет различную широту ситуативного поля и величину контекста. Именно эти понятия и определяют отбор материала, в том числе и грамматического, для той или иной ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод, что при коммуникативном подходе грамматический материал усваивается в естест-

венных для общения ситуациях или максимально приближенных к ним.

© Юзликбаева Д.Ш., 2017

Я.И. Якина
БашГУ, г.Уфа, Россия

Актуализация феномена прецедентности в текстах англоязычных рекламных слоганов

В современной массовой коммуникации прослеживаются две противоположные тенденции: первая – это стремление к максимальной свободе, к обнаружению творческой индивидуальности автора, а вторая - это активное использование уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть свою субъективность и соотнести свой текст с существующими традициями, что упрощает путь алгоритма дешифровки текстового послания любого жанра. В качестве одного из ярких проявлений названных тенденций можно рассматривать активное обращение к многообразным способам использования прецедентности.

Аллюзия подразумевает «наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам». Элементы, указывающие на связь между текстами, называются маркерами, или репрезентантами аллюзии, а тексты и факты действительности, к которым осуществляется отсылка, называются денотатами аллюзии [5].

Известный отечественный учёный Ю.Н. Караулов первым ввёл понятие прецедентного текста в научный обиход, рассматривая его применительно к сознанию языковой личности и определяя его следующим образом: «Назовем прецедентными тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, 216].

По мнению Ю.Е. Прохорова, прецедентные феномены целесообразно соотносить с уровнями сознания языковой личности [3, 14]. При такой дифференциации выделяются четыре уровня прецедентности текстов. Первый уровень прецедентности соответствует языковой личности как индивидууму «со своим собственным сознанием, объемом памяти, лексиконом». Второй уровень прецедентности обозначает принадлежность языковой личности к определенному сообществу (семейному, конфессиональному, профессиональному и др.). Языковая личность этого уровня имеет «общие знания, представления, ценностные ориентации и средства их семиотизации с другими членами этого социума». Третий уровень прецедентности свидетельствует о сформированности языковой личности как члена определенного национально-культурного сообщества, «который владеет неким общим для всех включенных в данное сообщество набором “культурных предметов” и их символов». Четвертый уровень прецедентности – это языковая личность как представитель рода человеческого, «обладающий общими для всех людей знаниями и представлениями» [3, 148].

В соответствии с уровнями сознания языковой личности выделяются четыре уровня прецедентности: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный уровни. Автопрецедентные феномены «представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды». Социумно-прецедентные феномены, по определению Ю.Е. Прохорова, «известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное когнитивное пространство», например, социумно-прецедентным феноменом для христианина является текст Евангелия. Национально-прецедентные феномены «известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества». Универсально-прецедентные феномены «известны любому современному полноценному homo sapiens и входят в универсальное когнитивное пространство человечества» [3, 148]. Эксплуатация уровней прецедентности лимитирует и сужает круг целевой аудитории,

способствуя более тесному контакту и личностному обращению к представителю определенной социокультурной группы, апеллируя именно к его уровню языкового и социокультурного сознания.

Имплицитная цитатная аллюзия не дает прямого указания на автора или произведение. Часто речь идет о цитации фрагментов известных произведений, так что ассоциация с претекстом подразумевается сама собой. Таким образом, «сознательная цитация или аллюзия представляют собой такое включение элемента «чужого» текста в «свой», которое должно модифицировать семантику последнего за счет ассоциаций, связанных с текстом источником, если же таких изменений не обнаружится, скорее всего, мы имеем дело с бессознательным заимствованием» [4, 208].

Drinka pinta milka day. (Milk Marketing Board) аллюзия к одному из кораблей Христофора Колумба, который носил название «Pinta». Британский слоган молочной компании, призывавший 'Drinka pinta milka day' (пить по пинте молока ежедневно), призван, по нашему мнению, вызывать ассоциации с национальным героем, чье имя тесно связано с безграничным героизмом, который открыл Америку для европейцев.

Food of the Gods. (Ferrere Rocher)

So Relaxed Just Gods. (Zeus Travel) аллюзия к классической мифологии работает на когнитивном уровне бессознательного восприятия, отождествляя человека, принявшего "правильное решение", с Богом.

Перифразированная цитата обладает повышенной узнаваемостью и обостряет момент игры в тексте. Действительно, многие цитаты с течением времени становятся афоризмами и широко эксплуатируются копирайтерами. В результате отделенные от общего текста, «популяризированные» цитаты уподобляются шаблонным речевым метафорам, становятся элементами массовой культуры [1, 119]. Чтобы устранить шаблонность известных претекстов, копирайтеры пользуются техникой их «дефамилиаризации». Одним из подобных приемов является использование аллюзии в форме парафразы. Аллюзивное иносказание всегда проходит путь дешифровки в сознании реципиента, в результате которой восстанавливаются проекции на оригинальные тексты.

Don't worry – Be Huggies. (Huggies) Умышленная замена слова «Happy» на «Huggies» оставляет у реципиента послания

четкую ассоциацию бренда с крайне положительной коннотацией опущенного слова.

Smile, you are on Tesco Mobile. (Tesco Mobile) Популярность бренда возрастает за счет эксплуатации широко известной фразы для основы рекламного слогана, за счет включения названия бренда в рекламный слоган кампании резко повышается запоминаемость и узнаваемость бренда.

To cof or not to cof,

That's the cof cof. (Cough Medicine) Апелляция к бессмертной фразе Великого Шекспира не оставит равнодушным ни одного, слоган призван зацепить внимание и склонить реципиента сообщения к осмыслению, а как следствие закрепиться в памяти и в момент выбора склонить к "правильному решению".

Think before you write. (DBA Pen) Философская основа фразы рассчитана на особую аудиторию, чьей основной формой деятельности является умственная активность.

При выявлении прецедентных имен могут быть использованы графические, пунктуационные, морфологические, синтаксические, лексические и иные критерии, главным из которых являются широкий контекст и дискурсивные характеристики существования соответствующего текста. Применение образных средств в дискурсивной рекламной практике все более расширяется и обновляется, поскольку они способны передавать идеи копирайтера в яркой форме, что способствует усилению эмоционального воздействия на реципиента послания. Особенности массовой коммуникации в значительной степени влияют на характер используемых в ней образных средств.

Следует отметить стремление копирайтеров пополнить ряды прецедентности текстовых образований за счет введения названия самого бренда в состав слогана, увеличивая частоту его воспроизведения.

When coffee met Baileys. Baileys

A new dimension in Cava. Freixenet Ice

How Very Carr's. Carr's

Приведенные примеры слоганов работают сразу с двумя наиболее актуальными задачами любого бренда, во-первых, увеличивается узнаваемость, а как следствие и запоминаемость главного символа компании.

Актуализация феномена прецедентности играет немаловажную роль в понимании рекламного текста на всех его уровнях. Необходимо учитывать фоновые знания потенциальной целевой аудитории, на которую нацелен текст рекламного сообщения, чтобы в его восприятии оно не утрачивало свою ценность. Апелляция к общеизвестным литературным и историческим источникам, а также социокультурным явлениям, вышедшим далеко за пределы одной страны, нацелена на установление ассоциации со страной происхождения материала, послужившего источником аллюзии, так как эти ассоциации являются важной составляющей имиджа рекламного образа.

Литература

1. Давлетова, Я.А. К вопросу о моделировании процессов понимания текста Текст. / Я.А. Давлетова. // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УГАТУ, 2012. - С. 118-121.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
4. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С.122-129.
5. Энциклопедия «Кругосвет», URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ALLYUZIYA.html (дата обращения – 31.08.2016)

© Я.И. Якина, 2017

Э.А. Яхина, Н.Р. Загитова, Л.Р. Кинзягулова
БГМУ, г.Уфа, Россия

Проблема перевода фразеологизмов на примере французского языка

Фразеологизмы — высоко информативные единицы языка. В связи с этим вопрос перевода ФЕ несет особую значимость в науке перевода. Лингвисты отмечают, что в разговорной речи фразеологические единицы очень часто подвержены различным изменениям. Эти трансформации всегда несут определенную коммуникативную и стилистическую функцию.

«Перевод» занимает важное место среди многочисленных сложных проблем в современном языкознании.

Перевести - значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка [3, 15]. В задачу перевода, таким образом, входит не только точная передача содержания мыслей, изложенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами другого языка всех особенностей стиля и формы сообщения. И именно эта задача - воссоздание единства содержания и формы - отличает перевод от других способов передачи содержания, выраженных на другом языке.

Выразительность и красота языка передается при помощи фразеологизмов, которые из-за своего образного эмоционально-экспрессивного характера представляют собой важнейшие языковые средства. Перевод фразеологических единиц имеет свои трудности и подбор эквивалента может занять большое количество времени. Это объясняется тем, что многие из них - это яркие, эмоционально насыщенные обороты, которые относятся к определенному речевому стилю и часто носят ярко выраженный национальный характер. При переводе фразеологических единиц желательно также учитывать контекст, в котором они применяются. Для многих французских фразеологических оборотов характерны многозначность и стилистическая разноплановость, и тем самым осложняется их перевод на другие языки.

Вопрос сочетаемости слов представляет собой важную проблему при переводе фразеологических единиц. Чем обуславливается замена при переводе? Нередко это обуславливается тем, что в различных языках слова, схожие по смыслу, используются по-разному.

Например, русское прилагательное *ответный* употребляется в сочетаниях: *ответный визит, ответные меры*. При переводе на французский можно сказать *rendre une visite à (нанести ответный визит), mesures nécessaires (ответные меры)*. Если речь идет об обмене посланиями, то используются слова: *réponse, répondre*.

Использование глаголов напрямую зависит от норм и их сочетаемости с различными существительными. Например, *оказать услугу* переводится *rendre un service, оказать помощь — accorder son aide, оказать влияние — exercer son influence* и т. п.

Во фразеологических единицах слово, можно сказать, утрачивает свою самостоятельность, не переводится отдельно, а лишь в составе всего выражения.

Большое количество исследователей считает, что достижение полноценного словарного перевода фразеологических единиц зависит чаще всего от соотношений между единицами исходного языка и языка перевода:

1) Фразеологические единицы имеют в языке перевода точное соответствие;

2) Фразеологические единицы можно передать на языке перевода при помощи соответствий, т.е. с небольшими отступлениями от полноценного перевода;

3) Фразеологические единицы, не имеющие в языке перевода ни эквивалентов, ни аналогов.

Самое большое количество фразеологических эквивалентов встречается в интернациональной фразеологии. Интернациональная фразеология — это фразеологические единицы, вошедшие в языки разных народов из истории, мифологии, литературы. Они переходили из языка в язык, или же рождались у разных народов независимо от других. Заимствование объясняется общностью человеческого мышления, а также схожестью каких-то определенных моментов социальной жизни, культуры, производства, развития науки и т.д.

Однако необходимо отметить, что для правильного перевода недостаточно принадлежности фразеологической единицы к интернациональным фразеологизмам.

1) Нельзя утверждать, что «интернациональные единицы», которые вошли в один язык, встречаются и в остальных языках.

2) Даже если при переводе используется одинаковый прием, например, калькирование, то между эквивалентами в любом случае будут наблюдаться незначительные отличия (например, в оригинале - это сложное слово, а в языке перевода – словосочетание), что, естественно, затрудняет выбор перевода.

3) Еще одна проблема, возникающая при переводе - это несколько эквивалентов, что не позволяет переводчику сделать быстрый перевод, т.к. он не может машинально заменить свою единицу эквивалентной.

Высокая степень национальной окрашенности во фразеологических единицах выражается в особенностях взаимодействия культуры и языка. В данном случае одной из самых важных задач переводчика является «культурная адаптация таких микротекстов,

позволяющая обеспечить «читаемость» в другой культуре через сохранение их эквивалентности как смысловой, так и импрессионной, то есть эквивалентности впечатления (подсознательного воздействия), производимого на реципиента» [2, 12].

Важность глубокого изучения функций фразеологических единиц в текстах выражена их категориальными системными свойствами: широкая семантическая основа, дающая фразеологическим единицам возможность соотноситься с многочисленными денотатами или ситуациями, глобальность номинации, образность, информативная емкость, семантическая и функциональная компликативность и особый случай выражения коннотаций.

Стилистическое использование фразеологизмов требует всегда творческого подхода. Поэтому перевод фразеологических оборотов может варьироваться, таким образом мы сталкиваемся с ФЕ как в неизменной форме, т.е. уже устоявшейся, так и в измененном виде, с трансформациями, например, с другим значением или с иными экспрессивно-стилистическими свойствами.

По мнению исследователя Я.И. Рекцер существует четыре способа передачи фразеологических единиц:

- 1) с полным сохранением иноязычного образа;
- 2) с частичной заменой образности;
- 3) с полным изменением образности;
- 4) со снятием образности.

Исследователь Р. Якобсон выделяет три типа перевода:

- а) объяснение понятия своими словами (внутриязыковой перевод);
- б) перевод в собственном смысле слова (межъязыковой перевод);
- в) межсемантический перевод изложения знаков одной семантической системы знаками другой.

Если в языке перевода присутствует постоянный эквивалент переводимого фразеологизма, то именно его необходимо использовать. Например, выражения, происходящие из общего источника: античной мифологии (*le cheval de Troie* Троянский конь), библейских текстов (*la tour de Babel* вавилонское столпотворение), либо заимствованные одним языком из другого (*le secret de Polichenelle* секрет Полишинеля). Эквивалентными могут быть выражения различного происхождения, но построенные на одном типе (*vivre sous le joug* жить под гнетом).

Эквивалентом фразеологизма может быть одно слово.

Если фразеологическая единица многозначна, то в этом случае эквивалент выбирается исходя из контекста. Например:

La police est sur les dents, et arrête à tort et à travers toute personne collant des affiches antigouvernementales.

Полиция сбилась с ног и хватает без разбору всякого, кто расклеивает лозунги против правительства.

Другие словарные переводы выделенных выражений: *валиться от усталости* или *вкривь и вкось* здесь бы не подошли.

Если данная фразеологическая единица не имеет словарного эквивалента либо эквивалент национально окрашен и так специфичен, что не может быть использован в данном переводе, то следует обратиться к дословному переводу. Например:

Qui langue a à Rome va. Язык доведет до Рима. Русский эквивалент *язык до Киева доведет* не всегда может быть использован в переводе с французского.

Если эквивалента нет, а дословный перевод не понятен, то нужно дать объяснительный, описательный перевод.

Celle politique tourne le dos à la coopération fraternelle des peuples. Варианты, приводимые в словаре: *уйти, бросить, отвернуться* не подходят. Не подойдет также и дословный перевод: *повернуться спиной к.* Исходя из общего значения данного выражения, здесь можно перевести: *Эта политика не создает условий (не способствует, препятствует) для братского сотрудничества народов* [1, 214].

Выбор способов перевода зависит в каждом случае от особенностей употребления того или иного фразеологизма, от наличия или отсутствия коррелятивных средств в языке перевода.

Условно мы можем выделить фразеологический и нефразеологический переводы. Фразеологический перевод предполагает употребление устойчивых единиц разной степени синонимичности между единицей иностранного языка и подходящей единицей языка перевода – от полного и абсолютного эквивалента до приближенного фразеологического сходства. Нефразеологический перевод выражает данную фразеологическую единицу через лексические, а не фразеологические средства.

Литература

1. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. - М.: Либроком, 2009. - 456 с.

2. Телия В.Н. Русская Фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Языки славянской культуры, 1996. - 228 с.

3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – Изд-е 5-е. - М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. - 416 с.

© Э.А. Яхина, Н.Р. Загитова, Л.Р. Кинзягулова, 2017

О НАШИХ АВТОРАХ

Emily Carpenter Graduate Academic Operations Manager, Concordia University, Chicago, the USA
Karlheinz Hengst Доктор филологических наук, профессор филологического факультета Лейпцигского университета, Германия
Акубекова Диана Григорьевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Анищенко Анна Александровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ахметова Гузель Азатовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Батырова Гузель Завильевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Валиева Карина Радиковна Магистрант Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы, г.Уфа, Россия
Вардзелашвили Жанетта Александровна Доктор филологических наук, профессор Грузинского Технического Университета, г. Тбилиси, Грузия
Васильева Наталия Владимировна Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия
Веськина Наталья Анатольевна Магистрант Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы, г.Уфа, Россия
Виноградова Рената Ивановна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия
Воропаев Николай Николаевич Кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН, г. Москва, Россия

Гаврикова Олеся Анатольевна Аспирант факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Газизов Рафаэль Аркадьевич Доктор филологических наук, доцент, декан ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гилязова Диляра Рифовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Горенкова Эльвира Андреевна Ассистент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гоциридзе Русудан Арчилловна Кандидат педагогических наук, профессор Грузинского Технического Университета, г. Тбилиси, Грузия
Давлетова Ярослава Александровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Даутова Айгуль Сабитовна Ассистент кафедры английского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г.Уфа, Россия
Даутова Гузьяль Хайриваровна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры ГиСЭД ИФ УГА-ТУ, г. Ишимбай, Россия
Диярова Ляйсан Анисовна Аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г.Уфа, Россия
Желватых Татьяна Алексеевна Кандидат филологических наук, старший преподаватель ПО Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия
Загитова Нелли Ринатовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Закирьянов Кабир Закирьянович Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зарипова Ильмира Фаргатовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Зоранян Марина Георгиевна Кандидат филологических наук, профессор Грузинского Технического Университета, г. Тбилиси, Грузия
Иванова Елена Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы, г.Уфа, Россия
Исмагилова Нурия Винеровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Ихсанова Лина Ильгизовна Преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД РФ, г. Уфа, Россия
Ичкинеева Дилара Ахметовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишимбаева Галина Григорьевна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Казанцева Елена Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Каримова Роза Ахметовна Доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кинзягулова Лиана Рашитовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Комарова Ирина Нигматовна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия
Котельников Валерий Владимирович Менеджер интернет-проектов, ВебРост, г. Ростов-на-Дону, Россия
Котельникова Анастасия Николаевна Аспирант Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Котельникова Евгения Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
Кулыева Айгуль Альбертовна Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Курашкина Наталия Александровна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и культурной коммуникации ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Майорова Ольга Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Максименко Ольга Ивановна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия
Максютова Флюра Маратовна Преподаватель ИНК. г. Ишимбай, Россия
Мигранова Ирина Хамзиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Моисеева Ангелина Валерьевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Морозкина Евгения Александровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мусин Исмагил Хасанович Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Наугольных Евгения Андреевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Пермской государственной фармацевтической академии, г. Пермь, Россия

Нестерова Наталья Михайловна Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Нечаева Ольга Серафимовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Нуйкина Маргарита Рифовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Опарина Елена Олеговна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания ИНИОН РАН, г. Москва, Россия
Певная Наталья Петровна Кандидат филологических наук, старший преподаватель Государственного университета Илии, г. Тбилиси, Грузия
Пешкова Наталья Петровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Попова Валентина Николаевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Попова Юлия Константиновна Кандидат филологических наук, доцент Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Раренко Мария Борисовна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г.Москва, Россия
Рогачёва Алёна Юрьевна Учитель английского языка, МБОУ СОШ №3, г. Ишимбай, Россия
Сайтбатгалов Искандер Расулевич Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории РБ, археологии и этнологии Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сайтбатталова Юлия Аликовна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Салимьянова Гузелия Вазировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сафина Зарема Миниаминовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа
Семенова Марина Викторовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Тимирбаева Оксана Олеговна Ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа
Титлова Анастасия Станиславовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Тритенко Татьяна Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка и основ терминологии Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, г. Москва, Россия
Трошина Наталья Николаевна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г. Москва, Россия
Уразаева Куралай Бибиталыевна Доктор филологических наук, доцент, профессор Евразийского национального университета им. Л.н. Гумилева, г.Астана, Казахстан
Фаткуллина Флюза Габдуллиновна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Харькова Юлия Владимировна Преподаватель английского языка, ООО «Английский Ноу-Хау», г. Орск, Россия
Чанышева Зульфира Закиевна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шабанова Татьяна Дмитриевна Доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы, г.Уфа, Россия

<p>Шияпова Асия Альтафовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия</p>
<p>Шпар Татьяна Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия</p>
<p>Юзликбаева Диляра Шамильевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия</p>
<p>Якина Яна Игоревна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета , г.Уфа, Россия</p>
<p>Яхина Элина Анваровна Преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия</p>

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Emily Carpenter Verbal Aggression on the Internet	3
2.	Rusudan Gotsiridze An Intercultural Focus in Language Education	7
3.	Karlheinz Hengst Pragmatonyme aus der jüngeren ostdeutschen Vergangenheit und Oralität	12
4.	M.G. Zoranyan Teaching English as a Means of Developing Intercultural Communicative Competence	15
5.	Акубекова Д.Г. К вопросу англицизации немецкого языка	20
6.	Анищенко А.А. Речевая сфера сорадования с позиции адресата	24
7.	Ахметова Г.А. Скрытые экфрасисы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»	32
8.	Вардзелашвили Ж.А., Певная Н.П. Гипотетическая дистрибуция вербализованного компонента когнитивных структур	37
9.	Васильева Н.В., Тритенко Т.В. Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования	43
10.	Виноградова Р.И. Чтение и реферирование литературы по специальности при подготовке к сдаче кандидатского минимума по иностранным языкам	48
11.	Воропаев Н.Н. Прецедентные тексты в китайскоязычном дискурсе	51
12.	Гаврикова О.А. Гиперссылки как инструмент реализации категории интертекстуальности	57
13.	Газизов Р.А. О некоторых доминантных особенностях общения немцев и русских в ситуациях коммуникативного этикета	61
14.	Гилязова Д.Р. Феномен вербальной агрессии как провоцирующий фактор конфликтов в обществе	66
15.	Горенкова Э.А. Паралингвистические средства выражения эмоций в песенном дискурсе (на материале английского и русского языков)	69

16.	Давлетова Я.А. Исследование взаимосвязи категории «смысла» текста и сознания реципиента (на материале текстов пословиц)	74
17.	Даутова Г.Х., Максютова Ф.М. Значение прецедентного феномена в рекламном тексте	80
18.	Даутова А.С., Шабанова Т.Д. Когнитивные основания дифференциации значений английских глаголов <i>leave-depart</i>	83
19.	Днярова Л. А. Когнитивная метонимия как механизм образования анималистической глагольной лексики английского языка	89
20.	Желватых Т.А., Каримова Р.А. Психолингвистический анализ понимания иронии в драматургическом тексте	95
21.	Закирьянов К.З. Место русского языка в полилингвальном мире	102
22.	Зарипова И.Ф. Соотношение объема лексических значений имен существительных анимативной группы в татарском и русском языках	107
23.	Иванова Е. В., Велькина Н.А. Определение основных приемов перевода неологизмов английского языка, образованных безаффиксальными способами, на русский язык, выявление частотности используемых переводческих трансформаций	112
24.	Исмагилова Н.В. Словообразовательные особенности просторечия	114
25.	Ихсанова Л.И. Аллюзия как источник прецедентных текстов	120
26.	Ичкинеева Д.А. Актуализация прецедентного текста на уровне ключевых слов	123
27.	Ишимбаева Г.Г. Интертекст «Золотой книги» Д. Лессинг	129
28.	Казанцева Е.А. Использование эмоциогенного потенциала прецедентных текстов образовательного дискурса как возможный путь к сохранению малых языков и культур	133
29.	Комарова И.Н. Основные типологические параметры грамматической системы тибетского языка	136

30.	Котельникова А.Н. Доминантность как универсальный принцип функционирования смысла	142
31.	Котельникова Е.В., Котельников В.В. Сетевое исследование общности сознаний участников групповой коммуникации	147
32.	Кульева А.А. Влияние языковой культуры на языковое сознание	153
33.	Курашкина Н.А. Современные тенденции в развитии зарубежной эколингвистики	155
34.	Майорова О.А. Спациальные аспекты интертекстуальности	159
35.	Максименко О.И. Вторичная прецедентность в коммерческой номинации	164
36.	Мигранова И.Х. Гендерная асимметрия как индикатор культурных стереотипов в прецедентных высказываниях	167
37.	Моисеева А.В. Прецедентность как характеристика текста гламурного журнала	172
38.	Морозкина Е.А., Харькова Ю.В. Формирование интертекстуальных смысловых рядов с опорой на прецедентные тексты	176
39.	Мусин И.Х., Батырова Г.З., Нуйкина М.Р. Социоллингвистические факторы, влияющие на речевое поведение студентов-иностранцев, обучающихся в России	183
40.	Наугольных Е.А. К вопросу об интерпретации мультилингвистических девиаций в романе Дж. Джойса «Поминки по Финнегану»	185
41.	Нестерова Н.М., Попова Ю.К. Прецедентные феномены в постмодернистских художественных произведениях и их лакуарность: проблема межъязыковой трансляции (на материале романа А.Байетт «Детская книга»)	188
42.	Нечаева О. С. Культурология и этнолингвистика	194
43.	Опарина Е.О. Заемствованная лексическая единица как элемент дискурса и связанных с ним культурных практик: на примере текстов коммерческой рекламы	197
44.	Пешкова Н.П. Прецедентный текст как реакция реципиента при понимании письменных речевых произведений различных типов	199

45.	Попова В.Н. Распространение сокращений в немецком языке	206
46.	Раренко М.Б. К вопросу о переводе рекламы	211
47.	Рогачёва А.Ю. Морфологические особенности туристической рекламы	217
48.	Сайтбатталов И.Р. Роль интертекста в понимании башкирской поэзии XIX века	220
49.	Салимьянова Г.В. Реализация категории вежливости в ритуале гостеприимства (на материале английского языка)	225
50.	Сафина З. М. Семантическая структура пространственных предлогов	231
51.	Тимирбаева О.О. Способы перевода прецедентных феноменов в художественном тексте (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и англоязычных версий его перевода)	235
52.	Титлова А.С. Прецедентность текста микроблога	241
53.	Трошина Н.Н. Прецедентный текст в переломную эпоху (на материале немецкого языка периода объединения Германии)	245
54.	Уразаева К.Б. Методика изучения прецедентного текста как претекста при восприятии актуального текста в школе с нерусским языком обучения	252
55.	Фаткуллина Ф.Г. Прецедентные имена в структуре медиатекста	261
56.	Фаткуллина Ф.Г., Сайтбатталова Ю.А. «Redrum» С. Кинга как пример прецедентного словообразования в мировой культуре	268
57.	Чаньшева З.З. Роль прецедентности в лингвополитическом моделировании действительности в медийной коммуникации	270
58.	Шабанова Т.Д., Валиева К.Р. К вопросу об общности сознания коммуникантов в процессе межкультурной коммуникации	277
59.	Шияпова А.А. Прецедентные феномены и приращение новых смыслов в переводе	281

60.	Шпар Т.В., Семенова М.В. Использование прецедентных текстов в немецких футбольных кричалках	284
61.	Юзликбаева Д.Ш. Развитие грамматических умений и навыков при коммуникативном подходе к обучению устной речи	287
62.	Якина Я.И. Актуализация феномена прецедентности в текстах англоязычных рекламных слоганов	289
63.	Яхина Э.А., Загитова Н.Р., Кинзягулова Л.Р. Проблема перевода фразеологизмов на примере французского языка	293

